

ФЕДЕРАЛЬНАЯ

ИНФРАСТРУКТУРА И ЭКОНОМИКА

www.kmln.ru

№ 37 февраль 2013

строительство • транспорт • энергетика • промышленность • связь

КРАСНОЯРСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ФОРУМ 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ДОРОЖНАЯ КАРТА ПЕРЕМЕН УДАРИМ ПЕРЕМЕНАМИ ПО БЕЗДОРОЖЬЮ	4
СИБИРЬ НА КАРТЕ МИРОВОГО РОСТА. РАЗВИТИЕ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ	16
ЭНЕРГЕТИКА СИБИРИ ПОВЫШЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ	28
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КЛАСТЕРОВ	39
АНГАРО-ЕНИСЕЙСКИЙ КЛАСТЕР: ТЯЖЕЛО ВНАЧАЛЕ — ХОРОШО В ПЕРСПЕКТИВЕ	50
ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО: ВРЕМЯ СИНЕРГИИ	55
ГОРОД КАК ФОКУС ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	62
НОВЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ АГЛОМЕРАЦИЙ: СТРАТЕГИИ РЕГИОНОВ	68

Учредитель: ИП Комольцев А.В.

Адрес редакции: 198261 Санкт-Петербург,
ул. Бурцева, д. 13, кв. 62

Тел./факс (812) 910-6978, (495) 776-8190

Свидетельство о регистрации СМИ от 24.10.2006 г. ПИ
№ ФС77-25896, выдано Федеральной службой по над-
зору за соблюдением законодательства в сфере мас-
совых коммуникаций и охране культурного наследия
Издатель, главный редактор: предприниматель
Алексей КОМОЛЬЦЕВ

komolcev_av@rambler.ru

Бухгалтер: Олег НОГА

Корреспонденты: Ольга ЛОСКУТОВА, Сергей ВАСИЛЬЕВ

Дизайн: Лариса МИТРОФАНОВА

Расшифровка: Алина НЕИЗВЕСТНАЯ,

Александра ХОМУТКОВА

Редактор по рекламе: Ольга ФЕДОРОВА

komolion@rambler.ru

Корректор: Мария ДОБРОВА

<http://www.kmln.ru>

Подписано в печать 14 марта 2013 г.
Публикации, сопровождаемые блоком адресной
информации, модули на обложках журнала, и
статьи, помеченные значком ●, публикуются
на правах рекламы.

Отпечатано в типографии
ООО «Цветпринт», г. Санкт-Петербург
Роменская ул., д. 10к
Установочный тираж 3000 экз.

От редакции

Пожалуй, есть две наиболее интересных впечатления от Красноярского экономического форума. Во-первых, это круглый стол о государственно-частном партнёрстве, где ведущие руководители транспортной отрасли раскрывают проблемы и перспективы становления обновленной транспортной инфраструктуры региона. Принципиально новое качество жизни, мобильности населения, выход на реализацию давней роли моста между Азией и Европой — все эти цели, будем надеяться, достижимы — поскольку всем выступавшим хочется сделать «как лучше».

Но вот второе впечатление нам подарили энергетики: получилось «как всегда». Запутанные взаимоотношения между сетевыми компаниями разных уровней; федералы не знают, что делают регионалы; регионалы не могут договориться с территориальными сетевиками; все знают, каковы имя и фамилия у каждой из территориальных проблем — но никто и ничего поделать не в состоянии. Собственно, тупик реформы энергетики уже не новость — и как выходить из него, пока никто решить не в состоянии...

Будем надеяться, что кладовая России будет развиваться не столько благодаря отдельно написанным законам, не только особым экономическим зонам; не только под приятные поводы вроде универсиад и олимпиад — но позволит получить общефедеральную модель развития, актуальную для всей территории страны. Оставайтесь с нами!

С уважением главный редактор

Алексей Комольцев

Дорожная карта перемен Ударим переменами по бездорожью

На открытии Красноярского экономического форума Дмитрий Медведев и руководители ведущих структур, ответственных за инвестиционные процессы в стране, обсудили проблемы развития Сибири и Красноярского края, наметили основные направления для интенсивного развития края, которым по предсказанию Ломоносова будет прирастать богатство России. На заседании присутствовали представитель агентства стратегических инициатив Артем Аветисян, губернатор Красноярского края Лев Кузнецов, генеральный директор Центра фискальной политики Галина Курляндская, генеральный директор Сибирской угольной энергетической компании Владимир Рашевский, управляющий партнер московского офиса «Маккинзи» Ермолай Солженицын, профессор Департамента политических исследований Университета Калифорнии Даниэль Трейсман. Мероприятие открыл Председатель Правительства России Дмитрий Медведев.

— Д.А. Медведев: Надеюсь, что москвичи проснулись. Я выступал здесь же 5 лет назад, площадка для меня особенная. Форум тогда начался раньше, и огромное количество гостей из Москвы сидело с полужакрытыми глазами — в этот раз устроители поступили более гуманно, пленарное заседание начинается в полдень «по Москве», поэтому надеюсь, что мы сможем обсудить нашу текущую жизнь и планы на будущее. 5 лет назад я выступал здесь с программным заявлением, и сформулировал видение развития страны на ближайшие годы, представив концепцию так называемых 4-х «И» — институты, инфраструктура, инновации, инвестиции. Потом к этому добавились 5-я «И» — интеллект. Считаю, что все эти 5 «И» не утратили актуальности. Сегодня можно поговорить о том, что было сделано за эти годы, и чего не получилось. Но главное, как двигаться дальше.

Две недели назад я утвердил основные направления деятельности Правительства до 2018 года. Работа будет вестись в новом формате — так называемых государственных программ. Определены целевые показатели, необходимые для их достижения ресурсы. Это программа развития промышленности, сельского хозяйства, модернизации образования, здравоохранения, обеспечения экологической безопасности, и другие.

Не хочу тратить время на повторение очевидных и для власти, и для бизнес-сообщества выводов, какие факторы преобладают в мировой экономике, о нестабильности и неопределенности. Но ясно, что возврат к докризисной модели роста в нашей стране и многих

других уже невозможен. Надо искать новую модель. В нашем обществе созрел устойчивый и справедливый запрос на иное качество жизни в широком смысле этого слова: иное качество образования, здравоохранения, всей социальной сферы. Власть не может этого игнорировать, и здесь бюджетными инвестициями не обойтись.

Обо всем этом я говорил недавно в Москве на Гайдаровском форуме, потом на форуме в Давосе, и затем на расширенном заседании Правительства. Повторяться не буду, скажу лишь, что подобный вызов не мог возникнуть в слаборазвитом и бедном государстве. Лет 15 назад такой вызов сформироваться в нашем обществе не мог, потому что мы были слишком слабы. Этот запрос говорит о росте благосостояния людей, о продвижении страны вперед. Но чтобы ответить на него, нужно обеспечить устойчивое развитие, добиться экономического роста темпами не менее 5% в год. Цель сверхсложная, нас все время критикуют за эту амбициозную задачу. Но и я, и мои коллеги уверены, что она решаемая. Более того, если мы ее не решим, то не сможем выполнить все, о чем договаривались. Мы должны заниматься повышением эффективности нашей экономики в целом, улучшением государственного управления, и воспользоваться существенным ресурсом — нашим гражданским обществом.

О конкретных задачах. Первая задача для нас постоянная, но тем не менее все равно первая — это улучшение инвестиционного климата. Как известно, инвестклимат определяется различными параметрами, главное мерило состояния делового климата в стране — это отношение самого бизнеса. Как бизнес его чувствует, такой климат и есть: не индикаторы, не рейтинги, не заклинания властей. Я думаю, это абсолютно очевидно. Оценка со стороны инвесторов, насколько последовательна и предсказуема политика государства, решения регуляторов, действия правоохранительных органов, эффективность судебной системы, надзорных и контрольных служб, включая инфраструктурных компаний, от которых зависит развитие: все это влияет и на ведение бизнеса, и на принятие инвестиционных решений. Неслучайно в Красноярске год назад началось обсуждение национальной предпринимательской инициативы. Фактически бизнес сформулировал повестку дня для Правительства. Дорожные карты по подключению к энергосетям, получению разрешения на строительство, по таможенным делам, по поддержке экспорта, конкуренции, регистрации собственности — уже в действии. Поставленные цели сопровождаются показателями, как можно измерить их достижение. То есть мы получили управленческий механизм, не идеальный, но в целом он работает, и в его основе лежит реальный общественный запрос. Не все идет гладко, нужно найти консенсус между различными силами при утверждении дорожных карт, потому что часто представление государственных структур и бизнеса расходится, и задача ведомств — соединить подходы. И, во-вторых, есть вопросы

к выполнению дорожных карт, к срокам и к сути происходящих изменений. На подходе так называемая вторая волна этих дорожных карт. Она касается процедур регистрации предприятий, доступа малого и среднего бизнеса к закупкам компаний с государственным участием, повышение качества регуляторной среды и совершенствование налогового администрирования. Все эти карты на подходе. Важно, чтобы ответственность за конкретные результаты не размывалась между различными структурами — меняться должна практика применения, а не только ведомственные отчеты. Необходим постоянный мониторинг, что сделано, как сделано, в какие сроки это происходит. Мониторинг в любом случае будет проходить постоянно, причем хотел бы подчеркнуть, он должен происходить путем опросов предпринимателей. Потому что это главный индикатор того, что мы делаем.

Все обещанное должно быть исполнено. Еще одна амбициозная идея к 2018 году — войти в двадцатку наиболее благоприятных для предпринимательской деятельности экономик. Эту цель тоже никто не отменял. Для этого нужно продвигаться по всем направлениям, улучшая показатели по различным составляющим делового климата. А это сделать можно. По целому ряду направлений мы продвинулись на 40-50 позиций буквально за год. Значит, эти задачи решаемые. И еще очень важно правильно себя презентовать. Потому что восприятие России, не наше, а из-за границы, часто основано на ложных тезисах и фантомных представлениях о советской экономике и советской политической системе. Чтобы конкурировать глобально, чтобы построить инновационную экономику, необходимо изменить наш подход к образованию, к системе компетенций. Сегодня практически во всех отраслях стоит проблема кадров; предприятиям приходится инвестировать в переквалификацию уже подготовленных специалистов. Многие выпускники не могут найти работу по специальности. Мы должны учиться лучше у самых лучших, не забывая, конечно, о наших традициях, но привносить новые формы образования, подготовки инженеров, менеджеров, тех, кто будет создавать конкурентную среду. Соревноваться и на российском и на внешнем рынке. Работодатели, профессиональные сообщества должны участвовать в формировании требований к качеству знаний. Мы проводили попечительский совет двух наших первых федеральных университетов, которые были созданы 5 лет назад — Сибирского федерального университета и Южного федерального университета. Важно, чтобы бизнес не уходил от образования. Сейчас это понимание есть

практически у любого современного бизнесмена. Лидеры нашего ИТ рынка уделяют этой сфере определенное внимание — работают со школами, создают базовые кафедры, даже факультеты не только в Москве и Петербурге, но и в других городах. Эти примеры должны становиться нормальной практикой не только для ИТ-бизнеса, но для бизнеса в целом. Я рассчитываю, что в результате дискуссий, обмена опытом на Форуме рождаются интересные предложения. Коллеги из Агентства стратегических инициатив учтут их в дорожной карте по созданию национальной системы компетенций и квалификаций.

Третье — это последовательное создание современной инфраструктуры; критически важная вещь для страны, все это понимают особенно остро, находясь в Сибири. Цель — повысить связанность территорий, улучшить транспортную доступность, развивать международные транспортные коридоры, увеличивать скорость доставки пассажиров и грузов, выделять и ликвидировать узкие места, использовать резерв повышения пропускной способности на автомобильных и железных дорогах. Показатель транспортной подвижности населения должен быть увеличен к 2018 году на 40%, а объем экспорта транспортных услуг в 1,8 раза. Принципиальное значение имеет развитие региональной и местной авиации. На государственном уровне принят ряд решений, пилотный проект реализуется в Приволжском округе, дальнейшие действия будут направлены на расширение маршрутной сети и снижение стоимости авиаперевозок, в том числе за счет создания условий для работы низкобюджетных авиаперевозчиков. Это важно с учетом того, что наша страна в этом смысле уникальна.

Что касается энергетической инфраструктуры, Сибирь обладает колоссальным потенциалом. В Красноярском крае на полную мощность выводится Ванкорское нефтегазовое месторождение, которое служит ресурсной базой для трубопровода Восточная Сибирь — Тихий океан. Крупные центры газодобычи появляются в Иркутской области на базе Ковыкты, в Якутии на базе Чагининского месторождения — это должно дать дополнительный импульс газификации регионов и росту перерабатывающей промышленности. Стратегически важную роль в добыче углеводородов будут играть проекты по освоению арктического шельфа. Для всех этих проектов важна система налоговых льгот, которая в этом году будет закреплена на долгосрочной основе. Несмотря на доминирующую роль гидроэнергетики, в Сибири есть значительный ресурс для его дальнейшего развития. Объем мощности потенциальных гидроэ-

Еще одна амбициозная идея к 2018 году — войти в двадцатку наиболее благоприятных для предпринимательской деятельности экономик. Эту цель тоже никто не отменял. Для этого нужно продвигаться по всем направлениям, улучшая показатели по различным составляющим делового климата. А это сделать можно. По целому ряду направлений мы продвинулись на 40-50 позиций буквально за год. Значит, эти задачи решаемые. И еще очень важно правильно себя презентовать. Потому что восприятие России, не наше, а из-за границы, часто основано на ложных тезисах и фантомных представлениях о советской экономике и советской политической системе.

Необходимо усилить межрегиональные связи, в том числе перетоки Сибирь — Урал, и в перспективе Сибирь — Дальний Восток, что позволит повысить эффективность единой национальной электрической сети под координацией создаваемой управляющей компании «Российские сети». Проекты развития инфраструктуры требуют огромных инвестиций; только бюджетными деньгами не обойтись. Необходимо активно использовать потенциал государственно-частного партнерства, создавая условия для привлечения длинных денег — это позволит в ближайшие 10 лет удвоить и объемы дорожного строительства.

лектростанций Сибири превышает все действующие электростанции региона. В прошлом году введена в строй первая очередь Богучанской ГЭС, одной из крупнейших в России. В этом году станция должна выйти на полную проектную мощность.

Необходимо усилить межрегиональные связи, в том числе перетоки Сибирь — Урал, и в перспективе Сибирь — Дальний Восток, что позволит повысить эффективность единой национальной электрической сети под координацией создаваемой управляющей компании «Российские сети». Проекты развития инфраструктуры требуют огромных инвестиций; только бюджетными деньгами не обойтись. Необходимо активно использовать потенциал государственно-частного партнерства, создавая условия для привлечения длинных денег — это позволит в ближайшие 10 лет удвоить и объемы дорожного строительства. Мы завершаем подготовку изменений в нормативную базу, которая предусматривает возможность финансирования объектов инфраструктуры за счет инвестора. В последующем его затраты будут компенсироваться из бюджетных средств, формируемых в результате дополнительных налоговых поступлений от реализации таких проектов. Для этого может быть задействован Инвестиционный Фонд.

Также в Правительство внесен проект федерального закона, который касается основ ГЧП в субъектах РФ и муниципальных образованиях, устанавливает правовые и организационные условия для привлечения в экономику субъектов частных инвестиций. Принято принципиальное решение о расширении возможности институтов развития, а так же об использовании в институциональных целях части ресурсов пенсионных фондов. Конечно, при обеспечении сохранности пенсионных накоплений — этим мы поступить не можем; обязательный критерий — окупаемость проектов. Понятно, что по инфраструктурным проектам сроки весьма длительные, 15-20 лет, и больше иногда, но уже сегодня мы можем предлагать такую нормативно-методическую схему, которая позволит оптимально распределить риски между государством, инвестором, строителем и операторами инфраструктур.

Четвертое. Нам предстоит создать на внутреннем рынке устойчивый и долгосрочный спрос на изобретения, на умные технологии. Чуть более года назад в декабре 2011 года была утверждена стратегия инновационного развития России до 2020 года. В результате совместной работы государства, бизнеса и образования, доля предприятий, которые осуществляют технологические инновации,

должна вырасти до 25%, а по отдельным секторам до 40% к 2020 году. Уже построены главные звенья системы по продвижению новых разработок, от их создания до внедрения в производство. В ее основе — институты развития и законодательство, которое призвано сделать более комфортными условия ведения инновационного бизнеса. Это касается дерегулирования и снятия бюрократических ограничений в сфере налогового законодательства и страхования рисков.

Что еще важно? 60 крупнейших компаний с государственным участием сформировали программы инновационного развития. В течение 2011-2012 и 2013 годов финансирование этих программ составит весьма значительную сумму — порядка 3 трлн. руб. Причем эти компании дают около трети российского промышленного производства, более 20% валового внутреннего продукта. Цифра серьезная, и надеюсь, что эти показатели будут выполнены. Главное, чтобы эти средства не растворялись, не уходили в песок, а пошли в дело. Для получения максимальной отдачи от этих инвестиций в рамках ГЧП действуют 32 технологические платформы. Необходимо сконцентрировать ресурсы вокруг прорывных проектов в таких сферах, как информационно-коммуникационные, космические, ядерные и радиационные технологии, биотехнологии, энергетика, электроника и машиностроение. В рамках технологической платформы «глубокая переработка углеводородных ресурсов» начато освоение в промышленных масштабах переработки битума в качестве альтернативных источников нефти. Ведется подготовка к строительству первой установки для конверсии газа, который сжигается на отдаленных скважинах, госкорпорации «Росатом» предстоит провести масштабную модернизацию отрасли, сформировать стратегию технологического лидерства на энергетических и неэнергетических рынках. Задача госкорпорации в целом — войти в «большую двойку» мировых инновационных компаний.

Как было сказано, сформирована сеть институтов развития для коммерциализации научных разработок. Я имею в виду, конечно, Внешэкономбанк, Роснано, Российскую венчурную компанию, Фонд содействия развитию алых форм предприятий в научно-технической сфере, ряд новых институтов. Отдельное направление — это поддержка вузовской науки и молодых ученых. Создание при высших учебных заведениях малых инновационных предприятий. Вот вчера мне сказали, что я так называемом инновационном поясе Сибирского федерального университета около 40 малых предприятий,

но это не так много все равно. Это совсем не предел, здесь есть направление, в котором можно развиваться. Нам нужна большая открытость вузов и лабораторий, их готовность приглашать ученых и преподавателей со всего мира. Не стесняться и не бояться этого, не бояться конкуренции, что, к сожалению, зачастую случается в деятельности наших университетов, применять международные критерии оценки.

Думаю, что открытые исследовательские структуры в области критически важных технологий, куда для работы могут приезжать иностранные ученые, имеет смысл создавать во всех крупных вузах нашей страны. Здесь нечего стесняться, опора на собственные силы — это не наш путь развития. Мы должны заимствовать все полезное в мировой практике, стать открытой в этом смысле страной, имея в виду и межвузовское общение. Общий объем финансирования государственных научных фондов должен достичь к 2018 году 25 миллиардов рублей. Кстати, когда мы несколько лет назад заговорили о необходимости создания инновационных центров по стране, включая Сколково, многие нам не верили, считали, что ничего получится. Тем не менее, в самом Сколково сейчас около 800 участников, среди них предприятия 44 регионов России, аккредитовано 49 российских и иностранных венчурных фондов. Важным компонентом успеха является высокий интерес крупных компаний к проекту. На данный момент 24 корпорации готовы вложить порядка 30 миллиардов рублей в создание R&D центров на территории центра, из них 16 — международные. Вместе с МПТ создан Институт науки и технологии. Хотел бы подчеркнуть, что Сколково — это принципиальная, но лишь одна из точек роста. Важно, чтобы инновационная деятельность распространялась в территориях, а не замыкалась Москвой, Петербургом и традиционными центрами. Есть Томск, Новосибирск, Казань, наконец, Красноярский край, который стал одним из учредителей Ассоциации инновационных регионов России. Эта Ассоциация хорошая инициатива; принципиально важно анализировать и распространять зарубежный опыт и наши региональные практики. Повторюсь, что мы исходим из того, что только массовое внедрение инновационных технологий сможет обеспечить требуемые темпы роста и изменить социальную сферу, провести структурную модернизацию отраслей, которые связаны с человеческим капиталом.

Пятое, что хотел бы сказать. Государство должно быть открытым, удобным и понятным для людей. Речь идет о совершенствовании государственного управления, без этого мы

не сможем двигаться вперед. В ближайшее время мы должны сделать несколько конкретных шагов. Во-первых, это расширение объема открытых данных о деятельности органов власти всех уровней. Реализация национального плана действий по внедрению механизмов открытого государственного управления. Постоянный гражданский контроль в сфере государственных закупок и инвестиций. Я в этом смысле признателен экспертному совету при Правительстве, который активно трудится. Я уверен, что подобные экспертные площадки есть во всех регионах, и нужно активно использовать их предложения, анализировать при этом не только проекты законов и государственных программ, но и следить за правоприменением. Опираясь на мнение людей, которые представляют разные социальные группы, профессиональные сообщества. Система открытого правительства не панацея от всех бед, иногда ей присваивают несуществующие функции. Но, тем не менее, она последовательно набирает обороты. И чтобы эта система развивалась, мы должны усвоить: правительство может быть открытым только если его образуют все. Не один человек, отдельное ведомство, а вся корпорация государственных служащих. Инициативы государства мало; нужны эффективные коммуникации, совместная работа со структурами гражданского общества, неправительственными организациями. Как справедливо было отмечено, следующий шаг после открытости — это понятность того, что мы делаем. Люди должны понимать, какие решения мы принимаем, во имя чего, и только в этом случае мы вправе ожидать эффективности в исполнении этих решений.

Это не полный перечень действий, которые нам нужно совершить; вчера на Форуме начала работать «молодежная площадка». Это хорошая черта Красноярского форума, хотелось бы услышать, какие предложения сформулировали наши молодые лидеры. Мы готовы поменять какие-то подходы. Также мне показалось интересным, что в рамках форума проходит дискуссия по глобальному управленческому вызову, чемпионат по стратегическому менеджменту и управлению бизнесом, с помощью соответствующих моделей создается образ рынка, на котором конкурируют команды. Причем глубину управленческих решений оценивает компьютер, с которым договариваться невозможно. В прошлом году в национальном чемпионате приняли участие 20.000 человек из десятка регионов. Эту инициативу поддерживали ВЭБ и АСИ. Победившая команда представляла группу компания «Самотлор», поехала на мировой чемпионат, где сорев-

нуются сильнейшие команды из десятков стран, и стала первой.

Еще одна история, так называемый Marign Cup — престижный международный студенческий конкурс технологических стартапов при поддержке «Майкрософт», где наши команды стабильно показывают высокие результаты. Ближайший кубок пройдет в Петербурге в июле. Именно в таких ребятах, в их интеллект, а стало быть наше будущее, мы должны инвестировать. Наши инновационные центры создаются, чтобы бороться за

потенциальных лидеров будущего. Как известно, и небольшую компанию, и крупную корпорацию, и целое государство делает слабым недостаток не в деньгах, а в людях и дарованиях. Об этом применительно к государству говорил еще Вольтер. Мы конкурировали и будем конкурировать со всем миром, если хотим быть современными и эффективными. Мы конкурируем за товарные рынки, капитал, но главное — мы должны бороться за человека. Чтобы самые высококлассные специалисты, наши специалисты, жили и работали в нашей стране.

— *Изложенное в плане долгосрочной работы Правительства требует нетривиальных ресурсов, финансовых и человеческих. Считаете ли вы, что мы сможем получить необходимое количество ресурсов для долгосрочной мобилизации реализации этого плана? Кризис показал, что мы можем делать мобилизацию на короткое время. То, что требуется для реализации основных направлений – это долгосрочная последовательная мобилизация ресурсов на постоянной основе. Сможем ли мы их получить?*

— Д.А. Медведев: Я вспоминаю кризисный период, который начался в нашей стране почти сразу после того, как я стал президентом. В тот период проще работало: все сплотилось вокруг одной понятной идеи – выстоять, выдержать, ощущения были нерадостные. Здесь присутствует бизнес, руководители регионов, эксперты. Мы прошли кризис с наименьшими издержками, это правда: «из песни слова не выкинешь», как бы не критиковали руководство страны. Но сейчас задача, как не странно, сложнее. Мы понимаем, что мировая и наша экономика находятся в ситуации очень слабого роста. В каких-то странах рецессия, у нас не очень значительный рост. Мы должны его на 5% хотя бы постараться вывести. Где взять силы для мобилизации? В самих себе. Либо мы понимаем, что это наша национальная идея, что мы должны сейчас толкнуть страну к преуспеянию. Либо мы будем прозябать, как это делает целый ряд экономик. Основной драйвер в нас самих: деньги будем искать, будем создавать более эффективные схемы. Есть программные документы, которые утверждены Президентом, программные документы Правительства. Нам пора браться за работу. Но хватит программ, заявлений, надо вкалывать. У нас есть для этого все возможности: ситуация в экономике лучше, чем во многих других странах. Нужно этим воспользоваться и снять проблемы, которые копились десятилетиями. Поэтому основной источник развития внутри нас.

— *Тезис «пора вкалывать» очень понятен и может играть роль прямого указания. Я бы хотел попросить Артема Аветисяна из Агентства стратегических инициатив рассказать о результатах работы.*

А.Аветисян: Для нашего агентства сегодня двойной юбилей: не только десятилетний юбилей Красноярского экономического форума, но еще и год с момента, как мы приехали и провели первые круглые столы, которые в дальнейшем трансформировались в рабочие группы по дорожным картам национальной предпринимательской инициативы. Этот проект развернулся, подписано и реализуется 6 дорожных карт. Это 400 пунктов, каждый из которых – изменение федеральных законов. Когда мы сюда приехали, было много скептиков, да и сейчас есть, потому что проект непростой: это новый формат взаимодействия бизнеса и власти. Клуб Лидеров, другие предпринимательские объединения активно включились не просто в работу по написанию дорожных карт, а также по мониторингу, потому что уже сейчас можно оценивать первые результаты. Вчера на Форуме произошла консолидация бизнес-объединений в части мониторинга дорожных карт.

Вчера мы провели несколько телемостов с бизнесменами из Сингапура, Японии: в чем сдерживающие факторы инвестиционного климата в РФ. Назывались различные вещи – инфраструктура, человеческий капитал, и мы решили вернуться к Давосскому форуму, который предшествовал Красноярскому экономическому форуму, и задать себе вопрос, потому что многие из вас помнят, как рассматривались 3 сценария, все пессимистические. Клуб Лидеров вчера решил обсудить, каким может быть 4-й сценарий. Основные факторы, которые закладывались в сценарии – это цена на нефть в долларах. Одно из колоссальных достижений последних лет – введение плавающего курса, что говорит о стабильности финансовой системы. Такой зависимости сейчас уже не существует; обсуждая с предпринимателями сценарии развития, мы пришли к выводу, что многие проблемы в головах, потому что когда предприниматель смотрит каждый день курс, и видит, как прыгает цена нефти — он задумывается, инвестировать ему не нужно; банкир не торопится кредитовать. Часто тональность, в который мы обсуждаем нашу жизнь – это тональность борьбы с кризисом. На самом деле это объяснимо, потому что мы пережили стресс-тест, и по сути у нас посттравматический синдром. На мой взгляд, важно не программировать себе пессимистические сценарии, хотя многие экономисты делают себе имя на таких заявлениях.

— *Форум «оккупировало» открытое правительство; хотел бы попросить коротко Дмитрия Пескова изложить результаты вчерашней молодежной площадки.*

— Песков Д.: Действительно вчера прошло активное обсуждение — первый молодежный день Форума. Мы надеемся, что качество последующих дней будет соответствовать основному дню. Мы обсуждали ключевые темы открытости, и первое обсуждение, про компетенцию в информационном обществе и в государственном управлении. Мы пытались вычлнить самое важное — на чем держится эффективное развитие. Выделили не совсем ортодоксальную категорию — способность говорить правду начальнику и обществу. Когда мы лжем, то создаем токсичные активы, которые потом дорого утилизировать. Мы искажаем принятие государственных решений; так что лгать – это очень дорого. А темы, которыми мы занимаемся с точки зрения открытости, прозрачности, создают «принуждение к правде», к принудительному раскрытию информации, которую мы иногда даже не хотели бы раскрывать. В каких темах? Мы обсуждали, что недавно был создан совет по открытым данным. Необходимо обязательное раскрытие информации о государственных расходах, закупках, о данных по муниципальным бюджетам, управляющим компаниям в ЖКХ, по грантам, НИРам, дотациям некоммерческим организациям. С другой стороны, нужен единый стандарт раскрытия данных для тех, кто эти деньги получает. Эта открытость, прозрачность должна быть взаимной. Такой стандарт раскрытия информации нам кажется принципиально важной задачей. Конечно, молодежь хотела немедленного открытия данных по доходам чиновников на едином сайте, и можно было сравнивать, рейтинговать и так далее.

Вторая более интересная вещь касается науки и образования. Некоторое время назад поднимали тему диссертаций. Мы провели опрос среди студентов, который показал интересные результаты. Практически все, больше 100 человек, готовы отправлять в отставку чиновников, у которых липовые диссертации. Но когда мы спросили ребят, сколько честно написали свои дипломы, то из 130 подняло человек 5-7 руки. А дальше я спросил, сколько готовы отказаться от дипломов? И подняли 2. Это серьезнейшая проблема, и одно из решений, которое предложено – некий формат, когда человек делает заявление, которым подтверждает свой диплом. Если он делает это заявление, тогда она попадает в единый реестр, под общественный и гражданский контроль. А если считает, что неважно — то неважно.

Дальше мы двинулись в сторону работы с кадрами, вспомнили форсайт по кадрам госслужбы, который прошел год назад. Честно оценили результативность, поняли, что реализовано не больше 15-20% от предложений, но есть хорошие пилотные проекты. Группа сгенерировала 3 предложения, которыми можно улучшить качество госуправления. Ребята предложили Форум без галстуков не для топ-менеджмента, министров и заместителей, а для тех, кто работает непосредственно с людьми из регионов.

Второй проект, который был предложен – так называемая стажировка вниз. Обязательное требование, что если человек занимает высокую должность, чтобы он поработал на позициях, которыми собирается управлять, или кому он оказывать услуги. Третье предложение по взаимодействию с бизнес-сообществом — активно привлекаем предпринимателей в государственное управление, но иногда им тяжело входить туда со всеми правами и обязанностями чиновника. Предложен «проектный контракт» – когда человек приходит с бизнесом на госслужбу под отдельные условия, на него не распространяется ряд требований закона о госслужбе. Есть четкое время и четкая реализация проекта, выполнил проект – ушел, побыл в рамках проекта госслужащим, вернулся в свою деятельность. Таковы предложения, и очень бы хотелось в следующем году померить эффективность — надеемся, она будет выше чем 15%.

— *Хотел бы задать вопрос профессору Трейсману; одна из ваших книг про Россию называется «Без карты»; а название сегодняшнего форума — «Карта перемен». Считаете ли вы, что сегодня для реализации программы деятельности правительства существуют глубокие структурные препятствия, или в этой борьбе structure против агенсу больше проблем лежит в плоскости принятия решений и текущей деятельности — то есть не существует глубоких структурных проблем?*

— Трейсман: За последние 13 лет экономическое развитие России потрясающее; Россия стала страной со средним и выше уровнем душевого дохода в 21 тыс. долларов — что существенно выше, чем в 1999 году. Вопрос в том, сможет ли Россия продолжать развиваться, поддерживать рост более 3% в год, и догнать развитые страны. Один из вариантов – взглянуть в другие страны, что происходит там, где был достигнут уровня развития экономики, подобный сегодня российскому, и что произошло потом. Значительное число стран при достижении уровня примерно в 50000 долларов (покупательная способность

на душу населения), то происходит снижение темпов роста, иногда стагнация, и они не догоняют ведущие страны. Почему некоторым странам удается преодолеть этот период? Однозначных ответов нет. Если посмотреть по миру, то можно определить, какие страны в значительной мере более развиты, чем Россия; их можно разделить на 3 основные группы. Во-первых, это страны Западной Европы, Северная Америка, некоторые страны Карибского бассейна, у которых относительно высокий уровень правопорядка и демократии. Второе — кучка государств с огромным нефтяным богатством – Катар, Экваториальная Гвинея. И, наконец, есть третья группа – Сингапур, Гонконг и отчасти Китай. Является ли прошлое руководством к будущему? Россия, возможно, изобретет новый путь, но если прошлое может служить руководством, то, видимо, есть три основных пути, по которым могла бы пойти Россия в своем дальнейшем развитии. Во-первых, инвестировать в массовый рост производства нефти и газа; массовый, потому что если посмотреть на уровень дохода от нефти и газа в России, на душу населения подушевой доход за последние 10 лет – это примерно 2000 долларов; в Кувейте 19.000 долларов. Чтобы добиться высокого уровня дохода, изменив уровень добычи нефти и газа, России придется многократно увеличить объемы добычи. Вторая стратегия – это имитировать Сингапур, полностью подчинить страну глобальной экономике с высокими темпами международной торговли, с уровнем экспорта 200% в год; когда огромные объемы товаров поступают в страну и уходят из страны. Напомню, что при этом в Сингапуре население менее половины населения одной лишь Москвы.

Третий путь – укрепить правопорядок и институты демократии. Само по себе это не приведет к высоким темпам роста, а потребует интеллектуальной политики, инвестиций в потенциал инноваций, человеческого капитал и так далее. Немного государств достигает нынешнего уровня развития России, не достигнув соответствующего уровня демократии и правопорядка. В целом ряде стран происходит достаточно быстрый рост без демократических институтов, и при высоком уровне коррупции. В голову приходит Китай и Индонезия. Что у них общего? Они начали рост с очень низкого уровня, и потом столкнулись с такими же дилеммами, которые сейчас существуют в России. Вы сами выступаете за современные институты, такие как профессиональная независимая судебная система. Юридический правовой нигилизм, о котором говорили 5 лет назад, не исчез, и я однозначно согласен, что никогда не было

Второй проект, который был предложен – так называемая стажировка вниз. Обязательное требование, что если человек занимает высокую должность, чтобы он поработал на позициях, которыми собирается управлять, или кому он оказывать услуги. Третье предложение по взаимодействию с бизнес-сообществом — активно привлекаем предпринимателей в государственное управление, но иногда им тяжело входить туда со всеми правами и обязанностями чиновника. Предложен «проектный контракт» – когда человек приходит с бизнесом на госслужбу под отдельные условия, на него не распространяется ряд требований закона о госслужбе. Есть четкое время и четкая реализация проекта, выполнил проект – ушел, побыл в рамках проекта госслужащим, вернулся в свою деятельность.

Популярна точка зрения, что экономический рост в России может обойтись без демократии, изменения политической системы. Все показывают на наших соседей; им верят, торгуют, дают деньги, и сами они разрослись, объем экономики вырос. Я не хочу анализировать исторические корни развития экономик и их взаимосвязь с развитием политической системы в других странах. Я не специалист в этом, пусть занимаются другие. Но в чем абсолютно уверен, как человек живущий в России, который руководит процессами развития в нашей стране, — что у нас не может быть экономического процветания без демократии. Таково наше место под солнцем; поэтому все разговоры о том, что нужно что-то выдвинуть на передний план, как определенные политические силы пытаются утверждать, — мне кажется это неправильным.

такого времени, когда было бы более важно преодолеть слабость институтов.

— Часто эксперты, политологи, экономисты говорят о важности институтов для развития, но это фиксируют лишь статическое состояние институтов, или сравнивают различные соотношения, что порой меняет причинно-следственную связь на корреляцию. Процесс изменения институтов — это процесс статус-кво, и перехода из одного качества в другое? Какие двигатели этого процесса должны быть запущены для получения нового статус-кво?

— Медведев Д.А.: Если говорить о нашем понимании дел в состоянии наших институтов, то есть опасность, что мы за деревьями не увидим леса. Мы что-то меняем, потом возникает ощущение, что ничего не изменилось. Как притча во языцех: все время говорим о том, что нашему малому бизнесу плохо, он умирает, его размазали: а он не умер и развивается. Поговоришь с кем-то из представителей малого бизнеса, они говорят: в чем-то стало даже лучше. Если говорить об индикаторах качества наших институтов, такие системы показателей мы создаем, ради этого и создаются дорожные карты. Запущена система «открытого правительства», надо просто уметь этим пользоваться. О чем я бы хотел еще сказать — о чем говорил господин Трейсман, рассуждая о возможных путях развития страны. У нас популярна точка зрения, она появилась в начале 1990-х годов — что экономический рост в России может обойтись без демократии, изменения политической системы. Все показывают на наших соседей; им верят, торгуют, дают деньги, и сами они разрослись, объем экономики вырос. Я не хочу анализировать исторические корни раз-

вития экономик и их взаимосвязь с развитием политической системы в других странах. Я не специалист в этом, пусть занимаются другие. Но в чем абсолютно уверен, как человек живущий в России, который руководит процессами развития в нашей стране, — что у нас не может быть экономического процветания без демократии. Таково наше место под солнцем; поэтому все наши разговоры о том, что нужно что-то сначала выдвинуть на передний план, как определенные политические силы пытаются сегодня утверждать, — мне кажется это неправильно. Мы должны заниматься не только совершенствованием экономической системы, но и развитием политической системы, иначе не сможем достичь тех показателей, о которых вы говорите.

— Александр Панычев, ректор ОГУПС: Вы посетили наш университет в прошлом году на День железнодорожника. Вопрос будет касаться профессионального образования и его качества. Сегодня красной нитью проходит связь образования с бизнесом, экономикой, обществом. Среди направлений, которые обозначены в качестве приоритетных, отраслевые вузы находятся преимущественно. У нас, что касается трудоустройства, показатель выполнен с большим запасом, даже с перспективой на 2018 год. Что касается динамики развития заработной платы, тоже работаем с опережением. Но вы сегодня говорили о связи бизнеса и образовательных учреждений, участии бизнеса в управлении и финансировании вузов. Сегодня механизмы есть — это целевая контрактная подготовка, попечительские советы, фонды целевого капитала. Но вопрос связан с тем, какие новые механизмы стимулирования бизнеса предполагается

внедрить, участие в развитии материальной, учебно-лабораторной базы.

— Медведев Д.А.: Я только что выступал, распинаясь, говорил, что главный индикатор — это не позиция государственных деятелей, а позиция правительства. Вон бизнес переговаривается друг с другом. Какие вам необходимы механизмы для того, чтобы внедрять соответствующие возможности? Что нужно сделать государству, чтобы прийти к образованию? Пусть они нам ответят, а мы подумаем, сможем это сделать или нет. Наше дело какое? Главное вовремя стрелки передвинуть.

— Олег Дерипаска: Вчера вы проводили попечительский совет. Я говорил уже, что проблем много. Первое — это преподаватели; хороших мало, их нужно закреплять в вузах, и мы с ними могли бы начать работать. Вторая — это производственная практика: необходимо желание студентов, все хотят идти в руководители и служащие; и мало кто проходит через рабочие специальности. Но производственная практика нужна. Тем более сейчас произошло разделение на бакалавриат и магистратуру. Магистратура как правило рассматривается как ступень сразу после бакалавриата; на мой взгляд, надо сместить акцент — как он смещается в мире. Сейчас для компаний важно именно специализированное техническое образование. В магистратуру нужно принимать взрослых людей; для этого надо изменить режим работы. Четвертый вопрос — преподаватели: академические ребята, докторантура, доцент, дальше профессора. Давайте попробуем пойти другим путем: в инженерных центрах есть хорошо подготовленные кадры, они добились многого; скоро будет презентация «инертного анода» — это мировое технологическое достижение. Давайте попробуем обратный путь: привлечь наших специалистов, которые имеют практический опыт, которые могут основать кафедры, — преподавать в вузы. Мы в прошлом году отсмотрели 126 учащихся с 4-5 курса Сибирского федерального университета; из них более-менее 46 нормальных, и только двоих мы смогли взять. Надо понимать, что уровень, с которого мы вынуждены начинать, очень мал. Даже если мы улучшим ситуацию в 2 раза, в следующем году возьмем 4 человек. И, в заключение: никто не отменит наши программы по «корпоративным университетам», потому что мы до сих пор практически имеем влияния на учебные программы в вузах.

— Хотел бы обратиться к губернатору края Льву Кузнецову. Одним из важнейших приоритетов в основных направлениях деятельности является повышение качества жизни. Какие есть идеи, опыты в Красноярском крае в этом направлении?

— Кузнецов Л.: Для меня стало открытием, что впервые в том числе выступления первых лиц говорят о качестве жизни, а не про индустриализацию Сибири, развитие Красноярского края, «вызовы» и т. п. Для нас основной вызов — человеческий капитал и конкуренция за него. Мы сможем только тогда одержать победу в конкуренции, когда изменим свое отношение к качеству жизни. Для меня важно дать возможность высказаться всем, но именно это должно быть доминантой. Сегодня талантливые люди не поедут, даже если будут интересные вузы, не свяжут свою жизнь и судьбу с интересным предприятием, если мы не изменим инфраструктуру и качество жизни в широком смысле слова. Не только образование, здравоохранение, ЖКХ: сегодня государство много делает, и мы видим реальные результаты. Есть вопросы экологического состояния, доступности и комфорта наших городов и их облика. Это вопросы, связанные с доступностью Интернета; важный аспект — развитие культуры, спорта. Крупные социальные события являются, может быть, основным драйвером инвестиций, потому что многие, впервые приезжая сюда, понимают, что такое Сибирь, как она живет, и вообще делают для себя выбор, можно ли в нее инвестировать. Поэтому я думаю, что качество — это очень важный вопрос. Но качество несет в себе другой вызов. Первое — бизнес осознал, что он участвовать в формировании этих качеств жизни; мы помним, как раньше бизнес отказывался от социальной сферы, сбрасывал детские садики, образование, прочее — а теперь участвует в строительстве детских садики

Мы все время можем бежать и говорить: давайте еще лучше, качественнее. Но надо установить стандарты. Даже в реформе здра-

воохранения: люди говорят, «раньше ждала операцию 20 дней, сегодня 10; а хочу — завтра». Мы должны избежать иллюзий и дать четкие ориентиры, добиться их соблюдения, учитывая, что сегодня уровень обеспеченности материальной базой позволяет обеспечивать их достижение. Важно привлечь реализацию этих услуг некоммерческими социальными организациями. Потому что люди лучше знают, как и на что потратить это в хорошем смысле, эффективно довести до того, кто в этом в первую очередь нуждается. То же по инвесторам: нам нужно развиваться и совершенствоваться, но нужны предприятия, которые минимизируют воздействие на экологию и не ограничивают другие стандарты качества жизни. А просто прийти и сказать, «построю здесь все, что угодно» — не пройдет уже.

И последнее. Качество жизни требует готовности к ограничениям. Не только будет лучше, но где-то будет хуже. Закон о курении — это тоже качество жизни. Выделенные полосы для общественного транспорта — тоже качество жизни, потому что мы хотим планировать. Вопрос качества жизни — это новая переменная; без качества жизни мы проиграем конкуренцию за инвестиции в человека.

— Хотел бы обратиться к Ермолаю Солженищину: за качество жизни нужно платить; мы не сможем этого сделать, если не повысим производительность труда, потому что ограничения нам не позволят иметь средства, чтобы это все делать. Ваша компания проводит регулярные исследования, мы можем сравнивать динамику: где мы сейчас находимся, и куда нам надо идти, чтобы эту динамику сделать положительной в части увеличения роста производительности труда.

— Е.А. Солженицын: Мы переходим от экономических, промышленных, законодательных вопросов к вопросам качества жизни; прозвучали нотки, связанные с ценностями; какие ценности мы хотим видеть у себя в стране, в наших детях – это очень важно. Это звучит не только на этом Форуме; молодежь просила не лгать: правда и отсутствие лжи фокусирует наш кодекс ценностей. По производительности труда есть четкие периоды. С 2000 до 2008 года она выросла на 65%; мы поднялись до 30% от уровня США. Кризис привел к замедлению: падение ВВП, потом опять возвращение — мы находимся на том же уровне производительности, как в 2007 году. Но сейчас решать эту проблему становится чрезвычайно важно, потому что есть риск, что при существующих уровнях производительности труда мы будем просто тормозить наш рост. И мы уже сейчас видим, как экономика в разных звеньях сталкивается с этой проблемой. Например, по оценкам МЭР, у нас сейчас 74 миллиона рабочей силы. Она по базовому сценарию к 2020 году может быть уже 70, к 2025 может быть даже 68. Тут можно спорить, но мы знаем, что увеличение рождаемости не повлияет на рабочую силу в перспективе следующих 15 лет. Значит, у нас есть некоторое снижение. Мы можем с этим бороться путем иммиграции, в том числе через создание общего экономического пространства с Казахстаном, Беларуссией. Но 5% роста просто арифметически говорит, что нам надо вернуться к тем же темпам производительности труда, что в последнее десятилетие. Тогда они у нас были после колоссального постсоветского спада на 30%, и потом вернулись в те же показатели. А теперь нужен новый скачок. Соответственно, просто работать с компаниями, мы видим, что инфраструктурные стройки иногда задерживаются – потому что проектный институт не успевает сделать документацию, потому что у него не хватает специалистов. На стройке не хватает строителей, в Сибири и на Дальнем Востоке сплошь и рядом вопрос: откуда найти людей; люди не едут даже за большие деньги. Это и вопрос профессии, и с какой производительностью труда работают проектировщики, строители. Экономике не обманешь, в последнее десятилетие опять же росла стоимость труда; реальные доходы населения соответственно тоже помогли экономике. Проанализировав разницу, мы видим, что 2/3 отставания от США связаны с организацией работы, управленческими вопросами; и лишь треть объясняется технологическими ограничениями. Многие компании, которые за это берутся, в трудоемких процессах могут повысить 25-30% производительность труда.

Что может сделать государство? Во-первых, четко видны отрасли, где есть конкуренция, соприкосновение с лучшими практиками: производительность труда там в 2 раза выше, чем в тех отраслях, где конкуренция меньше. Государство должно развивать конкуренцию и пресекать попытки ее ограничения; открывать рынок — WTO есть шаг в этом направлении. Большое количество людей трудятся в государственном секторе; госкомпаниям настала пора ставить цели по повышению производительности. Нужен контракт с руководителями этих организаций. Мобильность населения у нас пока остается низкой. Наверное, программа доступного жилья и другие могут помочь. Но иногда в некоторых регионах не хватает рабочей силы, а в других ее много. Рост будет невозможен, если мы не начнем им заниматься целенаправленно, в том числе через целеполагание в государственном секторе.

— Следующий вопрос к Владимиру Маю. Может ли улучшенное качество госуправления стать конкурентным преимуществом, и компенсировать снижающуюся отдачу от эффективности экономических институтов?

— В.А. Май: Хочу поздравить губернатора и всех коллег, поблагодарить за этот замечательный форум. Начну с цитаты, не назвав первоисточник: «Отсталости России и ее абсолютизм соответствуют

полное бесправие народа перед чиновничеством, бесконтрольность привилегированной бюрократии, в Англии есть могучий контроль народа над управлением, но и там контроль далеко не полон»... В общем, это Ленин в 1897 году, такой молодой, оценивающий перспективы развития. В общем, действительно схвачена очень важная проблема: мы действительно живем в условиях падающей производительности экономического законодательства и экономических институтов. Законодательство – это результат последних 20 лет; но проблема судебной системы, инфорсменты, практической реализации является основным тупиком и основной проблемой; в этом смысле факторы производительности труда упираются туда же — во внеэкономические институты. То же самое бюджетный спрос. У нас идет дискуссия об источниках экономического роста, как выйти на эти пресловутые 5%, хотя 7 было бы даже лучше. Но вопрос тот же: если вы включаете бюджетные стимулы, то это идет в значительной степени в инфляцию или в импорт, потому что без специальных мер по росту производительности труда, мер на стороне предложения, пользу эти средства не приносят. Поэтому вопрос о «Дуинг Бизнес» справедлив, и дело не в индексе Всемирного Банка, а в том, что именно в этом проблема дальнейшего устойчивого экономического развития. Было бы опасно фиксироваться чисто на темпах роста. Нам нужна структурная модернизация, которая не всегда связана с темпами. Я назову 2 внеэкономические проблемы экономического роста, которые крайне важны. Ключевая структурная проблема — я ее назвал бы ловушкой конкурентоспособности. Если посмотрите на наше развитие последние 10 лет в сравнении с другими странами-конкурентами за человека и капитал, то увидите, что мы стали страной с самым дорогим трудом и относительно плохими институтами, в сравнении с другими странами, с которыми мы конкурируем за капитал. Это ловушка, потому что капитал идет или в страну, где дешевый труд и плохие институты, или где хорошие институты и дорогой труд. Это структурная ловушка, которая имеет неэкономические решения — связанные с качеством человеческого капитала.

И вторая проблема, идущая от благосостояния, а не от бедности. В 1990-е годы из страны уезжали, потому что было плохо; теперь уезжают, потому что хорошо, и те, кому хорошо. Мы недавно делали экономический барометр по европейской методике, у кого самый высокий индекс счастья — те больше всего хотят уехать; не значит, что уехали — но они готовы, у них есть материальные возможности. Мы действительно живем в уникальном мире. 25 лет назад вы

должны были бороться за изменение условий в стране. Сейчас проще технически, не интеллектуально, сменить страну. Все владеют иностранными языками, кредитными карточками. Изменить страну не значит уехать на ПМЖ, это значит учиться и лечиться за границей; изменять баланс, когда в страну приезжают те, кто менее квалифицирован и более образован, кто живет в условиях хуже чем в России; а уезжают те, кто образован и имеют способность платить за свое образование и лечение. Но надо, чтобы творческие люди жили и работали в стране, добавлю — учились и лечились в стране; не хотелось бы, если они будут делать здесь деньги, а платить за образование и лечение за границей. Поэтому критерий качества образовательных и медицинских учреждений — не только высокотехнологичное оборудование, но и количество иностранцев, готовых сюда приезжать лечиться и учиться. Хорошее образование не там, где хорошие профессора, а где хорошие студенты. Получить хороших профессоров при наличии денег гораздо проще, чем хороших студентов. Мы конкурируем за студентов, а не за профессоров — это новая парадигма, на которую нельзя не обращать внимание. И нужно обращать внимание на новые технологии. Два раза российская команда выигрывала мировые чемпионаты по менеджменту, за последние 5 лет второй раз. Новые образовательные технологии — это не интернет, а именно обучение через практику, через общение друг с другом, потому что развитые студенты могут дать друг другу не меньше, чем профессора, читающие им лекции в традиционном ключе. Это касается и изменения подходов в подготовке госслужащих, за что я профессионально отвечаю.

— Вопрос к Владимиру Рашевскому. Мы говорим о важности инвестиций в инфраструктуру Урала, Сибири, Дальнего Востока. С точки зрения бизнеса, какими должны быть эти инвестиции, на каких принципах, чтобы работали «в кассу» усилий по реализации основных направлений деятельности правительства?

— В. Рашевский: Премьер-министр нам напомнил о критической важности инфраструктуры для всех основных отраслей. Этот тезис доказывать не нужно, инфраструктура сфера тяжелая, где можно потратить любые деньги и не добиться результата. Государство не может справиться с этой проблемой без союзников, партнеров, в нашей стране такими партнерами выступают государственные компании. Это хорошо, у них есть производственные ресурсы и финансовые компетенции, есть известные проблемы. Для них иногда стройка важнее результата стройки. Сложно взять

под действенный контроль процесс планирования и реализации отдельных проектов. Я думаю, что с этим в перспективе справятся. Самое главное, что их деятельности недостаточно для решения всех задач по развитию инфраструктуры

Нам критически важно привлечь качественных инвесторов с именами, компетенциями, технологиями, корпоративным управлением. Чтобы привлечь таких, государству критически необходимо научиться достигать с ними долгосрочной договоренности на рыночных условиях. Мы декларируем долгосрочность, но в практических решениях стараемся ее избегать. Рыночность мы тоже декларируем, но на самом деле государство склонно стараться подогнать рынок под собственные представления о темпах социально-экономического развития. И как-то зажать инвестора, так не получится. Рынки у нас все связаны, и капитал перетекает из одной отрасли в другую достаточно легко. Из одной страны в другую достаточно легко, и нам надо конкурировать за капитал. Поэтому для государства важно научиться сглаживать негативные социально-экономические последствия, если они возникают. Для этого есть понятный набор инструментов, там, где это затрагивает население, социальные нормы или договариваться с инвесторами о темпах перехода от одного механизма к другому. Очень важный инструментарий — это метод соинвестирования государства, институты развития, налоговые льготы, предоставление долгосрочного льготного финансирования типа инфраструктурных облигаций позволяет сделать проект, который важен, но не имеет нормальной рыночной окупаемости. Примеры есть, правда фрагментарно: электроэнергетика. Долго рядились по поводу строительства новых мощностей, работали договорной механизм на поставку мощности, в итоге сейчас строятся 130 объектов, 50 миллиардов инвестиций, все будет закончено за 3 года, а треть уже введена. Куча примеров из других отраслей, где нет таких договоренностей, и ровным счетом ничего не происходит и не будет.

Второе соображение. Как известно, строительство инфраструктуры процесс длительный и масштабный, поэтому мы начинаем с долгосрочных программ, генеральных схем с горизонтами 2020, 2025, 2030 год. Как правило, мы в эти программы напихиваем все что можно, они становятся крайне затратными с точки зрения сумм для освоения, и с точки зрения физических ресурсов — и с практической точки зрения зачастую неподъемны. У нас даже меряются разные отрасли меряются, кто больше написал себе триллионов. Но ког-

Нам критически важно привлечь качественных инвесторов с именами, компетенциями, технологиями, корпоративным управлением. Чтобы привлечь таких, государству критически необходимо научиться достигать с ними долгосрочной договоренности на рыночных условиях. Мы декларируем долгосрочность, но в практических решениях стараемся ее избегать. Рыночность мы тоже декларируем, но на самом деле государство склонно стараться подогнать рынок под собственные представления о темпах социально-экономического развития. И как-то зажать инвестора, так не получится. Рынки у нас все связаны, и капитал перетекает из одной отрасли в другую достаточно легко.

Говоря об инвестклимате, почему-то все имели в виду коррупцию; известно, что если долго кричать «пожар», то он когда-нибудь возникнет. Мне приятно, что по крайней мере на этом Форуме мы говорим об успехах.

да дело доходит до реализации, мы попадаем в ступор — этих триллионов нет ни в бюджете, ни у инвесторов; и мы находимся в ступоре. Необходимо задать вектор, не отвергая программ — сформулировать первоочередные меры, имеющие среднесрочный 3-5-летний горизонт, и начать этот этап реализовывать, переходя от одного этапа к другому, сменяя один горизонт и другой. Средства для этого кратко меньше, ресурсы доступны. Это важно, чтобы предъявить обществу результаты деятельности уже в 2016-2018 году. А процесс в этой сфере запускается долго, да и 2018 год же рядом. Если мы научимся достигать долгосрочные рыночные договоренности и идти от простого к сложному, от первого этапа к следующему, наш инфраструктурный ландшафт изменится, и это создаст основу для развития всей экономики в Сибири и в целом по стране.

— **Сразу хочу спросить Владимира Дмитриева: готовы ли вы подписаться под такие принципы инвестирования? Какие механизмы наиболее эффективны?**

— Дмитриев В.А.: безусловно готовы и давно подписались под этим. Я по натуре оптимист, и уверен, что обозначенные направления правильные и реализуемые. Я являюсь ветераном Форума, практически с самого начала участвую в его заседаниях, но хочу обратиться назад в 2008 год, когда Дмитрий Медведев, сформулировал 4 задачи об институтах развития. Практика показывает, что если напрячься и вкалывать, то действительно все получится: мы не знали, что можно в такое короткое время создать серьезную инфраструктуру институтов развития. Это Агентство по страхованию экспортных кредитов, Европейский фонд прямых инвестиций, Фонд развития Дальнего Востока и Забайкалья, Корпорация развития Северного Кавказа.

Говоря об инвестклимате, почему-то все имели в виду коррупцию; известно, что если долго кричать «пожар», то он когда-нибудь возникнет. Мне приятно, что по крайней мере на этом Форуме мы говорим об успехах. Ни у одного кроме меня не прозвучало слово коррупция — это тоже симптоматично. В этой связи вспоминаю одного нашего в прошлом политического деятеля, который сказал, что «главное зло в России — это борьба с коррупцией». В Москве проходит форум Института международных финансов, где присутствуют руководители центральных банков, инвестиционных институтов. Проблема вызова не только наша, она относится ко многим другим странам. Как привлечь инвестиции в национальную экономику, обеспечить развитие регионов? Наши страны-партнеры, Франция, Германия, Италия, Америка сталкиваются с теми же проблемами, что и мы. Но решают они их в позитивном контексте, и настроены на оптимизм.

Важно показывать все на реальных примерах. Как вы знаете, РППИ входит в группу Внешэкономбанка, год назад мы были здесь и мы только думали о планах. За этот год мы инвестировали 2,1 млрд. долларов совместно с нашими соинвесторами в российские компании, из которых 500 млн. пришло из фонда, соответственно 1,6 млрд. от наших соинвесторов. Мы также привлекли 1,5 миллиарда долларов в совместные фонды. И все это сделано за год. Сегодня IPO российской биржи, мы инвестировали туда 80 млн. долл., привлекли соинвесторов на 200 млн. Мы говорили о медицине и инвестировали сеть клиник «Мать и дитя», акции этой компании выросли на 36% за последние 3 месяца. Таким образом, можно инвестировать, зарабатывать деньги, и инвестировать в правильные инструменты. Важно, что у России есть уникальная возможность создать идеальный продукт в России

для долгосрочных инвесторов, от 20 млн. долларов, которые вкладывают в инфраструктуру за счет средств соинвестирования и правильных государственных механизмов.

— **Деньг у стартаперов не столько, сколько у институтов развития. Но все-таки, что они могут сделать, чтобы поддержать программу работы правительства, и какие конкретные шаги в этом направлении вы намерены принять.**

Т. Великайнинен: Я из Финляндии и в Финляндии мы так много не говорим, поэтому буду краток. У нас есть формулы, но разговоров так много не бывает. Во-первых, здесь в Сибири вчера был мастер класс со студентами в университете, и здесь нет проблемы с брендами, а за пределами России есть. Здесь первый вопрос от русских студентов был, знаю ли я, какая самая критическая страна: именно Россия, больше никто, а за пределами России гораздо лучшее представление по поводу того, что здесь происходит. По поводу стартапов уверен, уже 13 месяцев как проверяю сотни стартаповских компаний не только Сколково, но и многие другие: 20 лет я управлял крупной компанией, 26 лет, и готов вкладывать в Россию; иногда молодежь, может быть, производит не то впечатление, но 20-30-летние способны произвести крупные перемены. Будучи прагматичным и конкретным, я вижу, что регионы за пределами Москвы и Санкт-Петербурга существенно недоиспользованы. Регионы привязаны друг к другу. У нас есть связанные между собой друзьями министерства, через Министерство здравоохранения, ИТ, телеком, Агентство стратегических инициатив; я рад объявить, что мы начинаем через 3 недели тур по 17 российским городам. Цель не просто приехать, а объединить стартаповские сообщества, и поэтому в середине мая, мы пригласили 3000 стартаперов со всего мира — Китай, Европа, и, конечно, России,

чтобы соединиться. Так что для меня работа со стартапами — это абсолютно необходимо для будущего России. Просто представьте себе мою мотивацию, я в 2014 году выхожу на пенсию в 2014 году, и не думаю, что главное в контроле — потому что после 20 лет управления компанией за год я подписал больше пропусков в Россию, чем за все 20 лет своей жизни и работы с 30—миллиардным бизнесом в Европе. Контроль — это не самое главное. Нужно верить в молодое поколение, и соединить стартаперов компании и глобальную конкуренцию, все остальное молодое поколение сделает самостоятельно. Давать меньше денег, но больше советов от уважаемых бизнесменов.

— **Меркулев Михаил, проектный бизнес. Хотим ли мы развивать механизм открытого общества? Задачи, которые решает открытое правительство, например, такой интересный сайт как «Россия без дураков», решается даже более эффективно, ресурсами, которые организовались самостоятельно обществом. Но есть препоны со стороны законодательства, какие-то «дырки», которые мешают реализовать эту и подобным инициативам. Будет ли проект «открытое общество»?**

— Абызов М.А.: Дмитрий Песков сказал, что одним из основных требований молодежной площадки стало говорить честно, не создавать токсичные ожидания и токсичные обязательства власти. У меня как министра, реализуя этот проект, задача гораздо шире; мы говорим не только про открытое правительство, а про открытую власть, открытое государство, потому что без вовлечения общества делает эти механизмы абсолютно не востребованы и бесполезны. Активная позиция общества и общественных проектов — это вторая часть этого проекта и движения. Открытое государство — наша конечная цель. Название можно для этого адаптировать, хотя я не сторонник смен вывески, главное чтобы соответствовала суть. Поощрять общественные инициативы, аналогичные платформе «Россия без дураков», обязательно будем, и ряд проектов, например, у президента Татарстана Минниханова, реализуется в рамках общественной инициативы и поддерживается властью на региональном уровне, поддерживается чем? Тем, что те замечания, которые предлагают люди, и предложения, они властью учитываются в повседневной жизни, и по результатам этого в Татарстане, в Москве, в Краснодаре, в Туле власть ежедневно исправляет ошибки в жилищно-коммунальном секторе, нормативной базе, поощряя гражданское общество к следующему этапу предложений.

— **Хотел бы просить Дмитрия Анатольевича сделать еще несколько прямых указаний в добавление к сделанному в начале.**

Медведев Д.А.: — Даже площадка Форума выглядит интереснее, чем классическое размещение в Давосе. С одной стороны президиум, а с другой стороны все присутствующие в зале; а тут мы все вместе. Я добросовестно записывал, что делать, чтобы было хорошо. И получилось, что надо, чтобы в нашей стране все учились и лечились. Так? Чтобы была правильная коррупция. Чтобы мы занимались, как и прежде, децентрализацией, отторгнув патерналистскую модель. Я не иронизирую, со всем этим согласен. Мне бы хотелось поддержать то, что сказал наш финский коллега по поводу развития стартапов, — это магистральное направление инновационного преобразования страны. Тур по регионам очень полезная штука. Будущее — это наша молодежь. Молодежь сформулировала 3 позиции, которые были названы в начале. Помимо того, что нужно говорить правду, а это, мне кажется, очевидно для всех, особенно для политиков, есть критически важная позиция, чтобы доходы чиновников были прозрачны. За последние годы мы сделали несколько важных шагов вперед; практически любой чиновник обязан декларировать доходы, любой государственный служащий, депутат, вообще любое социально значимое лицо. Но нам нужно принять еще какое-то количество документов, чтобы контроль над соответствующими доходами и расходами был прозрачным. Во-вторых, по мнению наших молодых менеджеров, важно, чтобы мы все занимались самостоятельным творчеством, чтобы диссертации и дипломные работы были честными, и для этого необходимо приносить клятвы. Я думаю, что мы способны соответствующие клятвы произнести. Во всяком случае, способны быть честными перед собой, писать и публиковать творчески самостоятельные работы. И, наконец, я помнил специально — это стажировка вниз. Я сейчас такую стажировку прохожу и чувствую себя комфортно. На многие процессы начинаешь смотреть по-другому. Поэтому считаю, что у всех нас есть возможность попрактиковаться в других направлениях. Карта перемен — это не абстрактное понятие; она создается нами. Россия уже 20 лет находится в периоде перемен. Говорят, что жить в эпоху перемен трудно, но я вам скажу по-честному, думаю, что вы со мной согласитесь, жить в эту эпоху крайне интересно.

Мне бы хотелось поддержать то, что сказал наш финский коллега по поводу развития стартапов, — это магистральное направление инновационного преобразования страны. Тур по регионам очень полезная штука. Будущее — это наша молодежь. Молодежь сформулировала 3 позиции, которые были названы в начале. Помимо того, что нужно говорить правду, а это, мне кажется, очевидно для всех, особенно для политиков, есть критически важная позиция, чтобы доходы чиновников были прозрачны. За последние годы мы сделали несколько важных шагов вперед; практически любой чиновник обязан декларировать доходы, любой государственный служащий, депутат, вообще любое социально значимое лицо.

Сибирь на карте мирового роста. Развитие в контексте глобальных изменений

Сибирь – уникальный мегарегион России: 2/3 валютных доходов страны обеспечиваются за счет экспорта сибирского сырья, и в Сибири находится шестьдесят процентов разведанных запасов России. Однако, считают эксперты, на сегодняшний день нет четкого и ясного понимания развития региона: каким он должен быть через двадцать или тридцать лет: сырьевым донором, инновационным техническим центром, или, например, Киотский протокол станет настолько актуален, что главной задачей властей будет забота о тайге. Глобальная реальность меняется, и чтобы максимально эффективно использовать уникальные ресурсы Сибири, необходимо понимать стратегию развития этого региона. Обсуждение этого вопроса состоялось с участием Председателя правительства России Д.А. Медведева и ряда ведущих экспертов страны.

Медведев Д.А.: — Мне приятно говорить на тему «Сибирь на карте мирового роста», хотя ответ на вопрос о том, как должна развиваться Сибирь, определяется местоположением Сибири, ее стратегическими возможностями. Разговоры о том, что мы не можем развиваться без плана, носят схоластический характер. Вряд ли и сто лет назад был всеобъемлющий план, но мы развивали Сибирь. Поэтому, выступая на пленарном заседании, я призывал всех перейти от программных выступлений к реальной работе. Правильно обсудить, какие направления развития Сибирского региона в ближайшие годы могут стать самыми актуальными, на какие нужно обратить пристальное внимание, по каким принять документы (если без них не обойтись). К слову, не уверен, что через двадцать лет мы будем говорить о Сибири в контексте Киотского протокола: надеюсь, к тому времени Киотский протокол благополучно утратит силу, поскольку и так от него толку немного — и, наверное, он в будущем не особенно нужен. Но нужно глобальное соглашение о климате, и чтобы его достичь, нужно, чтобы решимость на эту тему была не только у России и Евросоюза, но и других государств.

Безусловно, важно всемерное укрепление инновационного потенциала региона, округа в целом, формирование инновационных территориальных кластеров, формирование технологических платформ. Я рад, что мы делаем значимые шаги в этом направлении. У нас работают крупные компании, формируется на базе Новосибирского Государственного Медицинского Университета технологическая платформа медицины будущего; на базе Корпорации Информационных спутниковых систем им. Решетнева — платформа Национальной инновационной спутниковой системы, — это движение в правильном направлении. Второе и, на мой взгляд, абсолютно самозначимое направление развития — это углубленная переработка минерального сырья, основное направление развития округа. Речь идет об освоении открытых месторож-

дений и тех, которые могут появиться. Это и нефтяные, и газовые, рудные и редкоземельные, угольные месторождения. Также это изготовление древесины и ее переработка, использование колоссальных водных ресурсов и развитие сельскохозяйственных возможностей Сибири, которые пока также используются недостаточно, включая развитие животноводства, пищевой и рыбной промышленности.

Третье, о чем сегодня мы с вами говорили в ходе пленарных выступлений, пленарного заседания, — это развитие инфраструктуры, современных транспортных коммуникаций. Без них ни одно из упомянутых направлений развиваться не сможет. Нам нужны современные механизмы объединения региональных потенциалов, комплексный подход — соединение усилий государства и бизнеса. В этом смысле мы находимся в начале пути. Разговоры о государственно-частном партнерстве зачастую ограничиваются только разговорами. Нам предстоит пройти свою часть пути. Я имею в виду и государство, с одной стороны, и бизнес с другой. Поэтому формирование эффективного ГЧП — это задача ближайших

лет, и задача крайне актуальная.

Может быть, стоит также упомянуть и использование международного потенциала Сибири, потому что Сибирь — это мост для развития торговли, производственной кооперации с нашими зарубежными партнерами. Опять же, это связано с нашей транспортной сетью, это связано с морскими портами и аэропортами, которые должны играть самую значимую роль в грузоперевозках между Европой и Азией, а в перспективе — между Европой, Азией и Америкой. Для этого необходимо использовать существующие механизмы, развивая их и дополняя их возможностями. Я имею в виду Транссиб, БАМ, Северный морской пути. Мы создали Таможенный Союз, создаем единое экономическое пространство. В этом контексте роль Сибири тоже невозможно недооценивать.

И наконец, главное богатство Сибири — это, конечно, сибиряки. Вот их-то и надо эксплуатировать; использовать интеллектуальный потенциал жителей нашего богатейшего края. Собственно, если мы сможем его активировать, то сможем развить все возможности Сибири, обеспечив достойные представи-

тельства Сибирского региона на карте мирового роста.

— *Чтобы начать нашу дискуссию, я хочу передать слово Владиславу Иноземцеву.*

— Иноземцев В.Л.: Говоря о Сибири, мы фактически поднимаем вопросы развития всей страны, и уже отмечалось, насколько важна Сибирь для России. От вектора для развития Сибири, пойдет и развитие РФ в целом. Говорилось уже, что Сибирь — это уникальная часть страны. Развиваясь многие столетия как классическая колония, она стала следствием колоссальных пассионарных усилий одной из величайших европейских наций, русского народа, который за несколько сотен лет распространил свое влияние от Урала до Тихого океана и создал ту Россию, которую мы сегодня имеем. На протяжении всего этого времени Сибирь оставалась в значительной мере ресурсным регионом, со всеми вытекающими отсюда плюсами и минусами, когда действительно большая часть того, что добывалось и производилось в Сибири, не использовалась на территории региона, а часто даже и за пределами РФ. Большая часть российского экспорта — 75 % — это товары и ресурсы, которые добываются или перерабатываются здесь. Российский федеральный бюджет, по итогам 2012 года, на 50 % с небольшим сформирован двумя видами поступлений: налогом на добычу полезных ископаемых и экспортной пошлиной на нефтегазовый продукт (на нефтепереработку и газ). То есть фактически половина федерального бюджета — это в той или иной мере сибирские деньги, и это необходимо учитывать. Жители Сибири вносят неоценимый вклад в развитие страны. В то же время мы слышим (и в этом зале, и на этом форуме), что Сибирь нуждается в развитии, в специальной программе, возможно, в «корпорации развития». Почему так происходит, и каких мер требует это развитие?

Сибирь — уникальный регион РФ, но в мировом масштабе это не уникальное явление, когда большие малонаселенные регионы той или иной страны, очень богатые ресурсами, развиваются быстро и эффективно. В Австралии, Канаде, США регионы типа западных провинций северных территорий, Аляски являются одними из самых богатых, и люди живут там намного лучше, чем в целом в этих государствах, несмотря на тяжелые природные условия и условия существования. На пленарном заседании уже говорилось по поводу качества жизни. Рецепт, выработанный в разных странах мира, достаточно прост. Это больше финансовой самостоятельности, федерализма, возможностей для региональных властей, шире простор для частной иници-

ативы и, конечно, перенесение акцента с гигантомании на банальную экономическую эффективность.

Я убежден, что в Сибири сегодня нет естественных ограничителей, которые сковывали бы развитие. Здесь много ресурсов, в избытке пространство. Населения зауральских территорий достаточно, чтобы выполнять самые сложные и масштабные задачи: если бы территория к востоку от Урала была заселена так, как Аляска, то в Сибири жило бы не как сегодня двадцать шесть, а меньше восьми миллионов человек. В том же американском штате уровень жизни и диверсификация экономики гораздо более совершенны, чем у нас. Я думаю, что ограничитель развития Сибири — в первую очередь неэффективное управление. Государство получает отсюда 410 млрд. долларов экспортных доходов в год и говорит о развитии госкорпорации, которая даст в лучшем случае десятую часть этих инвестиций. Это чиновники, которые настолько радикально подавляют частную инициативу, что доля малого и среднего бизнеса в Сибири и на Дальнем Востоке в пять раз меньше в отношении к валовому региональному продукту, чем в той же Аляске. Это многие политики, которые жаждут реализации гигантских проектов, не думая, насколько эффективны они будут, насколько окупятся.

Сибирь начала развиваться намного раньше, чем западные регионы США или большая часть Канады. Но на каком-то этапе мы упустили лидерство в развитии тихоокеанского побережья. Я думаю, что это произошло потому, что в значительной степени Сибирь развивалась как «государева вотчина». Мы резко недооценили здесь и интеллектуальные возможности, и частную инициативу, и творческий потенциал народа. Когда англичане начали колонизировать Америку, через пятьдесят лет после того как высадились в Новой Англии, появился Гарвардский университет. Через триста лет после того, как россияне стали охватили всю Сибирь, появился первый университет в Томске. Мы долго думали, что центр может принять развитие региона, не создавая здесь интеллектуального человеческого потенциала, потому что государство имело слишком большой вес в развитии региона и определения его динамики и направлений развития. Мы сегодня не имеем здесь таких впечатляющих результатов, как в других ресурсных регионах развитых стран. Мне кажется, что Сибирь не слишком эффективно поднимать централизованным решением. Сибири нужно не мешать подниматься, и она поднимется, потому что это безумно богатый регион, с людьми, которые умеют и любят работать, и которые создали на этой не-

Сибирь — это мост для развития торговли, производственной кооперации с нашими зарубежными партнерами. Опять же, это связано с нашей транспортной сетью, это связано с морскими портами и аэропортами, которые должны играть самую значимую роль в грузоперевозках между Европой и Азией, а в перспективе — между Европой, Азией и Америкой. Для этого необходимо использовать существующие механизмы, развивая их и дополняя их возможностями. Я имею в виду Транссиб, БАМ, Северный морской пути. Мы создали Таможенный Союз, создаем единое экономическое пространство. В этом контексте роль Сибири тоже невозможно недооценивать.

Главным критерием принятия решений по развитию Сибири нужно сделать экономическую эффективность. Можно, конечно, построить второй Транссиб, но и по нынешнему мы возим на пятьдесят процентов руду и уголь на экспорт. Неужели не проще создать здесь заводы глубокой переработки нашего сырья — и Транссиб разгрузится. Мы получим половину масштаба перевозки, которая будет использована для евроазиатского транзита; это создаст и рабочие места, и налоги, и даст огромные преимущества. Я думаю, что нужно сделать упор на частную инициативу: строить частные мосты и дороги, местные аэропорты, частные электростанции, сделать хотя бы (принять, восстановить) когда-то существовавший закон «О вольном приносе».

самой благоприятной территории удобное и комфортное для жизни общество. Залог развития Сибири в большей самостоятельности, в большей эффективности экономики и более активном взаимодействии со своими соседями по Тихому океану. Я считаю, что не нужно создавать корпорацию, которая в лучшем случае вернет Сибири, часть ее доходов. Правильнее изначально оставить эти доходы в регионе и дать возможность местным властям (они очень компетентны, и с развитием российской демократии будут все более компетентными) использовать эти средства. Я думаю, что большие инфраструктурные проекты в какой-то мере спорны — и модернизация Транссиба, и мост на Сахалин, и предлагаемый проект туннеля под Беринговым проливом — они обойдутся казне и инвесторам намного дороже, чем всё жильё к востоку от Урала за все постсоветские двадцать четыре года. Можем ли мы считать эти проекты (пусть и очень большие) более значимыми, чем подъем уровня жизни наших людей? Здесь много гостей из разных городов страны. Мне было бы очень интересно знать, проезжал ли кто-нибудь из вас в Красноярске по улице Гагарина и по Качинской улице. Если увидеть, в каких условиях живут люди в миллионном городе Сибири, которые поднимают страну и остаются в крае, появятся много сомнений, нужно ли копать туннель под Беринговым проливом или строить миллиардные мосты на Сахалин.

Я убежден, что главным критерием принятия решений по развитию Сибири нужно сделать экономическую эффективность. Можно, конечно, построить второй Транссиб, но и по нынешнему мы возим на пятьдесят процентов руду и уголь на экспорт. Неужели не проще создать здесь заводы глубокой переработки нашего сырья — и Транссиб разгрузится. Мы получим половину масштаба перевозки, которая будет использована для евроазиатского транзита; это создаст и рабочие места, и налоги, и даст огромные преимущества. Я думаю, что нужно сделать упор на частную инициативу: строить частные мосты и дороги, местные аэропорты, частные электростанции, сделать хотя бы (принять, восстановить) когда-то существовавший закон «О вольном приносе». Он даст гораздо больше для развития золотодобычи, чем десятки правительственных программ.

Наконец, Сибирь должна стать частью тихоокеанской экономики. К сожалению, в России очень долго существует гипертрофированная ориентация только на одного партнера в регионе, а именно на Китай. Нам не нужно стоять «с протянутой рукой» перед Китаем, выменивая новый кредит для «Рос-

нефти» на поставки нефти по заниженным ценам. Нам нужно обратить внимание на Японию, на Южную Корею, других партнеров в регионе. Есть Австралия, Канада, США. Посмотрите на Монголию: она развивается на инвестициях Великобритании, Канады и Австралии, именно она самая быстроразвивающаяся экономика в мире за последние несколько лет. Я думаю, что Россия должна поворачиваться в наши дни именно к Тихому океану, а не к Азии, как мы привыкли. Не надо забывать, что современный мир — это мир открытых морских пространств, морской торговли, а не «шелковых путей», которые были популярны в средние века. Мы европейцы, а не азиаты, и глядя на Азию, должны видеть обнадеживающие различия, а не пугающее сходство.

Более столетия тому назад великий сибиряк Николай Ядринцев писал, что Сибирь — это по преимуществу продукт вольнонародной колонизации, которую впоследствии российское государство утилизировало и регламентировало. Пришла пора уменьшить эту регламентацию. Свобода как правило лучше, чем несвобода, и Сибирь ждет превращения этого в жизнь.

Первым шагом на данном пути я бы видел пересмотр некоторых стратегических целей развития, обозначенных в правительственных документах 2009-2011 гг. Эти стратегии сегодня очевидным образом не будут полностью реализованы, следовало бы создать новую. Она могла бы быть создана здесь, в Сибири, серьезным коллективом участников, в котором были бы представлены и государственные деятели (причем как федерального масштаба, так и местной власти), и представители представительной власти (и московской, и сибирской), и членами экспертного сообщества, не аффилированными с государственной властью, и, наконец, представители бизнеса, которые представляли бы и местный бизнес, и бизнес федеральных вертикально интегрированных компаний. Если бы можно было принять решение о создании такой рабочей группы и представить новую стратегию на следующем форуме в 2014-м году, это придало бы огромный импульс интеллектуальной жизни и в Сибири, и в Москве и дало хороший пример другим регионам.

Сибирь — это лакмусовая бумажка, по которой можно судить о развитии всей России. Если здесь начнется реальный подъем частной инициативы, интеллектуальной жизни, если мы не будем ориентироваться только на бюджетные поступления, а искать реальные возможности, которые в этом регионе огромны, и задействовать потенциал, кото-

рый здесь безграничен, то действительно поднимем и Сибирь, и страну.

— Олег Владимирович, мы хорошо Вас знаем не только как человека, представляющего предпринимательскую среду, но думающего и размышляющего о механизмах, институтах и планах. Ваши взгляды на то, о чем сказал Владислав Леонидович, во многом не совпадают, поэтому у Вас есть возможность высказаться по этому поводу.

— Дерипаска О.В.: Мне кажется, нужно решать стоящие перед нами проблемы, и создавать механизмы для достижимых целей. Президент призвал нас ускоряться, нужен рост хотя бы 5%. Москва не поддержала эту идею, потому что структурные ограничения и еще ряд факторов делают это невозможным. Но Сибирь может расти темпом больше 10% в год. Поэтому необходимо сделать те вещи, которые вроде бы давно обсуждались, но не было принято решение. Нужно создать «корпорацию развития», потому что много вопросов частного характера были бы решены при появлении настоящего партнера, который консолидировал бы на региональном уровне и уровне субъектов федерации, крупных государственных монополий («ФСК», «РЖД») развитие конкретных проектов. Это необходимо.

Вопросы фондирования понятны — денег нет, бюджетные ограничения. Но, с другой стороны, есть партнеры в Японии, Корее, Китае, Тайване, с которыми нужно работать, и они будут готовы участвовать в софинансировании разумных и экономически обоснованных проектов. Никто не призывает строить мосты и тоннели, но корпорация очень нужна, причем со столицей не в Москве, а либо в Красноярске, либо в Иркутске, чтобы решала проблемы, которые стоят здесь.

Не секрет, что любой кредит больше пяти миллионов долларов берется в Москве: собирают чемоданы, готовят обоснование и едут рассматривать. В Красноярске было больше двадцати региональных банков. Они исчезли, поскольку не имеют достаточности по капиталу. Сейчас уже в крупных банках объявляются ставки по депозитам 10%. Задавали вопрос: почему не покупают жильё по ипотеке? Потому что ипотека составляет 15% начальным взносом больше 30%. И опять же мы понимаем: у Центрального банка есть сверхидея, что он якобы влияет на инфляцию. Но он влияет на инфляцию так же, как на рождаемость в Таджикистане. Тем самым мы будем субсидировать прекрасно «Сбербанк», «ВТБ». Почему не сделать ставку меньше? Почему ЦБ не публикует год за годом, месяц за месяцем, как развивается динамика ставок у конечного потребителя — жителя, который берет на ипотеку, у предприятий малого и среднего бизнеса? Рассказывают, якобы вот-вот инфляция станет меньше; но с одиннадцатого года ставки стали выше. Без финансовых ресурсов Сибири мы поднять не сможем. Необходимо подумать и восстановить инвестиционный фонд. Если мы посмотрим на Богучаны, станция построена. Созданы дорожные развязки. Богучанская ГЭС повысит доступность электроэнергии в Сибири, и у нас будет профицит электроэнергии, в первый раз — больше пятнадцати миллиардов. За этим, если закончим реформу энергетики, последует снижение тарифов. Что сейчас происходит? Хорошо, что Вы дали поручение дополнить разделы программы вопросами по энергетике, потому что на сегодняшний день 75% тарифа — сетевые составляющие; беспредел на последней миле, когда ТСО никем вообще не регулируется, уже закончился. Вы приняли решение создать «Российские сети». Но нужно создать сети с

задачей, чтобы они снизили тарифы, потому что если просто объединить ФСК и МРСК — тем самым ничего не изменишь. По поводу руководителя, что сейчас там идет какая-то война, но, если опять назначить руководителя, который немного слышал про закон Ома и не знает закон Кирхгофа, опять получим то же самое. Нужно поставить задачу, чтобы они добились снижения тарифов, снижения потерь в сетях, потому что есть частные сети, где потери в пять раз меньше, чем в МРСК.

Есть ряд других вопросов, которые требуют решения: отменить запрет на совмещение видов деятельности (генерация, распределение, сбыт), который был необходим для проведения реформ. Но сейчас это сдерживающий фактор, потому что получается: я строю генерацию — у меня есть возможность ее продать рядом населенному пункту или другим каким-то компаниям, которые готовы купить, но не могу: должен сдавать в сеть, что абсолютно невыгодно. Второе: Вы давали поручение принять закон по теплу; с сентября он не принимается. Получается, что мы не можем снизить тарифы. У нас есть сетевой тариф для отдельных потребителей. И закон по теплу, конечно, очень важен для нас, для Сибири.

Очень важный вопрос — переход на одноставочный тариф. Здесь говорилось, что мы достроили столько-то киловатт; но построили их по механизму гарантирования сбыта, с «Росгидро» без этого механизма. Мы приняли на себя этот риск. Да, сейчас цена на электроэнергию снизится, и мы потеряем. С другой стороны, выиграем в будущем, за счет того что создадим ряд производств. Но двухставочный тариф тормозит снижение цен. Летом у нас будут практически нулевые цены на РСВ (рынок на сутки вперед), но тем не менее, тариф практически не шелохнется. И второй очень важный вопрос — это работа системного оператора. Они проектируют в Сибири перераспределительные мощности, которые абсолютно не учитывают наличие спроса, и приоритетом объявляют надежность. В Китае вообще нет проблемы надежности (задействованы все 100% инфраструктуры), и они работают, где-то в ручном режиме. У нас надежность — где-то 45% резервирования мощности. Это только увеличивает тарифы. Но нам нужна конкурентоспособная Сибирь — это дешевые тарифы по электроэнергии, по теплу и по железнодорожным перевозкам.

Если вернуться к железнодорожным перевозкам, пришло время поставить задачу разделить грузовые и пассажирские перевозки, потому что мы единственная страна такого масштаба, которая едет по одной колее. У нас постоянно зимой скапливаются пробки

под Читой и дальше. Да, принято несколько решений разгрузить Транссиб. Построен тоннель, сейчас он будет введен в эксплуатацию. Но все равно необходимо вкладывать «в ширину» дороги, причем с прицелом, что грузовые и пассажирские перевозки должны быть разделены.

Еще несколько вопросов о производительности труда. Это не искусственная возможность, что больше купим оборудования; производительность – это обучение персонала, производственная практика. Я был с утра на заводе, посмотрел на участок, где производительность труда увеличена в четыре раза за два месяца. Мы сократили занимаемые площади, потому что приехали обученные люди: мы их готовим на ГАЗе, они понимают все принципы работы. Обучение людей и стимулирование нового обучения — для этого мы должны получить возможность влияния на обучающие программы. Опять же, бакалавриат в университете мы получить не можем. Мы читаем «сбоку» курс лекций тем студентам, которые хотят получить эти знания. Но нужно заставить людей обучаться, потому что есть принципы научной организации труда, которая позволит поднять производительность в ряде отраслей.

Назрела тема изменения бюджетных регламентов. Хотя бы налог на прибыль можно полностью оставить в регионах? Получается: чем больше регион создает, тем больше отдаёт; мы не можем жить за счет отчисления подоходного налога от заработной платы и части налога на имущество. Налог на прибыль – мера, которая позволит стимулировать создание новых производств и более справедливо распределять эти ресурсы.

У меня конкретный проект. Мы можем создать аэрокосмическое производство на базе

КРАМЗа, этот крупный завод стоит уже больше двадцати лет. Но для этого нужны Ваши гарантии, и поручение «ВЭБу» и губернатору. И у нас будет производство с высокой добавленной стоимостью.

— Лев Владимирович, с точки зрения местных властей, что из этих выступлений показалось наиболее интересным?

— Кузнецов Л.В.: Было выступление и Дмитрий Анатольевича, и двух выступающих. Мне кажется, в них один тезис: Сибирь самодостаточна, готова и дальше удовлетворять собственные потребности. Она создает добавочный продукт и дополняет поступления для развития других территорий. Поэтому первый тезис — что действительно нам не нужны искусственные инструменты. Нам нужно выбрать конкретный комплекс проектов. При этом не соглашусь, что важен только мелкий и частный бизнес — мы сегодня представили Ангаро-Енисейский кластер, — крупные проекты тоже эффективны. Пример Ванкора, пример Юрубченского месторождения, Приангарья показывает, что это не утопия, а мощный стимул для комплексного развития. Поэтому мы не должны бояться идти двумя путями.

Нам не надо бояться создать несколько понятных институтов. Сейчас негатив идет насчет инвестиционного фонда, но я тоже сторонник этого инструмента. Его надо перестроить, он четкий и ясный. Приходишь с реальным проектом – получаешь софинансирование. Долгосрочные правила по налоговому режимам тоже эффективны; пример Ванкора и других месторождений показывает: когда есть четкая пятилетняя схема оставления части денег инвестору и территории, а потом их перераспределение в рамках общего налогового законодательства – это будет мощ-

ным стимулом, чтобы действительно здесь не пропадали улицы, и даст возможность инвестировать для решения задач в других регионах. Поэтому нам нужны четкие инструменты федеральных инфраструктурных вложений и долгосрочных стимулирующих налоговых правил. Мы готовы представлять крупные и мелкие проекты в рамках этого. И третье – я предлагаю в течение года разработать программу развития Сибири, которая для всех (бизнеса, власти и общества) была бы понятным ориентиром, что мы делаем и куда мы идем.

— Клиффорд Гэдди является соавтором одной из самых шумевших книг с симптоматичным названием «Проклятие Сибири». Суть точки зрения заключается в следующем: чтобы России стать конкурентоспособной, ей надо оставить крупные сибирские города и заниматься разработкой конкурентоспособных природных ресурсов вахтовым методом. Это в высшей степени для нас неприемлемая точка зрения. Я бы хотел спросить у господина Гэдди: изменилась ли его позиция с того времени, когда книга увидела свет?

— Гэдди К.: Может быть, что-то изменилось, но особенно после этой дискуссии, у меня есть новые заметки. Главное, что я слышу как гражданин другого федерального государства, США, — что Сибирь это уникальные богатства, это донатор для страны, но это часть страны. И значит, что национальная политика, национальный экономический успех целой страны зависит от того, как лучшим способом использовать ресурсы в стране: природные, финансовые, физический капитал. Сибирь имеет уникальные природные богатства, но также известные географические недостатки: холод, расстояние. И поэтому для развития Сибири особенно важно думать над этим принципом. Планы экономического развития Сибири должны следовать общему правилу для каждого района, то есть расположить экономическую деятельность в регионе, только если она осуществляется более эффективно, меньшими затратами, чем в другом месте. И поэтому Сибирь не имеет значительных преимуществ в обрабатывающей промышленности. Есть исключения, но основной деятельностью Сибири будет добыча ресурсов. В этом нет ничего плохого. Это не означает, что там низкий уровень технологий. Сырьевые отрасли необязательно являются низкотехнологическими.

Три заметки. Самая важная, наверное, — это вопрос населения, вопрос людей или, как сейчас модно сказали на пленарной сессии, человеческий капитал. Наиболее серьезным препятствием для экономического развития

в России на ближайшие 20-30 лет является сокращение численности рабочей силы. Этого почти невозможно избежать. В этих условиях, по-моему, нет смысла проводить политику, чтобы привлечь больше людей в Сибирь. Это дорого обходится национальной экономике, ослабляет национальную экономику. Общий подход для развития Сибири должен найти способы освоения ресурсов наименьшим количеством людей. И, как господин Иноземцев показал исторические примеры Аляски, Канады — такой подход возможен.

Бизнес и государство. Какой подход обещает лучшую надежду на эффективное развитие Сибири? По-моему, ведущую роль играет частный бизнес. Иначе вероятно, что крупные государственные инвестиции будут воспроизводить те же недостатки, как в прошлом. Частный бизнес должен самостоятельно выбирать расположение и структуру производства. Важно, что предприятия принимают самостоятельные решения. Если им предъявляются неформальные политические или социальные обязательства о создании ненужных рабочих мест и тому подобное, это то же самое, как если бы государство само приняло решение. Но я слышу про «государственные институты развития», «государственно-частное партнерство» и так далее. Это опасно, по-моему.

И наконец, диверсификация рисков. Важно, что стоимость ресурсов в Сибири является неопределенной из-за нестабильности цен на мировом рынке. Это означает, что эксплуатация ресурсов Сибири является рискованной. Инвестиции могут принести огромные прибыли, но также существует риск, что они принесут потери. Россия должна переложить часть рисков на инвесторов из других стран. Максимальная диверсификация рисков потребует также того, что российским компаниям, а также российским суверенным фондам будет разрешено инвестировать в неэнергетические активы других стран. Россия могла бы предложить странам инвестирование в Сибири: вы можете инвестировать в наши сырьевые отрасли, и мы в ваши — для диверсификации рисков.

— Дмитрий Анатольевич, если у Вас есть какие-то комментарии, Вы можете прокомментировать.

— Медведев Д.А.: Конечно, есть. Все оказалось не так скучно, как я думал, потому что когда приходишь на круглый стол по очевидным вещам (надо Сибирь развивать? Ну, надо. Деньги искать надо? Надо), тут, конечно, хорошо, что наши коллеги (Владислав Иноземцев, господин Гэдди и, конечно, Олег Дерипаска выступили с противоположных позиций. Я кое-то откомментирую.

Мне кажется, есть очевидные вещи, как-то: чтобы развивать Сибирь, нужно больше самостоятельности, больше конкуренции. Это очевидно, и не нужно бояться. Наши предшественники, наши предки не боялись этого, и поэтому, собственно, Сибирь освоена. Что касается лозунга «Больше федерализма» или же «Децентрализация полномочий», я говорил на пленарном заседании, скажу и здесь: я «за», но мы должны находиться в плоскости практической политики. Когда я провожу мероприятия, приглашаю губернаторов и спрашиваю, что они готовы забрать, — как-то не очень берут полномочия. Коллеги это отлично знают, потому что забирать полномочия – это значит принимать на себя ответственность. Это сделать не всегда просто, особенно когда полномочия не предполагают передачу доходных источников. То есть процесс идет не так быстро, как нам бы хотелось, хотя должен идти.

Госкорпорация нужна или не нужна? С идеологической точки зрения, мне кажется, не нужна, потому что наши попытки решать все проблемы созданием госкорпораций – тупиковый путь развития, отчасти советский подход. Но, с другой стороны, инструменты нужны. Нужно ли им инструментам придавать форму госкорпорации, я сомневаюсь. Но еще раз подчеркиваю: специализированные институты развития, которые работают на сибирском и дальневосточном направлении, — они нужны в силу особенностей нашего государства. Какие проекты требуются, дорогие или дешевые? По-моему, ответ очевиден: и дорогие, и дешевые; дорогие тянут за собой дешевые. Без малых проектов нет смысла создавать большие. Нужны ли нам сверхзатратные проекты или проекты престижа? Здесь нужно подумать, что первично, что нужно делать вначале. Очевидно, что мегапроекты нужно затевать тогда, когда мы действительно можем решить насущные проблемы наших людей. И в этом смысле обеспечение жильем, ликвидация набившего всем оскомину «ветхого фонда» — задача номер один. Это гораздо важнее, чем что бы то ни было другое.

Новая стратегия, старая стратегия – но, коллеги, она должна быть эффективной. Если мы считаем, что документы в предыдущий период себя исчерпали, давайте думать над тем, чтобы их оптимизировать или создать новые. Правительство открыто и готово работать с экспертным сообществом, бизнесом и губернаторами.

Наша ориентация на партнеров из-за границы. Надо со всеми работать, у всех получать максимальное количество инвестиций. Никто не закидывался на Китае. Есть, действительно, Япония, Корея, Вьетнам, страны АТЭС, но и

Важно, что стоимость ресурсов в Сибири является неопределенной из-за нестабильности цен на мировом рынке. Это означает, что эксплуатация ресурсов Сибири является рискованной. Инвестиции могут принести огромные прибыли, но также существует риск, что они принесут потери. Россия должна переложить часть рисков на инвесторов из других стран. Максимальная диверсификация рисков потребует также того, что российским компаниям, а также российским суверенным фондам будет разрешено инвестировать в неэнергетические активы других стран. Россия могла бы предложить странам инвестирование в Сибири: вы можете инвестировать в наши сырьевые отрасли, и мы в ваши — для диверсификации рисков.

Нужно ли нам обязательно направлять человеческий поток из европейской части России в Сибирь — вопрос спорный. Общее количество людей, которые живут в Сибири и на Дальнем Востоке, по отношению к Советскому периоду уменьшилось; в настоящий момент эти процессы более-менее стабилизировались. Казалось бы, обратный тренд очевиден. С другой стороны, у нас масса нерациональных рабочих мест, и действительно, во многих странах (красноречивый пример с Аляской) значительная часть государственных, трудовых, экономических функций выполняется меньшим количеством людей. В этом плане мы должны смотреть на мировой опыт, принимая оптимальные решения.

объективная реальность: кто больше предлагает, с тем обычно и затевают контакты. Объем нашего сотрудничества с Японией непропорционально мал, по сравнению с объемами сотрудничества с Китайской Народной Республикой. В этом плане нашим партнерам тоже нужно обратить на это внимание. Но у нас есть текущие вопросы, которые мы обсуждаем с бизнесом, включая вопросы кредитной ставки, эффективных региональных банков, снижения тарифов. В принципе, все, что говорит Олег Владимирович, в значительной степени справедливо. Во всяком случае, задача снижения потерь в сетях, создания новой энергоэффективной экономики — это сверхзадача. Если мы ее решим, то изменим ситуацию в Сибири и вообще по стране. Надо этим заниматься. Есть специальные вещи: запрет на совмещение генерации, сетевого хозяйства, некоторые другие. Их мы, естественно, будем рассматривать отдельно, разговор на эту тему нужно продолжить.

Долгосрочные решения по налогам: я считаю справедливым то, что говорил Олег Владимирович и другие коллеги. Мы должны принимать решения, которые будут понятны инвесторам; решения должны быть долгосрочными, не должны колебаться в зависимости от «линии партии». Они должны объявляться инвесторам, чтобы у них был ориентир на среднесрочную перспективу.

Дальше наши коллеги рассуждали о достоинствах и недостатках Сибири, о том, как развивать Сибирь. Это интересная дискуссия, но что мне показалось важным подчеркнуть? Все-таки ключевой момент — мы должны развивать переработку на территории нашей страны, и в том числе на территории Сибири. Вот что ни было, какими бы ни были цены на сырье, актуальные сырьевые тренды, все равно переработку нужно затаскивать по всем направлениям на нашу территорию. Экономические соображения не буду предьявлять: они для всех абсолютно очевидны.

Нужно ли нам обязательно направлять человеческий поток из европейской части России в Сибирь — вопрос спорный. Общее количество людей, которые живут в Сибири и на Дальнем Востоке, по отношению к Советскому периоду уменьшилось; в настоящий момент эти процессы более-менее стабилизировались. Казалось бы, обратный тренд очевиден. С другой стороны, у нас масса нерациональных рабочих мест, и действительно, во многих странах (красноречивый пример с Аляской) значительная часть государственных, трудовых, экономических функций выполняется меньшим количеством людей. В этом плане мы должны смотреть на мировой опыт, принимая оптимальные ре-

шения. Прозвучал тезис господина Гэдди, что государственно-частное партнерство опасно. Да Бог с ним, давайте его не затевать; государство никуда не рвется. Проблема в том, что иначе никто не идет. Дело не в том, что нам хочется залезть в каждый бизнес. Может, конкретному чиновнику и хочется где-то порулить или получить деньги. Но государству в целом это не нужно. Проблема в том, что иначе ничего не склеивается. Именно поэтому мы вынуждены в масштабах нашей страны, в масштабах Сибири создавать такого рода партнерства. Если мы в какой-то момент сможем без них обойтись, только частным ресурсом, слава Богу! Пусть частники строят железные дороги, развивают другие дороги, прокладывают коммуникации. Но пока этого не происходит, поэтому, по всей вероятности, этот институт нам придется еще некоторое время использовать.

— *Предоставляю слово человеку, который много сделал для подготовки стратегических вопросов развития Сибири. Это Валерий Кулешов, директор Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН. Он много знает и о прошлом, и о настоящем, и о будущем нашего региона.*

— Кулешов В.В.: Все стратегии развития Сибири всегда разрабатывались здесь, и в этом принципиальное отличие от других стратегий. Я буквально понял поставленную передо мной задачу, что Россия — карта перемен, и поэтому свою презентацию представил в виде карт, которые символизируют эволюцию. Вот пять проектов, и периоды, когда они были реализованы: за сто лет реализовано всего пять проектов, причем три — чисто транспортные проекты, а два — энергетические. А на их базе уже шли более мелкие — территориально-производственные комплексы и различные другие. Все, что сейчас делается, — это продолжение тех пяти проектов; шестым предлагают рассматривать проект создания сибирских отделений Академии Наук. И вот что интересно: огромные затраты. Западносибирский нефтегазовый комплекс: когда он начал реализовываться, на него уходило 90 % всех инвестиций в этот регион. К чему это привело? К упадку машиностроительных и других обрабатывающих отраслей, потому что все инвестиции туда уходило. Нужно сказать, что резко изменились приоритеты, и заработала «нефтеигла». Я обращаю внимание — мы сидим на нефтеигле уже длительное время, а чем дальше накапливается зависимость, тем труднее ее излечить. Вот Сибирь на пороге индустриализации, конец двадцатых годов: Ямало-ненецкий автономный округ — двенадцать тысяч человек, Ханты-

Мансийский — сорок два. Славный город Красноярск — семьдесят пять тысяч жителей. Томск, университетский центр, Новосибирск, столица Сибирского края, и так далее, и тому подобное. Население было девять миллионов человек, то есть не так уж мало.

Сибирь шестьдесят лет спустя и поныне: это пять ярусов, пять страт. Первая страта — это то, что я назвал, добычная территория, вторая страта — это протослойная территория, третья страта — это обжитая, сельскохозяйственная, и внутри научный, инновационный, образовательный комплекс. На что я хочу обратить ваше внимание? Что за прошедшие шестьдесят лет примерно территориальная граница заселения сдвинулась на север на четыреста-пятьсот километров. В общей сложности, преобразована территория порядка миллиона кв. км. Населения примерно 22 млн. чел., температура проживания в новых районах увеличилась на три-пять градусов.

Теперь классические вопросы. Первый — это самый, по-видимому, простой: мероприятия, связанные с развитием сырьевого сектора во всех интерпретациях. Какой тут момент ключевой? Что в эксплуатацию будут вовлекаться и новые ресурсы, но главное — эффективность недропользования. Второй момент — это генерация и инновации. Я хочу обратить ваше внимание, что такие регионы, как Красноярский край, Томская область, Новосибирская область, — каждый по-своему и в совокупности являются уникальными с точки зрения присутствия здесь различных институтов развития, о которых сегодня столько говорилось. Все есть, и все действующие, хотя пока достаточно рыхлые структуры. Но я даже не на это хочу ваше внимание обратить, а на человеческий потенциал. Обратите внима-

ние: численность населения Новосибирской и Томской областей за межпереписной период времени не только не упала, но в Томске даже подросла, как и в Тюмени; тогда как на Ямале роста численности нет. То есть не только зарплаты останавливают людей, а есть уже и другие ценности.

Что такое Ямал с ненецкого? Это означает «ни суша, ни вода», «край света», «край Земле», то есть дальше куда идти? В Северный Ледовитый океан. Исследовательские скважины уже бурятся в ста км от Северного полюса.

Вопрос, базовый и ключевой: с кем идти дальше и России, и Сибири. Есть некие альтернативы. Но транспорт и логистика, сдерживают реализацию всех вопросов. Транспортная инфраструктура стоит; к 2030-2040 гг. усилится значимость Севморпути. Как очень существенная проблема обострится проблема реверсии — экологические последствия по всей территории. Я приведу цифру — что в Западной Сибири пробурено было, с начала массового освоения, сто восемьдесят тысяч скважин. Выведено сейчас уже восемьдесят тысяч; каждая скважина — это дыра 2 км глубиной. Сами понимаете, что это такое.

И, наконец, сельское хозяйство. Сибирь однозначно должна быть резервной житницей России; Красноярский край в 2012 году отличился, собрав урожай с гектара выше, чем в среднем по России.

— *Просим как сибиряка и как министра выступить руководителю Минэнерго. Какие вопросы наиболее актуальны для решения.*

Новак А.В.: Вопросы, которые здесь поднимаются, действительно касаются моей деятельности. Олег Дерипаска поднимал вопросы по энергетике; они касаются не только Сибири, а также большинства наших терри-

торий. Мы их решаем в рабочем порядке, и закон о теплоснабжении уже принят в 2011 году, а также все нормативно-правовые акты. Но в целом вопросы по перекрестному субсидированию между электроэнергией и теплом нужно решать. Сейчас создана рабочая группа

В перечне вопросов, которые были обозначены в тематике, есть такой вопрос, как геополитическая роль Сибири. Я хотел бы сказать, что такое геополитика — это каким пространством на территории владеет страна, обеспеченность расселением, защита и безопасность, защита границ и так далее. Сибирь, с этой точки зрения, является связующим звеном между западной и восточной частями страны, между геополитическими центрами. Очень важно развивать города Сибири и делать программу, которая бы обеспечивала рост и развитие этих городов и жизни — чтобы здесь концентрировалась жизнь. Что сегодня происходит? В Сочи — олимпиада, это возможность для развития города; в Казани универсиада. Каждый город так или иначе пытается реализовывать геополитические задачи по развитию, затягивая на себя крупные проекты. Но это разовое действие: кто-то успел, кто-то нет. Красноярск нацелился на универсиаду, это правильно, чтобы развивать Красноярск геополитически как центр Сибирского региона. Свердловск затягивает на себя ЭКСПО 2020. Но это не системные вещи; надо подходить к развитию системно. Должна быть цепь городов — Омск, Новосибирск, Томск, Красноярск, Чита, Якутск, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Владивосток — потому что другим способом геополитической безопасности России мы не сможем обеспечить. В этой связи энергетика также играет ключевую роль.

Что происходит с точки зрения развития энергетики? Западная Сибирь на сегодняшний день по энергетическому потенциалу практически себя исчерпывает. Возникает необходимость новых подходов, интенсификация развития. Мы увидели за последние несколько лет падение, добычи нефти на 1,6 %. Только в этом году темп падения уменьшился после дополнительных стимулов. В Западной Сибири нужно заниматься повышением коэффициента извлечения, улучшением недропользования, добычей трудноизвлекаемых запасов. Это накладывает новый отпечаток.

Валерий Кулешов говорит о том, что мы сидим на нефтяной игле. Я отчасти могу согласиться с этим, отчасти нет. Мы сидим на доходах от нефтяной отрасли — забираем от барреля из 100 долларов 70 в бюджет. Нефтегазовая отрасль сегодня — одна из самых высокотехнологичных в мире, она имеет

особый статус и роль инновационного развития. Страны, которые сегодня развиваются, используют инновационные технологии на уровне космических: горизонтальное бурение, гидроразрывы – современные инновационные разработки. Это влечет развитие смежных отраслей промышленности. Я думаю, что роль Восточной Сибири возрастает геополитически, и нам нужно создавать условия. Мы видим, что новые перспективные проекты — это Восточная Сибирь. Это и Юрубчено-Тохомское, Куюмбинское месторождения; Ванкорское в этом году уже выйдет на полную мощность. Соответственно, газовые месторождения Якутии и в Читинской области – всем известные Чаяндинское, Ковытинское и так далее. На сегодняшний день уже принимается инвестиционное решение по строительству газопровода на Дальний Восток. Сегодня нет газотранспортной структуры для газификации Красноярского края; это тоже перспективы и будущее. Сегодня вектор смещается в Восточную Сибирь. То есть шестой крупный проект — Восточная Сибирь, развитие нефтегазового комплекса и инфраструктуры. Мы посчитали, что порядка 4 трлн. руб. будет вложено до 2035 г. в инфраструктуру.

И последнее, о чем я хотел сказать: мы поддерживаем подходы по долгосрочным стимулам для развития инвестиций. За последний год была проведена «налоговая революция». Мы благодарны Министерству финансов, что наконец-то услышали энергетиков, чтобы создать новые долгосрочные условия. В прошлом году были разработаны нормативно — правовые акты, в этом году они будут приняты, по долгосрочным стимулам, по разработке новых месторождений. Это даст новый толчок для развития Сибири.

— Игорь Николаевич, председатель Правительства назвал как первоочередную задачу ликвидации «ветхого жилого фонда»; наверняка Минрегион немало работает над этим вопросом.

— Слюняев И.Н.: В первую очередь хотел сказать о проблемах развития Сибири и Дальнего Востока, а потом коснуться жилого фонда. Сегодня коллеги много говорят о том, что мы создаем электрогенерацию. Но напомним историю про тепло: одна из проблем, с которой сталкивается страна — это избыточная теплогенерация, потому что никто не считал себестоимость. К сожалению, избыточная генерация ложится на потребителя и хозяйствующие субъекты. Аналогичная история в ряде регионов происходит с электроэнергетикой. Кто будет потреблять электроэнергию, которую мы уже оплачиваем; имею в виду и жителей, и рынок. Важно,

и для Сибири в том числе, даже в аналитическом плане, вычленив конъюнктурные доходы, нефтегазовую составляющую, чтобы понять наши конкурентные преимущества на внутренних и внешних рынках. Это важно для развития страны. С другой стороны, мы должны выработать мероприятия, направленные на развитие сферы материального производства, решить проблемы внутреннего рынка и закрепить наши конкурентные преимущества на внешних рынках. Еще одна проблема — баланс интересов и ответственности бизнеса. Мы часто говорим об административных барьерах, избыточном присутствии регулятивной функции государства. Но наш бизнес живет, к сожалению, по принципу «Родина там, где меньше налоги». Там авуары, активы, имущество, здравоохранение и образование, и все остальное. Вопрос ответственного и патриотического отношения бизнеса к собственной стране сегодня должен стоять на повестке дня.

В отношении развития региона, что меня смущает как регионального министра? В наших концептуальных и стратегических подходах отсутствует тема развития мегатерритории. Для меня Дальний Восток и Сибирь неразделимы, а это означает, что мы должны пересмотреть наши подходы. Мы должны пересмотреть задачу, связанную с депопуляцией нашей страны и дефицитом трудовых ресурсов. Мы не первые, кто решает эту проблему. Я рад, что сегодня эта тема звучала от профессора Иноземцева. Канада, США; в Австралии 3,6 чел. на кв. км. Нам предстоит решить проблему удержания больших территорий малым населением. Каким образом? Компактное размещение вдоль границы и побережья — это путь, который пошли наши внешнеэкономические партнеры. Да, надо не

переусердствовать, но нам предстоит решать задачу деурбанизации европейской части России, а там перебор. Московская агломерация – это более 30 % жителей страны, причем продолжает нарастать на фоне того, что мы имеем постоянный отток жителей Сибири и Дальнего Востока при одновременном вахтовом освоении континентальной части. Да, мы не касаемся темы компактного традиционного проживания, не берем исторические торговые пути. Но даже те восемьдесят тысяч скважин, которые сегодня выпали из оборота, означают, что социальная, промышленная, иная инфраструктура была ориентирована на добычу углеводородного сырья. Завтра все это ляжет нагрузкой на бюджеты, а у нас целые города-мегаполисы – в Тюменском регионе, в Сибирском регионе, в Восточной Сибири. Что такое город в четыреста тысяч человек, который работает только на нефтянку либо в бюджетной сфере? Его необходимо содержать, либо сейчас создавать рабочие места, либо решать проблемы, связанные с вахтовым освоением континентальной части.

Схема расселения. К сожалению, этот документ так и не появился в наших подходах по пространственному планированию. Все начинается с населения, затем уже стратегическое планирование; после этого размещение производственных сил и трудовых ресурсов. Тогда мы можем говорить о стратегии развития страны, причем именно от схемы расселения до промышленного развития и развития трудовых ресурсов.

Внутренние водные пути – чрезвычайно важный элемент в наших подходах. Говоря о транспортной доступности к минерально-сырьевым ресурсам, к населенным пунктам, формируя вопросы переработки, – нужно помнить, что Россию наши предки осваивали

по внутренним водным путям. Водный транспорт является мультипликативным, потому что необходима инфраструктура, тяговая сила, это еще и самый дешевый вид транспорта. Плюс в условиях Сибири и Дальнего Востока это выход на Севморпуть, еще одно наше конкурентное преимущество.

Важный момент связан с развитием новых секторов промышленности. Александр Новак, мой коллега, вспоминал форум АТЭС, олимпиаду в Сочи, — нам не хватало элементарной вещи – создания промышленности строительных материалов, ведь модернизация Китайской Народной Республики начиналась с того самого пленума ЦК, на котором были приняты «четыре модернизации» Дэн Сяопина, и первый шаг – создание промышленности строительных материалов. Это и промышленное, и гражданское, и жилищное, и транспортное, и иное строительство. Вдумайтесь: 3,2 млрд. т производится сегодня в мире цемента, и из них 1,7 млрд. — Китай. Сопоставьте объемы дорог общего пользования, и вы поймете: все начинается с промышленности строительных материалов. Плюс еще это мультипликация, потому что тридцать смежных отраслей так или иначе связаны с этой отраслью.

Тарифы и тарифные услуги. Уверен, что если мы не наведем порядок с тарифообразованием в части услуг естественных монополий, они доедут страну, в первую очередь регионы Сибири и Дальнего Востока. Экономически обоснованных тарифов, так же как сквозного тарифа на всех видах транспорта, и объявленного тарифа на ж/д-транспорте, по-прежнему не существует. Мы мечтаем о том, что транзитный потенциал РФ принесет колоссальные доходы в бюджетную систему, но для этого необходимо создать условия.

Модернизация основных фондов. Начисленная амортизация – чисто бухгалтерский инструмент сегодня, собственные средства предприятия, которые проедаются. Они не служат целям воспроизводства. Даже на фоне региональных площадок в масштабах отдельного субъекта или федерального округа можно пойти по пути добровольных отчислений или консолидации амортизационных отчислений и придать им цель воспроизводства — сначала простое, а потом расширенное. И последнее. Я хочу вспомнить слова Петра Столыпина: «Если мы будем спать летаргическим сном, то край этот, Сибирь и Дальний Восток, будет пропитан чужими соками, а когда мы проснемся, может быть, он окажется русским только по названию».

— Олег Владимирович, Вы хотели прокомментировать?

— Дерипаска О.В.: Тут много интересных мыслей, но мне кажется, надо сосредоточить-

ся на главном. Мы уже по практике видим: институт развития необходим. Координация между ФЦП, между различными структурами, агентствами, даже внутри субъекта отсутствует. Институт развития необходим, как механизм снятия проблем в кратчайшие сроки. Если мы спустим федеральный центр с направления «давайте создадим какие-то фонды», это не работа. Потом, без денег жить невозможно, давайте назовем это «Сибирская ипотека», но, если вы хотите изменить состояние жилого фонда, люди должны иметь возможность занять под 7 %, и лет на 12. Это же просто! Если мы хотим строить новые производства строительных материалов, опять необходимы средства. Под 15 % на 3 года ничего не построишь. Это бенчмарк, который есть, отсутствие банковской системы. И, конечно, много других вопросов. Часто звучит, что не хватает трудовых ресурсов, еще чего-то. Но у нас миллион охранников в стране. Еще миллион человек распределяет китайские товары. 1,5 млн. лишних (я слышал разные оценки) в различных субъектах государственного правления, на государственном уровне, в муниципалитете. Есть 20 млн. прекрасных пор-русских представителей Средней Азии. Не все такие ужасные, просто с ними нужно заниматься – ассимиляция; следить, кто и как завозит. Они уже здесь. То есть этот вопрос уже не стоит на повестке дня: как заниматься ассимиляцией, насколько быстро мы адаптируем мигрантов к своим ожиданиям о том, как они должны жить, в каких условиях, где работать. Поэтому основная проблема – это деньги и наличие возможности влиять на принятие решения здесь. А для этого необходима корпорация, которая будет наделена полномочиями, и руководитель этой корпорации на уровне вице-преьера – это ключевое, для того, чтобы мы двинули те проекты, о которых здесь говорилось.

— Zubov Валерий Михайлович, профессор, бывший губернатор Красноярского края.

Зубов В.М.: Я с огромным удовольствием пообсуждал бы любую тему из тех, которые были затронуты там. Премьер-министр ушел, оставив нам вопрос: что бы взяли губернаторы, если бы им дали? А то им дают, а они не берут. Я скажу: второй ключ на месторождения с удовольствием возьмут. В свое время мне было предоставлено право подписать такую лицензию; это предприятие теперь самое эффективное в золотодобывающей отрасли, и одно из самых эффективных в стране, и входит в десятку мировых. Поэтому, если бы была конкуренция между регионами, то возникла бы совсем другая эффективность. Я с удовольствием поговорю о проблемах

Важный момент связан с развитием новых секторов промышленности. Александр Новак, мой коллега, вспоминал форум АТЭС, олимпиаду в Сочи, — нам не хватало элементарной вещи – создания промышленности строительных материалов, ведь модернизация Китайской Народной Республики начиналась с того самого пленума ЦК, на котором были приняты «четыре модернизации» Дэн Сяопина, и первый шаг – создание промышленности строительных материалов. Это и промышленное, и гражданское, и жилищное, и транспортное, и иное строительство. Вдумайтесь: 3,2 млрд. т производится сегодня в мире цемента, и из них 1,7 млрд. — Китай. Сопоставьте объемы дорог общего пользования, и вы поймете: все начинается с промышленности строительных материалов.

развития Нижнего Приангарья, потому что мне в свое время приходилось принять ключевое решение (два человека его принимали) – достраивать или заморозить в 1994-м году стройку. Мы решили достраивать, и теперь есть перспектива. Я бы поговорил и о тарифе: седьмой раз буду делать попытку внести в Госдуму закон, который шесть раз отклонялся Правительством – «О госрегулировании тарифов на услуги естественных монополий», и ничего взамен за эти десять лет не представили. Но я думаю, что сейчас более ответственный момент, чем разбирать отдельные моменты. Кризис произошел, а после всегда должна складываться другая модель развития. Она может быть эффективной, может быть неэффективной, но старая точно не работает.

Не соглашусь с двумя моментами, которые были высказаны. Первый – уважаемый мною Валерий Кулешов рассказывал, с кем бы хотели сотрудничать и послыл: вот пожалуйста, что думает народ. Так вот: власти, элита, ученые должны как раз думать не «в среднем». Они должны думать как меньшинство, которое видит дальше, чем большинство, и менять тренды.

С Клиффордом Гэдди не очень соглашусь по одному моменту. Книга «Siberian Curse» — она, конечно, интеллектуальной смелости просто высшего уровня. Но есть момент, который пропущен. Если сравнить ситуацию, в которую попал Сингапур в семидесятые годы, когда уходили англичане, и сегодняшнюю ситуацию Сибири, у Сингапура были более тяжелые проблемы, вообще безысходность. А сегодня Сингапур уже — правильно нашедшая модель развития высокоразвитая страна. Я считаю, что сегодня нам надо сменить парадигму взгляда на Сибирь. Я перечислю пять тезисов, которые, на мой взгляд, должны представлять новую парадигму развития Сибири. Первое: Сибирь – это мегапроект, и поэтому надо строить дальнейшее развитие на принципиально новых технологиях. Ни деньги, ни рабочая сила, ни институты. Первое ключевое слово – технологии! Откуда мы их можем получить? Всего два источника — высокоразвитые страны (Америка, Европа, Япония, Юная Корея, Канада, Австралия), поэтому надо изменить внешнеполитический контур, других союзников искать, перестроить отношения, уходить от конфронтации, а переходить на выгодные отношения. Современные технологии – это политический ресурс. Не имея политических союзов, вы не получите современных технологий. Третье: бизнес. В отношениях между государством и бизнесом я занимаю крайнюю позицию. Бизнес – драйвер развития в глобальной эко-

номике. Ставка должна быть на бизнес. Не государство должно ставить цели, а бизнес формулировать цели, и государство, сочтя их полезными, поддерживать либо не мешать бизнесу реализовывать. Достаточно двух подписей Правительства, чтобы в Красноярске, в России появился мегапроект в дополнение к тем, о которых говорил Валерий Кулешов. Северный воздушный мост функционирует на частной основе. Разрешите частной компании выйти в космос, если там не ладно.

Я категорически против корпорации — это трата денег и повод для дополнительной коррупции. Если бы это было не так, то прежде, чем создавать новую корпорацию, мы проанализировали бы. Что сделали предыдущие («Ростехнологии», «Нанотехнологии») – что там произошло прорывного? А какой бизнес, на самом деле, — прорывной или тот, который на ладан дышит, прежде всего, финансирует ВЭБ, тоже госкорпорация? Поэтому я категорически против, и неважно, где она будет располагаться: это будет коррупционная структура с высокими издержками.

Следующий тезис – перераспределение. Об этом говорилось, я просто поддерживаю: от федерации к регионам, к местному самоуправлению – право принимать на себя ответственность, вступать в конкуренцию между регионами, принимать новые схемы. Действительно, я поддерживаю то, что здесь уже было высказано. Посмотрите, как развивается добывающая отрасль Монголии! От 20 до 40 % – ежегодный прирост. Наш кызылский уголь сразу стал нерентабельным, подвис весь наш сырьевой проект. Поэтому не бойтесь сдать часть полномочий, потому что сегодня федеральный центр эффективно со всеми полномочиями не справляется.

И в заключение хотел сказать следующее: мы много говорим об инновациях, но не определяем, что это такое. У меня определение простое: это вовремя расстаться со старыми удобными башмаками. Они притерлись, удобные, хорошие. А новые будут тереть ногу, надо идти в магазин, покупать. Надо отказаться от традиционных подходов. Все подходы, которые сегодня сформулированы, в том числе в той массе стратегий по Дальнему Востоку и Сибири, которые есть, — это продолжение советской идеологии в отсутствии советских институтов. Нет госплана, нет госснаба, нет госрегулирования цен, и поэтому они работать не могут по определению. Поэтому надо взглянуть на проблему Сибири принципиально иным взглядом. Может быть, в Сибири сейчас ситуация сродни той, которая была в начале двадцатого века в физике: надо сменить парадигму, подходы, и тогда у нас будет все как в Сингапуре.

— *Игорь Николаевич, Ваш короткий комментарий.*

— Слюняев И.Н.: Я старый бюрократ и помню Вас в бытность губернатором Красноярского края; когда-нибудь напишу мемуары, как проходила приватизация отдельных предприятий — знаю не понаслышке; это первый послыл. Во-вторых, в отношении корпорации; я представляю Правительство на этом круглом столе, и мне, в силу служебных полномочий, приходится возглавлять два набсовета: это корпорация «Фонд реформирования жилья» и корпорация «Олимпстрой». Если есть претензии в адрес корпораций, где я руковожу набсоветом, готов выслушать прямо сейчас и пригласить Вас на ближайшее заседание наблюдательного совета. Не надо всех черной меткой метить. Ваше отношение к институтам и обсуждение общих проблем не одно и то же. Я вспоминаю слова профессора уголовного права Трубецкого в Киевском университете: преступность в отношении ненасильственных преступлений – это нормальная реакция нормальных людей на ненормальные условия жизни. А эти условия создаем мы с вами – Вы как законодатель, а мы как исполнительная власть.

— *Слово господину Толоконскому. Виктор Александрович, надо подвести итоги очень насыщенного нашего круглого стола.*

— Толоконский В.А.: Думаю, что организаторам удалось провести содержательную и острую дискуссию. Нормально, когда есть разные идеи, предложения, когда кто-то их сразу отвергает. Думаю, что все сказанное участниками будет полезно в работе: и по актуализации стратегии развития Сибири, и по формированию новых программ развития, новых проектов, поэтому сам подпишу ряд поручений. Попрошу и Игоря Слюняева учесть те предложения в решениях, которые Министерство будет принимать по развитию нашего макрорегиона. Попрошу ученых продолжить эту работу и дать как можно более системный материал, чтобы мы могли активизировать практику управления.

Второе: я все-таки и хотел бы подчеркнуть (сегодня многие говорили о значении Сибири, о кладе Сибири) что развитие Сибири — это и развитие России. Но в то же время проскальзывало, что Сибирь – это территория пионерного освоения, и надо вспомнить и свою историю, и историю Канады, Австралии. Не соглашусь; Сибирь – это освоенная территория. Сибирь сегодня дает не только огромный ресурсный потенциал. Это и города-миллионники, и максимальная в России атомная промышленность, космическая и авиационная промышленность, это одни из

лучших университетов: Томск, классический университет в Новосибирском академгородке, и Сибирский Федеральный Университет, и университеты Иркутска, и ряд других – это центры инновационных подходов, инновационного мышления, крупные научные центры, вполне современная инфраструктура, крупные международные аэропорты, Транссиб, который имеет огромное международное транзитное значение. Если брать только Сибирский федеральный округ, это двадцать миллионов. Если с Дальним Востоком, то 26 млн. Притом подчеркну – об этом сегодня не говорили, но это симптоматичная статистика – из двенадцати регионов Сибири в десяти устойчивый естественный прирост населения, причем во всех десяти выше, чем средний по России. В трех регионах из двенадцати устойчивое положительное сальдо миграции. В эти три региона приезжает людей в последние годы существенно больше, чем выезжает: Новосибирская, Томская области и Красноярский край. И, следовательно, социальные оценки значения Сибири тоже меняются, и настроения здесь ориентированы на развитие, не деградацию.

Нам при обновлении стратегии развития Сибири, установлении подходов нужно во главу угла ставить интересы этих 20 — 26 млн. граждан и понимать, что будущая экономика – это экономика интеллектуальная. Мы понимаем, что не просто основной и главной, а определяющей движущей силой будет человек и его коммуникации. Следовательно, качество жизни – это главное направление инвестиций, которое мы должны сегодня рассматривать при всей важности нефтегазового комплекса (конечно, это будет в Восточной Сибири), развития производства редких металлов (это тоже только Сибирь, и других вариантов нет), развития других производств. Поэтому главного, чего нам не доставало сегодня в наших дискуссиях, — это обсуждение новых механизмов активизации инвестиционного процесса. Инвестиций мало, их должно быть больше. Но правы коллеги и профессор Гэдди, который говорит, что опираясь только на рыночную целесообразность, активизировать инвестиционный процесс очень непросто. Я тоже против активного участия государства в инвестиционном процессе. Но без очень жесткой и точной целеполагающей силы со стороны государственных институтов, масштабировать инвестиционный процесс будет сложно. Поэтому в качестве механизмов мы рассматриваем: распространение на некоторые малые регионы Сибирского округа особых экономических механизмов, которые сейчас обсуждаются и будут приняты для Дальнего

Востока и Байкальских регионов. Сибирь разная: не только сильные Красноярск, Новосибирск, Томск, Кузбасс. Это Тыва с населением в триста тысяч, республика Алтай с населением в двести тысяч. И поэтому для отдельных субъектов федерации нам требуются особые экономические, налоговые режимы. Они не повлияют на общие пропорции и показатели, но их будет необходимо распространять на отдельные территории. В самодостаточных регионах, а их у нас больше половины, обязательно должен быть инструмент, когда региону дается право на конкретный и весьма краткий срок создать особые экономические зоны развития. Не ходатайствовать, а именно поручить обязанность такие зоны создать, чтобы территориально сконцентрировать ресурсы развития, изменить пространственную конфигурацию производительных сил. Я сегодня ходил по выставке и смотрел много интересных проектов, но они настолько территориально разинтегрированы и к каждому надо построить на десятки и сотни миллиардов рублей автомобильных дорог, линий электропередач, мостов... нужна более точная пространственная координация, и поэтому такие особые зоны, где будут применяться особые экономические и налоговые режимы, должны быть. При этом никаких угроз не вижу, потому что все это будет относиться к прирастающей, не к существующей, экономике. Существующая экономика здесь вполне адаптирована. Нам нужно ускорение инвестиционного процесса, инвестиции и от других стран – той же Монголии и Китая, чтобы они были здесь в Сибири.

Конечно, нужен и по-новому организованный государственный институт развития. Я думаю, что уважаемый Валерий Зубов, и Игорь Слюняев сейчас говорили о других институтах развития. Я имею в виду государственную компанию, которая могла бы конкретно решать задачи развития в управленческом плане. При этом главным ограничением, чтобы не было неэффективности, коррупции и не было тех негативных последствий, о которых мы часто говорим, их действия могут осуществляться только по инициативе частного инвестора. Частный инвестор доказывает эффективность проекта, компания соинвестирует на неконтрольном участии. Тогда это можно было серьезно простимулировать, потому что почти вдвое сокращается срок окупаемости, привлечения инвестиций. Такой компании можно передать дешевые ресурсы, потому что Дерипаска в целом прав; нам нельзя говорить о масштабном инвестиционном процессе при той финансовой кредитной системе, которая есть, а обновить всю финансово-кредитную систему – вопрос

Главное богатство – это сибиряки. Мы действительно имеем очень качественный человеческий капитал, традиции развития Сибири. Убежден, что оптимистическое настроение должно возобладать, а Красноярский форум эти настроения должен усиливать.

долгий и сложный. Быстро темп не наберешь. Поэтому здесь, мне кажется, нужно об этом думать, придумывать разные конкретные конфигурации такого института, разные задачи и полномочия, но без наличия больших дешевых инвестиционных ресурсов государственной природы, соинвестирования и решения целевых задач писать в Правительство бесполезно...

Справедливо говорится, мы ставим во главу угла всех программ развития макрорегиона глубокую переработку сырья. У нас почти нет нефтегазохимии, глубокой переработки угля, который мы добываем в огромном количестве. Мало переработки леса, зерна. То есть все, что ни возьми, — нужно или обогащение любого плана, или глубокая переработка. Но этим надо заниматься. Нельзя иметь госплан, но можно иметь государственную стимулирующую систему, которая будет эти процессы активизировать и масштабировать. Убежден, что тогда эффекты получим те, о которых говорили сегодня коллеги. Сибирь может дать огромный прирост экономике России, основной вклад в этот рост, который сегодня нужен российской экономике.

И в завершение хочу акцентировать внимание, о чем сегодня говорили многие, и Дмитрий Медведев: что главное богатство – это сибиряки. Мы действительно имеем очень качественный человеческий капитал, традиции развития Сибири. Убежден, что оптимистическое настроение должно возобладать, а Красноярский форум эти настроения должен усиливать.

Энергетика Сибири

Повышение инвестиционной привлекательности

Основной акцент очередного круглого стола Красноярского экономического форума был сделан на инвестиционной составляющей развития генерации и сетевой инфраструктуры. Электроэнергетика и её инвестиционная привлекательность – это ключевая вещь, которая влияет на развитие Сибири. 18 декабря 2012 года был превышен исторический максимум потребления мощности в объединенной системе Сибири. Это 31 838 мегаватт. Фактически побит рекорд, система показала свою надежность, энергетики – профессионализм и качество работы. Несколько цифр говорят сами за себя: выработка электроэнергии в стране чуть более 1 трлн. квт./ч. В Сибири потребление составило в 2012 году 204 миллиарда квт./ч, примерно 20% от общего потребления в стране. Если говорить об установленной мощности генерации, из 218 ГВт 47 приходится на объединенную энергетическую систему Сибири, фактически 22%. Но развитие электроэнергетики в Сибири будет идти высокими темпами, что связано с высокими темпами электропотребления и развитием экономики. В среднем по России мы ожидаем до 2018 года примерно 0,5 % прироста потребления электроэнергии ежегодно; в Сибири этот рост будет составлять 2,86 %, то есть почти в 6 раз больше. Потенциал роста есть, и высок уровень развития экономики, который должен обеспечиваться, в том числе энергетикой. Обсуждение открыл Министр энергетики РФ

— Новак А.В.: Сегодня мы должны поговорить о проблемах и их решении в отрасли. Не хочу сказать, что начинать надо с нуля; очень многое сделано в рамках проведенной реформы. Но надо двигаться вперед, развиваться и дальше. К сожалению, ввиду последних регулятивных мер в условиях кризиса, некоторые аспекты реформы не были реализованы. И сегодня все, кто сегодня связан с энергетикой, не совсем довольны. Генерация недовольна, что недостаточно стимулов для развития и привлечения инвестиций; сетевые компании недовольны, потому что нужны источники для модернизации сетей и улучшения ситуации с износом основных фондов, все потребители и население недовольны тарифами. Фактически получилось, что регулирование на сегодняшний день было – «всем по чуть-чуть» и никто не остался доволен. При этом, накопилось много проблем в сетевом комплексе, в тепловой генерации, мы видим уменьшение генерации за последние годы; снижается эффективность электроснабжения и производства электроэнергии.

Мы видим, что сетевой комплекс требует повышения эффективности и надежности. Много развилочек, на которые нам хотелось бы получить ответ в рамках дальнейшего развития. 22 ноября 2012 г., был подписан указ Президента «О развитии электросетевого комплекса», в соответствии с которым поставлены задачи по утверждению Стратегий развития электросетевого комплекса, повышению эффективности, качества, надежности, консолидации сетевых организаций, по повышению эффективности инвестиционных программ. В конечном итоге, цель указа в том, чтобы конечный потребитель увидел повышение надежности, качества, улучшение ситуации с энергоснабжением, тарифами и так

далее. И в этой связи, сегодняшняя дискуссия должна затронуть именно эти вопросы, поскольку мы в марте месяце должны обсудить Стратегию в правительстве; сегодня она разрабатывается экспертами, Министерством энергетики, многие специалисты сетевого комплекса и генерации участвуют в этом. Много развилочек, которые до сих пор пока не решены.

— *Период изменений в сетевом комплексе связан в том числе с его консолидацией. Предоставим слово председателю Правления Федеральной сетевой компании Олегу Бударгину.*

— Бударгин О.М.: Сегодня мы должны поговорить об общих проблемах, и отразить тему развития электросетевого комплекса Сибири. Общество, страна ставят как минимум 3 вопроса. Первая задача, которая стоит перед электросетевым комплексом – это справедли-

вый тариф. Вторая — это доступность сетевой инфраструктуры. И третья – опережающее развитие. К сожалению, задачи противоречат друг другу, и обществу не дает рецепта, как их решить — и возлагает задачу на нас. Созданием «Российских сетей» и консолидацией МРСК и ФСК самостоятельно решить третью задачу мы не способны. Наверное, самый простой способ — обвинить электросетевой комплекс, тогда были бы минимизированы практически все конфликты интересов, будет единое управление, хотя технологически и административно это не очень правильно. С учетом того, что мы идем по пути цивилизованного развития, и с учетом сложившихся интересов и структуры энергетики, можно обсуждать разные темы — вплоть до возвращения под единое управление и генерации... но тогда надо отменить 35 и 36 ФЗ, признать итоги реформы не состоявшимися, и так да-

лее. Этого делать нельзя, хотя бы в силу преемственности и уважения к ранее принятым решениям. Поэтому и принято решение о создании компании «Российские сети», которая объединит эксплуатацию магистрального электросетевого комплекса единой национальной системы – это линии 220 киловольт и выше — и 14 дочерних обществ МРСК, которых располагают по всей стране. Не хватает только Дальневосточного электросетевого комплекса и небольших элементов, хотя и в магистральном электросетевом комплексе страны несмотря на закон, так уж получилось по итогам реформ, есть 64 собственника, которые владеют 15% сетей, и не входят в систему управляющей компании. Там есть примеры положительные и отрицательные. Задача есть, указ президента подписан 22 февраля. Это не только создание «Российских сетей», но и поручение модернизации тарифной политики к требованиям инвестиционной программы сетевого комплекса в целом. Это повышение прозрачности, эффективность сетевого комплекса, снижение потерь, повышение надежности и график реализации. Программа под пристальным вниманием правительства и Министерства энергетики. На что бы я попросил обратить внимание? Реализация «Российских сетей» не будет удачной, если не будут реализованы другие решения. В первую очередь, выделяется мало времени на модернизацию тарифного регулирования. Сегодня в Сибирском федеральном округе хорошая компания «МРСК Сибири», но в части надежности и прозрачности, умения быстро ликвидировать аварийные ситуации, технологические нарушения, у компании крайне тяжелое финансовое состояние, потому что тарифные решения на территории округа отличаются от субъектов РФ. Можно сказать, что сегодня в Сибири обслуживают 8 субъектов РФ; разница по высокому классу напряжения в 4 раза по регионам и, безусловно, это сказывается на финансово-экономической составляющей. Более того, это усугубляется нерешенными проблемами так называемой последней мили и перекрестного финансирования. Если мы не решим проблему тарифного регулирования и не решимся на главное, не изменим тарифный уровень, то всех постигнет неудача. Потому что база сегодня не дает возможность развиваться, и не может быть прозрачной. 36% — доля тарифа для конечного потребителя — затраты на эксплуатацию сетевого комплекса. Этот пирог, в нем тариф – это постоянная по отношению к содержанию всего комплекса. Внутри этого «пирога» в последние годы происходят изменения. Участники рынка сетевого комплекса борются; если сетевой комплекс в целом

борется за тариф с генерацией, то внутри борьба ожесточилась с учетом эффективного роста центральных сетевых организаций. Сегодня МРСК Сибири не хватает собственных средств, чтобы обеспечивать программу модернизации, не говоря уже о развитии. Общество требует одновременно и опережающего развития и доступности сетей, распределительный комплекс тоже должен выполнять эти требования, но тем самым загоняя себя в финансовый тупик, что сегодня и происходит. В этой связи касательно технологии и идеологии реализации российских сетей — всё правильно, но с позиции тарифного регулирования предстоит серьезная работа.

Не для каждого региона есть понятие опережающего развития. Хотя мы сегодня делаем ставку на Восток и Сибирь, спрос потребления происходит в Центре и на Урале. В плане перспектив развития потребления в Сибири – это всего 2,8% в год, а на востоке еще меньше. Поэтому и для Сибири, и для Востока будет правильным принимать отдельные тарифные решения и правила, чтобы решить одну из главных задач, которую ставит потребитель – опережающее развитие инфраструктуры. Я сам участвовал здесь в проектах ГЧП, это важный инструмент, который недооценен. У нас есть привычка: мы на полпути останавливаемся, если встречаем какой-то барьер, опускаем руки, и движения дальше нет. Но есть эффективный инструмент и здесь в Сибири удачные и неудачные примеры. Богучанская ГЭС, несмотря на все сложности — хороший пример, чтобы дальше осуществлять развитие ГЧП. Развитие сетевой инфраструктуры возможно в частном партнерстве, сейчас есть проекты, когда крупные потребители идут на затраты в развитие сетей, но получают справедливый тариф. За каждой ТСО, территориальной сетевой организацией, стоят те или другие представители мэрии, или губернии, и так далее в лихие и симпатичные 90-е; они как кресло, символ власти на некоторых территориях передаются до сих пор. Несправедливая политика тарифообразования в регионах идет в компании, которые созданы при муниципальных образованиях, региональных властях. Этим мы отбираем эти средства от компаний, которые обеспечивают системную надежность. Сегодня МРСК Сибири – это системная надежность, это линия 110 киловольт, которая обеспечивает надежность Сибири и в принципе дает возможность развития территории. Последнее время всё чаще и чаще говорят о финансовой дисциплине; на последнем заседании комиссии Президента по ТЭКу были даны жесткие поручения. Мы проанализировали, кто платит, а кто нет. 98% лидеры платежной дисципли-

Мы видим, что сетевой комплекс требует повышения эффективности и надежности.

Много развилочек, на которые нам хотелось бы получить ответ в рамках дальнейшего развития. 22 ноября 2012 г., был подписан указ Президента «О развитии электросетевого комплекса», в соответствии с которым поставлены задачи по утверждению

Стратегий развития электросетевого комплекса, повышению эффективности, качества, надежности, консолидации сетевых организаций, по повышению эффективности инвестиционных программ. В конечном итоге, цель указа в том, чтобы конечный потребитель увидел повышение надежности, качества, улучшение ситуации с энергоснабжением, тарифами и так далее.

И в этой связи, сегодняшняя дискуссия должна затронуть именно эти вопросы

Сегодня нужна перезагрузка, новый период регулирования. Надо считать базу капитала, параметры и доходность, и без долгосрочного планирования, в первую очередь тарифного регулирования, о развитии инфраструктуры говорить невозможно, потому что практически нет проекта, который можно построить за год. Все вложения инвестпрограммы, уже утверждённой – это 30 млрд. руб. в год. в развитие инфраструктуры Сибири. При проектах, которые есть сегодня – это недостаточно; существующие проекты требуют освоения новых территорий, и идут на Север, развиваются в Восточной Сибири. Инфраструктура Сибири молодая, менее всего подвержена износу — около 40%. Но мы везде страдаем тупиковой системой развития, что является причиной отсутствия резервирования, надежности

ны – это сельхозпроизводители, 95% — это бюджетные организации, 93% — население, чуть-чуть дотягивает до 70% — представители бизнеса и самое проблемное для нас, конечно, это сбыты и те самые ТСО, которые сегодня практически 50%. Задолженность идет ближе к ТСО. Нужна особая дисциплина исполнения решений и правил, которые сегодня существуют. У Сибири действительно много планов, очень качественные проекты государственных, частных, государственно-частные. Наконец-то в тайге начнут строить многострадальную железную дорогу, вроде нашли хороших инвесторов и строителей. Но не хватает инструментов. Чем мы не владеем? Может быть, для Сибири нужно принять специальное решение Правительства в части обеспечения развития. Это долгосрочные инструменты; разовые годовые решения по тарифам не работают. Мы в 2010 году перешли на RAB-регулирование; это было знаковое и эффективное решение по отношению к инфраструктуре. В 5-летний RAB с понятными правилами, с понятными решениями: понятно, какой рубль будет каждый год в течение пяти лет. Под этот рубль выстроились производители оборудования, проектировщики, строители, начали готовиться кадры. Ожились даже ВУЗы, поняв, что нужны технические специальности. Но за 3 года реализации 5-летнего RAB-регулирования мы уже 4 раза меняли тарифные решения, и даже ставили вопрос о существовании этого 5-летнего RAB в параметрах, которые были утверждены первоначально.

Сегодня нужна перезагрузка, новый период регулирования. Надо считать базу капитала, параметры и доходность, и без долгосрочного планирования, в первую очередь тарифного регулирования, о развитии инфраструктуры говорить невозможно, потому что практически нет проекта, который можно построить за год. Все вложения инвестпрограммы, уже утверждённой – это 30 млрд. руб. в год. в развитие инфраструктуры Сибири. При проектах, которые есть сегодня – это недостаточно; существующие проекты требуют освоения новых территорий, и идут на Север, развиваются в Восточной Сибири.

Какие есть проблемы в Сибири? Сама инфраструктура Сибири молодая, наиболее надежная, менее всего подвержена износу — около 40%. Но мы везде страдаем тупиковой системой развития, что является причиной отсутствия резервирования, надежности, понятие «М-1» не про нас. Что осталось нерешенным на этот день? Первая и главная проблема – раздельная работа энергосистемы Сибири и Востока, Сибирь является тупиковой для ЕНС России; низкая надежность

электроснабжения крупных городов, отсутствие кольцевых схем; разомкнутая связь 220 ОС Сибири с ОС Урала по северной стороне; электропитание нефтяных месторождений тоже тупиковое; недостаточна пропускная способность по линиям Иркутск-Бурятия-Чита. Неудовлетворительна работа электросетевого комплекса по обеспечению качества электроснабжения железной дороги, района БАМа. Эти проекты требуют дополнительных средств, помимо тех, которые сегодня утверждены. Конечно, каждый проект должен оцениваться, но есть такие, которые в принципе сложно оценить, потому что мы не знаем потребителей. Много проектов реализуются, но в Сибири не учтены ни в схемах развития, ни в генеральных схемах. И нет координатора, который собирает заявки, формируя программу сетевого комплекса. Нас часто критикуют за объемы инвестпрограмм, за их наполняемость, но мы наполняем их тем, что есть. Мы не можем оценить эффективность той или иной заявки, потому что по закону мы обязаны принять любую, должны ее выполнить и включить. Сама электросетевая компания не имеет права оценивать программу развития электросетевого комплекса, это должны делать те структуры, которые координируют развитие региональной политики, экономического развития. Мы давно обсуждаем с Министерством энергетики, что надо решать эту проблему, и что федеральная компания, как и распределительный комплекс, должны защищать программу модернизации своих активов.

В чем мы сегодня не преуспели? Во всех инвестпрограммах в электросетевых компаниях только 30% средств отправляются на поддержку, реновацию, модернизацию действующих активов; этого не хватает, чтобы остановить старение. Даже МРСК Сибири такие средства отправляют на модернизацию, но стареют активы и инфраструктура. Планы зависят от качества прогнозирования, и хотя качество планов Сибири выше, чем у остальных регионов, появилась тенденция роста потребления электроэнергии не как источника движения механизмов, а как источника тепла. Среднегодовой темп прироста электропотребления в регионах Сибирского федерального округа следующий: самые высокие темпы роста потребления в Республике Тыва – 8% в год. Мы знаем, что там производство активно не растет, но электричество расходует чтобы обогреть здания и сооружения. В Красноярском крае среднегодовой прирост электропотребления – 3,5%.

Говоря о справедливом тарифе, мы и все энергетики должны понимать, что за «справедливый тариф» никогда мы не выполним

2 остальные задачи. Сейчас активно рассматривается вопрос участия в развитии инфраструктуры средств пенсионного фонда, формирование пенсионных облигаций, но если сегодня активный рост продолжится (только федеральная компания поставила на учет объектов на 180 миллиардов), и если в ближайшее время не будет принято решение о поддержке дальнейшего развития, то на «справедливых тарифах» мы ни с какой инвестпрограммой, развитием и доступностью не справимся. «Российские сети» не способны будут решить эту задачу, поскольку не формируются как мегарегулятор. Идея «Российских сетей» может не состояться и будет оценена как неудачная, если мы не решим вопрос формирования единого центра управления электроэнергетики в части регулирования всех направлений развития. Есть политика социальная, еще какая-то, но нет политики промышленной. Как будет развиваться промышленность, много зависит от того, как мы будем влиять в инфраструктуре на потребителя. Сейчас на него влияют и с позиции электросетевого комплекса, и администратор торговой сети, и федеральная служба по тарифам, и региональная энергетическая комиссия, и те же самые сетевые компании, системные операторы — слишком много на одного. Эти функции могли бы уместиться в одних руках, и для потребителя быть одним окном. Тогда проблемы, которые еще не имеют места быть, может быть, решились быстрее. Компании, которые работают в Сибири, прошли уверенную историю, имеют возможность и материально-техническую базу, чтобы поддерживать не только надежность, но и развиваться.

— Проблема централизованного теплоснабжения затрагивает примерно 3%

от экономики, если учесть и генерацию, и тепловое хозяйство. Доклад по теплоснабжению от генерального директора компании «СУЭК» Владимира Валерьевича Рожевского.

— Рожевский В.В.: Красноярск – хорошее место, чтобы обсуждать проблемы теплоэнергетики при сегодняшних -35С; не надо никого убеждать, что эта тема важна. Советский Союз, развивая систему электроснабжения особенно здесь, в Сибири, создавал самую эффективную в мире систему централизованного электроснабжения. Она базируется, как мы знаем, на теплоэлектроцентралях. Нам в российскую действительность осталась огромная система централизованного электроснабжения – это 170 000 километров сетей, и более 330 теплоэлектроцентралей. Признано, что для городов численностью жителей более 100 000 человек альтернативы нет. Котельные + ГРЭС бескомпромиссно менее эффективны, за исключением каких-то исключительных случаев. Даже в 2007 году в официальном документе саммита Большой семерки была поддержана инициатива международного энергетического агентства, симулирующего развития когенерации и тригенерации, как одного из главных инструментов повышения энергоэффективности в мире. В мире идет процесс строительства ТЭС, работающих в специальном режиме по выработке электроэнергии и тепла. Тем не менее наследство, которое нам досталось, не удалось сохранить за последние 20 лет; система электрификации стремительно приходила в упадок. Сегодня больше 2/3 всех ТЭС выработали срок более 30 лет, встречаются повсеместно станции 40, 50, 60 и более лет. Примерно 70% всех теплосетей отслужили 25 лет и более, то есть нормативный срок, на который они рас-

считывались, их стремительно надо менять. При этом, эффективность теплоснабжения падает. Мы попали в ситуацию, в которой с одной стороны деградация системы приводит к проблемам, которые нужно решать, затыкать дырки. Муниципалитеты решают это доступным способом — стараются вложить копейку и построить маленькую котельную, загрузить ее и разгрузить теплоцентрали. Это повсеместная ситуация, которую мы наблюдаем. В то же время происходит переключение тарифов с населения, которое нужно защищать, на промышленных потребителей. Промышленные потребители этого выносить не могут, у них тоже появляется альтернатива, строятся котельные, в результате – ТЭЦ разгружаются еще больше; а будучи выдворенными на рынок электроэнергетики, они не эффективны. Что произошло за последние 20 лет? Мы в 1,5 раза разгрузили наиболее эффективные предприятия генерации. За энергоэффективность боремся, котельных много, но при этом ситуация не устраивает никого, кроме небольшого класса жуликов от ЖКХ. Не устраивает потребителей: ситуация в сфере ЖКХ – одна из ключевых статей расхода в счете, более 60%; не устраивает 57% населения, государство, которое сталкивается с политическими, социальными проблемами, тарифами и аварийностью. Категорически не устраивает энергокомпании, которые работают по теплу в убыток. Не устраивает инвесторов, которые не могут на этом зарабатывать деньги, а только регулярно их теряют. Рентабельность работы энергокомпаний – минус 2 трлн. руб., и каждый год накапливается. В профессиональном сообществе дискуссии относительно повышения эффективности нет, методы хорошо известны. Сегодняшний регуляторный режим дает много стимулов, чтобы этим заниматься, но искаженная система, такое тепловое зазеркалье – это стимулы на разрушение эффективной системы, а не на ее создание. Более того, еще один замкнутый круг, когда нет достаточного тарифа на тепло. Мы выдавливаем ТЭЦ на рынок электроэнергетики, заставляя с рынка получить плату на свое содержание, потому что работать надо. После этого станции становятся дорогими, их немедленно хочется выключить, хотя могли бы еще лет 30 работать. Региональные власти начинают думать: завтра на ее месте надо поставить котельную, где же взять денег? И так далее. Станции не конкурентоспособны в электрике, в итоге заявляются на вывод. Увеличивая отпуск тепла от котельных, следующим шагом мы получим рост тарифов на тепло.

Мы несколько циклов этого круга уже сделали и продолжаем. Сегодня большая часть

станций и ТЭЦ работают в убыток. Чем плоха сегодняшняя модель регулирования? Прежде всего, она существует на один год. Предсказать тариф в следующем году можно только примерно. Правит в сегодняшней системе ценообразования «его величество» предельный рост тарифов. В этой системе координат недоговоренности давно исчезли, но есть сложное взаимообманывание. РЭК пытается обмануть регулируемую организацию, регулируемая организация пытается что-то завысить, никто не понимает что в этом тарифе. Инвестиции вырезаются, другие статьи тоже. Даже провозглашенный метод долгосрочного регулирования лишь дает возможность регулятору каждый год пересмотреть ключевые параметры, которые собственно и составляют экономику тарифа.

Для населения, которое является ключевым (примерно 70%) потребителем тепла, картина очень разнообразная. Тарифы по стране отличаются более чем в 2 раза, а доля тарифов в составляет от 2 до 6% в потребительской корзине; при этом люди одинаково недовольны. Если посмотреть на фоне других стран, где есть система теплофикации, средний тариф на тепло в РФ примерно в 3-4 раза ниже, чем в странах бывшего СССР и Балтии, или в североевропейских странах. При этом мы чрезвычайно расточительны. На кв.м площади мы потребляем тепла в 2,5 раза больше. Счет должен быть существенно меньше, в 1,5-2 раза. Это результат существующей системы регулирования, когда мы не даем деньги на инвестиции, и в результате потери в сетях у нас в 2-2,5 раза больше. Также мы не инвестируем в генерацию, и разгружаем эффективную систему теплофикации. В итоге, мы платим значительно больше возможно. Каков выход из ситуации? На наш взгляд

принципиально изменить систему регулирования, переходить на долгосрочную систему. При этом, важно договориться на берегу: государство не собирается заниматься теплофикацией, то есть в основном это сектор частных инвесторов. Если так, то надо жить по рациональным правилам, договориться с инвесторами, хозяйствующими субъектами о честных условиях, иначе искаженная система будет продолжаться. Важно договориться, чтобы доходность в этом бизнесе была сопоставима с доходностью в других секторах экономики с аналогичными экономическими условиями, аналогичными рисками.

Важно выстроить такую систему установления тарифных решений, которая бы предполагала возможность хозяйствующей организации выставлять все экономически обоснованные расходы. Сегодня мы не можем эффективно спорить с РЭК, или с ТЭП по поводу неправильных решений. Нам необходимо перенести эти споры на судебную площадку, как это было с налоговой системой. Существующие субъекты активно судятся с налоговиками, отстаивая свою позицию; нам необходимо приходиться к рыночным условиям ценообразования, когда наиболее эффективный субъект получает наибольшую прибыль, а менее эффективный – меньшую. В этой модели надо подумать, каким образом смягчать социально-экономические последствия, то есть переходить от одной системы регулирования к другой в местах, где может произойти существенный рост тарифов; какой срок для перехода, сможет ли государство поучаствовать в этом процессе? Обязательно нужно вводить социальные нормы и эффективно их применять. Если говорить о том, в чем содержание или наполнение модели, то оно состоит из следующих элемен-

тов. Консенсус в современном обществе на этот счет есть – это единая теплоснабжающая организация в городах, а установление регуляторной модели – на основании тарифа альтернативной котельной, цена которой необходима для нормированных рачионных и капитальных затрат, для той, которая может быть построена. Это способ ценообразования, к которому приходят все основные рынки. На наш взгляд, сейчас мы находимся перед определенной развилкой, и нам необходимо принять решение. Если пытаться эту развилку изобразить в цифрах, они предполагают, что тариф у нас будет расти на 10% на следующие 10 лет. Тариф альтернативной котельной приходит более-менее через 10 лет в ту же точку. Переход на этот метод регулирования предполагает, что в течение нескольких лет переходного периода тариф уже и выше, чем у альтернативной котельной или равен ему. Темп роста будет несколько выше, и это принципиально другое качество. Потому что сохранение существующей системы – это ее стремительная деградация, причем каждый год с эскалацией. А переход на честный, долгосрочный и правильно базирующийся на понятных экономических принципах тариф должен стимулировать развитие нормального капитализированного бизнеса, который приведет средства, инвесторов, кредитующих организаций, даст основу для инвестиционного процесса. Через 10 лет это будет принципиальный доход, потому что конкуренция в этом секторе всё равно есть.

Альтернативы этой модели нет, то есть она в итоге должна быть оптимальной для всех участников этого процесса, и для потребителей, и для государства, которое всё равно отвечает, и для самих энергокомпаний, и участников отрасли, и для инвесторов.

— *Мы услышали от энергетиков в двух частях этой отрасли, сейчас я хотел бы обратиться к потребителям. У нас среди потребителей есть Александр Старченко – «Новолипецкий металлургический комбинат».*

— Старченко Александр: Мне хотелось бы выступить от имени сообщества покупателей энергии – это организация, которая объединила потребителей. В последнее время стало не всё равно, как устроено регулирование, и что происходит в энергетике. Исторические потребители занимали индифферентную позицию по отношению к реформе и к тому, что происходит с правилами, потому что это стоило недорого. Сейчас энергия стоит уже больше, чем на других рынках, поскольку большинство промышленных рынков потенциальных потребителей конкурируют в России на глобальных рынках. Соответственно, нам

не всё равно, сколько стоят ресурсы у наших конкурентов. По стоимости электроэнергии мы перегнали Соединенные Штаты и близки к европейскому уровню для промышленных потребителей, причем в среднем по стране доля для затрат на передачу конечной стоимости электроэнергии, для промышленных потребителей иногда зашкаливает за 50%, в зависимости от тарифа конкретной распределительной сетевой компании.

Хочу вспомнить недавно состоявшееся заседание Минэнерго — обсуждение инвестиционной программы ФСК. Безусловный плюс, что обсуждение состоялось. Но минус, что оно состоялась, когда инвестиционная программа ФСК была уже утверждена Министерством. У нас нет уже 2013 года для обсуждения, потом можно обсуждать что-то дальше. Какой базовый вывод сделан? Инвестиционная программа сетевых компаний экономически тотально неэффективна, с точки зрения экономики, при которой считается доходность на инвестиции. Поэтому введение регулятора, долгосрочного тарифа, приводит к тому, что сетевые компании теряют деньги, поскольку строятся не обеспеченные спросом объекты. Источником наполнения инвестиционной программы сетевой компании являются случайные факторы с точки зрения ее бизнеса – это заявки различных уровней исполнительной и законодательной власти, внутренние политические течения. Это непрозрачная, непонятная, и очень плохо управляемая система. В результате мы имеем проекты параллельного строительства генератора, который никому не нужен, потому что он обеспечивает дополнительную нагрузку, которой нет, схема выдачи мощности к нему стоит примерно в 1,5 раза дороже самого генератора. Не буду называть этот пример, все присутствующие знают, о чем речь. Это проекты, связанные с обеспечением какого-то конкретного потребителя в рамках большого удаления от зоны действия больших компаний, почему-то именно сетями. Никто при рассмотрении программ сетевых компаний в принципе не рассматривают альтернатив: например, строительства распределенной генерации. Когда коллеги говорили, что нет другого выхода, кроме как поднять тарифы, рискну предположить, что выход есть: более рациональное, более «бизнесовое» и хозяйское отношение к тому, что и как строят сетевые компании.

За последние 7 лет в российские сети было вложено в собственное оборудование около 3 триллионов рублей, но остановить старение основных фондов не удалось. Если память не изменяет, суммарная стоимость средств в сетевых компаниях существенно меньше 3

трлн. Возникает арифметическая проблема: каким образом вложив 3 триллиона, можно увеличить износ. Но главное, когда обсуждается будущее, что нужна инфраструктура — опять не называется конкретной цели, к которой мы хотим прийти. Нам надо добиться параметров качества; но ни одной цифры в программах вы там не увидите. Нам надо добиться доступности, но цифр тоже нет. Надо добиться показателей надежности. Внутри сетевых компаний мониторинг ведется, но этих параметров нет в инвестиционных программах. Это означает, что еще через 3-5-7 лет на очередном форуме мы или другие люди снова обсудят инвестиционную программу сетей и снова придут к выводу, что нужно еще 3 триллиона, потому что не удалось остановить старение основных фондов, потому что необходимо обеспечить надежное электроснабжение потребителей. И нельзя будет проверить, куда делись предыдущие триллионы рублей и почему не получилось стабилизировать наклон этой кривой хотя бы близким к горизонтали.

Мне кажется, что выходом из этой ситуации не может являться дальнейшее повышение тарифов, потому что мы начинаем как страна проигрывать соседям по себестоимости и условиям ведения нормального производственного бизнеса. Выходом из этого не может быть тупое следование какому-то индексу – «увеличить на несколько процентов в год» — как обычно планируется. Мне кажется, что когда цены на электроэнергию уперлись в потолок, нужно остановиться и начать разбираться внутри. Причем не только людям Минэнерго или ФСТ, а в том числе с использованием прозрачных, публичных и понятных механизмов, позволяющих сделать выводы о целесообразности и энергоэффективности инвестиционных решений. Я согласен, что есть гигантские проблемы внутри распределительных сетей. Для потребителя тариф на передачу выглядит как цифра в счете, но сколько там ФСК, ТСО и МРСК — непонятно, потому что всё свалили в один котёл, чтобы упростить перекрёстное субсидирование. Теперь жалуемся, что какие-то главы «чего-то там» воспользовались ситуацией и присосались к перекрестному субсидированию. Может быть сделаем тарифы прозрачными, а вопросы субсидирования категорий, которых надо субсидировать с точки зрения государства, вынесем в отдельный блок, где никто не сможет к нему присосаться? Ни бывшие, ни будущие чиновники. Мне кажется, что ситуация с перекрёстным субсидированием, а это только 200 миллиардов рублей между уровнем и напряжением по году, просто перерезала и требует немедленного не палли-

Инвестиционная программа сетевых компаний экономически тотально неэффективна, с точки зрения экономики, при которой считается доходность на инвестиции. Поэтому введение регулятора, долгосрочного тарифа, приводит к тому, что сетевые компании теряют деньги, поскольку строятся не обеспеченные спросом объекты. Источником наполнения инвестиционной программы сетевой компании являются случайные факторы с точки зрения ее бизнеса – это заявки различных уровней исполнительной и законодательной власти, внутренние политические течения. Это непрозрачная, непонятная, и очень плохо управляемая система. В результате мы имеем проекты параллельного строительства генератора, который никому не нужен, потому что он обеспечивает дополнительную нагрузку, которой нет

Сегодня мы говорим, что надо строить умную электроэнергетику, но нам нужен и разумный потребитель; много случаев, когда потребители не выполняют своих обязательств. Мы говорим про незагруженные объекты, станции и так далее. Так называемая синхронизация инвестпрограмм должна исполняться ФСК и МРСК, про ТСО не говорю. Чем дальше мы узнаем, что происходит в ТСО, тем сложнее становится. Мы ставим на подстанцию класс высокого напряжения, а так называемых обратных концов нет. Мэр города, губернатор говорит: «Нужен питающий центр развития». Мы строим подстанцию быстро и срочно, потому что надо, а местный распределительный сетевой комплекс, который регулируется местной властью и РЭКами, средств не имеет и не может подключить объекты городской деятельности.

тивного решения. Какая разница, последняя миля или предпоследняя миля. Важно, что в тариф на передачу электроэнергии в нашей стране включены доходы лиц, никакого права на передачу не имеющих. Эта непрозрачность не позволяет нормально функционировать механизму и регуляторам. Еще раз вспомню высказывание Олега Михайловича: никто и никогда не критиковал сетевые компании за объемы инвестирования. Но я всё время слышу, что критикуют за результат, потому что не были заявлены цели, а теперь результаты не с чем сравнивать. Давайте на этапе формирования инвестпрограмм, особенно сетей, введем существенный контроль Министерства энергетики. Именно там основная черная дыра, куда утекают гигантские деньги, переплачиваемые российской промышленностью. Давайте поставим цели и реальные результаты, которые хотим получить через 3 года, и потом будем проверять. И буквально пару слов по поводу тепла.

— *Вы говорите о хозяйском отношении со стороны сетевой компании, которая не имеет возможности отказать в заявках, или потребителей, которые через заявки перенаправляют 3 триллиона, не на надежность, а на новое подключение? Поддерживаете ли вы финансовую ответственность нового потребителя за новые сетевые мощности?*

— Старченко Александр: Безусловно, но только всех потребителей за все инициативы по новому строительству, и ответственность сетевиков за то, что они сделали или не сделали. Не может быть не симметричная ответственность, когда потребитель отвечает за всё, а сетевая организация ничего не должна. В существующих параметрах инвестиционных компаний, они неэффективны. Реализация инвестиционной программы влечет за собой ухудшение финансового состояния сетевых организаций — ситуация ненормальная.

— Бударгин О.М.: Я согласен и не согласен. Действительно, программа развития и реновации должна быть максимально прозрачной и понятной. Начнем с того, кто формирует инвестпрограмму? Никто, откуда и весь бардак. Масса случаев, например Калуга – уважаемая территория, очень уважаю губернатора, который много сделал, используя методы региональной борьбы и перевел на себя большой экономический потенциал близлежащих регионов. Там идет развитие, но он забыл про электроэнергетику; потом министр насобирав денег и велел срочно строить сети. Мы 2 года назад получали другие заявки, решения, и инвестпрограммы. Не мы отвечаем за формирование инвестпрограмм. Я вообще сторонник того, чтобы строили не те, кто эксплуати-

рует — МРСК, ФСК, ТСО не должны строить. Сегодня объем финансирования стройки и реновации у сетевых компаний гораздо выше, чем объем эксплуатации. Сетевые компании должны научиться качественно и надежно эксплуатировать сети и быстро реагировать на технологические нарушения. 3-4 года назад в сетевом комплексе вообще были монополисты, у ФСК была подрядная компания, которая владела 50% всех контрактов.

Кто формирует инвестпрограммы сетевых компаний, и кто отвечает за них. Сегодня мы говорим, что надо строить умную электроэнергетику, но нам нужен и разумный потребитель; много случаев, когда потребители не выполняют своих обязательств. Мы говорим про незагруженные объекты, станции и так далее. Так называемая синхронизация инвестпрограмм должна исполняться ФСК и МРСК, про ТСО не говорю. Чем дальше мы узнаем, что происходит в ТСО, тем сложнее становится. Мы ставим на подстанцию класс высокого напряжения, а так называемых обратных концов нет. Мэр города, губернатор говорит: «Нужен питающий центр развития». Мы строим подстанцию быстро и срочно, потому что надо, а местный распределительный сетевой комплекс, который регулируется местной властью и РЭКами, средств не имеет и не может подключить объекты городской деятельности. То есть порядок формирования инвестпрограммы должен быть, не «понятным и правильным», это не ответственность для МРСК и ФСК; наша задача – это бороться за объем модернизации в инвестпрограммах. Большие средства в последнее время были направлены, но почему в электросетевом комплексе нет обновления? Потому что строилось новое; вкладывались деньги в реконструкцию и реформирование. ФСК за последние 3 года мы обновили, даже при 30%-м уровне модернизации инвестпрограммы всего на 2% — снизили удельную аварийность на 30%. Обновление происходит медленно, потому что таковы объемы: 122 тыс. км электропередачи, 800 подстанций – это большая и серьезная работа, и обновлять их приходится новым оборудованием, элементами умной сети, где много цифровых элементов будущей электроэнергетики. К сожалению, всё это дорого. Но я двумя руками поддерживаю тот тезис, что не было инвестпрограмм и нечего было обсуждать, а сегодня они есть, может быть немного разумнее, чем 2-3 года назад, и накапливается определенный опыт. Публичность их обсуждения и контроля важна — чем ближе потребители, тем публичнее должны быть инвестпрограммы. Потребитель должен видеть перекрестность. Чем быстрее мы утрясем эту проблему, чем быстрее будет

прозрачность, порядок в энергетике.

— Новак А.В.: Мне кажется, что мы должны обсуждать предложения по выходу из проблем. Мы говорим об этом который уже раз. Я в энергетике год, и слышу одни и те же проблемы: территориальные организации, перекрестное субсидирование, последняя миля, инвестиционные программы. Давайте говорить, что надо делать, а не жаловаться на самих себя — кто лоббирует свои интересы, свои генерации, и так далее. Надо понимать, что мы проработали стратегии электросетевого комплекса, в которых прописаны конкретные предложения и в которых есть развилка. Они сложные, в том числе связаны с повышением тарифа, консолидацией территориальных сетевых организаций, которых сейчас 4000 и которые малоэффективны. А сколько их должно быть, как консолидировать? Что аренда, выкуп, технологические требования, которые должны обеспечить? Или саморегулируемые организации должны не допускать неэффективные территориальные сетевые организации. Вот о чем нужно говорить в конкретике. Что касается инвестиционных программ, мы говорим что должны повысить открытость. В этом году начали впервые обсуждать открытые инвестиционные программы. Нужно вводить эталонные капитальные затраты, чтобы в том числе стоимость инвестиционных проектов проходила экспертизу.

— *Один из затронутых вопросов касается ТСО. Александр Хуруджи хотел сказать, что делать с ТСО в стране. Проблема рассказана, в чем решение?*

— Александр Хуруджи: В ТСО не бросает камень только ленивый и действительно, заслуженно. Мы объединились в НП, чтобы защитить свой бизнес и добросовестность участников рынка, разработали критерии и готовы их представить Министерству, и

буквально вчера подписали меморандум о сотрудничестве, и надеемся, что опыт и качественная техническая политика ФСК позволят этот продукт сделать качественным. Цена ошибки в отношении ТСО высока. По меньшей мере, 300 000 работающих людей – это налоги, бюджет, скорость подхвата сетей. Есть плюсы, и есть минусы. Предложения: в одну из функций, которую будет выполнять НП ТСО, заложить тему консолидации, чтобы она была центром компетенций в определенном вопросе. Также проработать на рабочей группе комплексный метод с изучением всех плюсов и минусов. Наша задача – не сократить количество, а усилить плюсы и сократить минусы: компании обвиняют в непрозрачности, неисполнении функций. Есть понимание, откуда и как брать деньги, откуда нельзя, и сколько их сегодня, как они «размножились», кого можно отнести к профессиональным участникам рынка, и кого к расторопным. Мы их называем так.

— *Включает ли предложение, о котором вы говорите, введение ответственности через какую-то форму, гарантию, что обязательства будут реализовываться в инвестициях?*

Александр Хуруджи: — Во-первых, это наличие финансовых гарантий, во-вторых, это четкое соответствие персонала и технической политики критериям, которые будут проверяться СПО либо лицензионным центром. Чтобы снизить коррупцию, независимо от того, какой вариант будет выбран, и будет ли требоваться вариант финансовой гарантии, это снизит коррупционную составляющую. Повторюсь, даже при саморегулировании она будет присутствовать: 3000 организаций хотят свое место под солнцем отбить и будут биться за свой бизнес.

— «Транс Энерго», филиал РЖД, который осуществляет сетевую деятельность. С

одной стороны потребители – 5% потребления российской электроэнергетики, с другой стороны – примерно, такой же объем передачи электроэнергии. Значит, «пока гром не грянет, мужик не перекрестится», пока не случился ледяной дождь, никто не думал о синхронизации инвестиционной программы развития естественных монополий, а когда он грянул, с нас и потребовало правительство. Сели мы вместе с ФСК и МРСК и попытались договориться с системным оператором, как синхронизировать инвестпрограммы. Оказалось трудно, нет методологических подходов. РЖД за последние 1,5 года разработало методику синхронизации инвестпрограмм, развитие естественных монополий, в частности, сетевого бизнеса. Восстановлена методологическая база, которая пользовалась «ЭнергоСетьПроектом», когда его директор был генеральным конструктором единой энергосистемы. Чего не хватает сегодня? Генерального конструктора, который мог бы единолично контролировать, заказывать и мониторить развитие энергосистемы. У нас есть методологические материалы, которые находятся на согласовании ФСК и МРСК и у системного оператора. Надо делать пилотные проекты, рассчитывать электрические схемы, как они есть прогнозно, на нужный период, с критерием – бесперебойного снабжения потребителей. То есть, когда учитывается потенциальный ущерб, тогда будет соблюдаться баланс интересов потребителя и поставщика. И тогда же будет механизм сдерживания инвестиций, потому что только то, что рассчитано схемно-техническим методом и подтверждено расчетами, имеет право быть осуществлено за счет или с привлечением государства, всё остальное — должно строиться за счет предпринимательской инициативы, кредитов и еще как угодно; за счет стратегических инвесторов, наконец. То есть предлагается конкретно приступить к пилотным проектам. Красноярский край, его валовый региональный продукт 1,154 трлн. Так вот, безущербное снабжение потребителей дает прирост валового регионального прироста от 0,5% до 2% ежегодно — для этого региона от 5,8 миллиарда до 23 миллиардов ежегодно. То есть окупаемость вложений – год, а может чуть больше, в энергетике других таких вложений нет.

— *Обратимся к открытому Правительству. Экспертный совет, руководитель по группе ЖКХ Андрей Чибис.*

Чибис А.В.: — Я согласен с высказываниями об открытости, распределении инвестиционных возможностей между теплом и газом, электроэнергетикой, включая сетевые компании. Водоснабжение и водоотведение

у нас изначально планируется в прогнозе социально-экономического развития. Пример прогноза, который мы имеем: у нас чудодейственным образом идет рост тарифа на газ, 15% последующие 3 года, на передачу электроэнергии 15%, тепло – порядка 10%, и вода – 6%. Вопрос: откуда берутся эти цифры? В соответствии с цифрами этого условного прогноза, дальше идет распределение денег от всех инвестиционных возможностей в стране. Предложение Правительству, когда мы получаем и обсуждаем такой социально-экономический вопрос, просьба его обсуждать в открытом режиме. Во-вторых, есть перекосяк: газ съедает все инвестиционные возможности тепловиков, а действительно постоянный рост и так на большой объем выручки сетевых монополистов съедает инвестиционные возможности водоканалов. Это объективная реальность, потому что эффективность – она внутри, не за счет повышения тарифов. Что касается тепла, есть еще один важный аспект, связанный с тем, что сегодня мы говорим про мощности генерации, хотя мы имеем мотивирующих стимулов сокращать потребление. Население платит порядка 8% в совокупном доходе, как и странах, где есть централизованное теплоснабжение, но тариф там в 3 раза больше, чем у нас, и ключевой задачей появления источников модернизации водоснабжения, является мотивация потребителя экономить. Производственники экономят путем строительства собственных мощностей; нужно дать возможность заключать долгосрочные договоры поставки тепловой энергии промышленным потребителям по свободным ценам.

Что касается потребителей в категории населения, нужно максимально стимулировать население коэффициентами на безучетное потребление. Нужно мотивировать сами те-

плоснабжающие организации к сокращению потребления. У вас появятся единые теплоснабжающие организации и механизм энергосервиса нужно будет применять в том, чтобы потребление тепла, сократить продажи. Пусть экономия, которая получается в том числе по затратам от топлива, сохраняется у снабжающей организации. В противном случае, как происходит у нас, все теплоснабжающие организации максимально мотивированы продавать тепло, а не сокращать сжигание газа и вкладывать деньги в модернизацию. Если мы дадим гарантии, то появится мотивация сокращать гарантии. Приборы учета у нас быстро вместе с индивидуальными тепловыми пунктами в домах появляются, в том числе, и за счет ресурсоснабжающих организаций.

— *Спасибо за комментарий. Давайте послушаем тех, кто работает в этом регионе, или с проектами в этом регионе? Начнем с директора «ЕвроСибЭнерго», который входит в «ИркутскЭнерго» — Евгения Фёдорова.*

— Фёдоров Е.В.: Я хотел бы поговорить про специфику энергетики Сибири, конкуренцию между первой и второй ценовыми зонами. Буквально 2 дня назад присутствовал на совещании губернаторов, и для них был большой сюрприз, что не Сибирь экспортирует электроэнергетическую зону, что казалось бы, логично. Здесь добывается газ, уголь, его логичнее здесь жечь — и экспортировать в первую ценовую зону электроэнергию. Но ситуация выглядит другим образом. Мы добываем газ, уголь, транспортируем по железной дороге либо газотранспортной системе в другую ценовую зону, там сжигаем и возвращаем назад электрическую энергию себе. Это глупость с точки зрения экономики, и непонятная ситуация с точки зрения логистики и вообще здравого смысла как такового.

А проблема простая: в 2009 году на Саяно-Шушенской ГЭС были приняты специальные нормативные документы, которые способствовали притоку тепловой и электрической энергии во вторую ценовую зону из первой, чтобы закрыть возможный дефицит. Постановление приняли, годы прошли — отменить забыли; во многом это наша вина, и проблема сибирских генераторов. Почему мы сейчас активно про это заговорили? Из-за величины. В 2012 году мы совместно с СУЭКом проводили оценку, величина проблемы – 2,5 миллиарда рублей и как неудивительно, эти деньги платят даже не потребители второй ценовой зоны, которые получают эту электрическую энергию с первой зоны; платят ее генераторы второй зоны. Мы заплатили 1,4 миллиарда рублей – больше чем совокупная прибыль ТГК 15,13,11. Хотелось бы на эту проблему обратить внимание и признать, что она технологически неоднозначная, а с появлением Богучанской ГЭС будет еще более насущной.

— *Спросим Сергея Пикина: как описать ситуацию с инвестиционными проектами, связанными с сетевым хозяйством в Сибири.*

Пикин Сергей: В продолжение к разговору о том, что не рационально возить вагонами то, что можно переработать на месте, один из вариантов – финансирование подобных крупных проектов. В Сибири уже активно используется частно-государственное партнерство. Сегодня в Красноярске есть стенд, где описан проект соединения первой и второй ценовых зон посредством строительства энергомоста сверхвысокого напряжения. Сама задача важна с точки зрения не только переработки энергоресурсов и доставки до потребителя, но и является механизмом для развития нашего машиностроения, в котором, что касается высоковольтных линий, очень много западной продукции. Научно-техническое развитие в данном направлении встало в районе 1980-х. Все подобные крупные проекты, в том числе связанные с реконструкцией и регенерацией, будут упираться в изменение действующей модели рынка, которая за пределами 2017 года проблем развития не решает. Сейчас идет бурная дискуссия на этот счет. Во многом проекты, которые связаны с переломными и научными движениями, упираются в модели оптового рынка. Есть возможность усилить связи не только реконструировав линию через территорию Казахстана, но и доведя ее до 1150 киловольт; также нужно построить линию по территории России. К сожалению, или к счастью, единая система сохранилась, но связи по территории страны нет. Думаю, подобный проект при возможных доработках и более подробном анализе

экономической составляющей для регионов Сибири и Центральной части России может являться одним из драйверов для экономики Сибирского Федерального округа. При этом большая часть инвестиций, порядка 75% — за счет механизмов частного государственного партнерства. Можно добиться более взвешенного понимания, как будет развиваться регион. Здесь приведены цифры в прогнозных значениях на этапе запуска проекта. Предполагается, что этап будет запущен примерно через 10 лет. Но если приводить его в текущие цены, то стоимость энергетического моста порядка 170 миллиардов рублей. И мы анализировали проекты, которые связаны с «ДПМами», что было бы выгоднее – строить ДПМ в центре, или возить электроэнергию через энергомост? По нашим оценкам, всё-таки, строить энергетический мост с учетом того, что потенциал для добычи угля и для переброски этой энергии здесь в России колоссальный. С учетом того, что и президент и председатель Правительства неоднократно напоминает о создании энергетических коридоров и соединении и Дальнего Востока довольно плотно с Сибирью. Я думаю, что это вопрос интересный. И тут я хотел бы обратиться к Александру Валентиновичу. В прошлом году была создана рабочая группа по энергомосту, но она так ни разу и не заседала. Хотя бы просто посмотреть, возможно ли данное направление и можно ли его «двигать». Спасибо.

— *Сергей Анатольевич, ваш комментарий!*

Сергей Анатольевич: Вчера все губернаторы Сибири собирались в Хакасии, на Саяно-Шушенской ГЭС. На ум приходят слова Задорнова: «Поговоришь с русским, ну, умный, поговоришь с американцем, совершенно другое». Поэтому постараюсь покороче.

О тарифах: сложная тема, но понимать. Все знают, тариф – это себестоимость плюс инвестиционные составляющие. Мы создаем комиссии, договариваемся, месяцами занимаемся, а сверху говорят: «Вот индекс развития должен быть такой, инфляция такая». Мы отодвигаем все тарифы, раскидываем процент, который нам сверху спустили – на все виды электроэнергии. Что ж тогда обсуждаем? У нас вариантов всего два: первый – переложить на нагрузку на население; тогда государство через определенный механизм, который уже здесь обсуждали, должно взять нагрузку на себя. Сегодня также говорилось, что тариф не может устанавливаться лишь на год: западные банки утверждают выделение инвестиций на 5 лет.

Когда проходило реформирование РАО ЕЭС, работали институты и огромные коллективы, было четко показано, что тарифы

снизились за счет реформы. Предлагаю вернуться и посмотреть на те документы, по которым мы должны были минимум в 2 раза сократить тарифы. Либо они не сработали и что-то сделали не так, либо забыли, что было записано.

О государстве. Что государство и рыночная экономика несовместимы – это миф. Сегодня правильно прозвучало, что именно бизнес должен показывать направления развития. У государства никогда не хватает денег, мы помним знаменитый БАМ, который еще начинал царь, но денег не хватило; потом строил Советский Союз, теперь мы достраиваем. Государственная задача – это не выделение денег, а расставить маяки туда, куда должен прийти бизнес. Электроэнергетика – одно из мест, куда мы должны поставить маяк, но не постановлениями. За последнее время их вышло 12: строительство энергетического комплекса, строительство дорог, строительство ТЭЦ, а Сибирь – одна. Постановление должно быть одно, в котором основным должно быть постановление правил игры: для бизнеса, для государства и местной власти. А сегодня объекты энергетики строятся по какому принципу? Это краткосрочная прибыль, административный ресурс и наличие средств. Есть объекты, которые бизнесу не выгодны, но без них государство не сможет быть государством. А с ними что делать?

О Сибири. Я забыл, когда в Правительстве рассматривали очередную программу «Сибирь и Дальний Восток». Сегодня есть даже Министерство Дальнего Востока, и это стратегическая ошибка нашего государства. Представьте себе река Лена, на одной стороне стоит якут, а на другой стороне – эвенк. Одному мы дали льготы в 2 раза больше, чем другому. Сибирь — территория с малой плотностью населения, одинаковые природные ресурсы и одинаково неразвитая транспортная схема. По этому принципу и надо формировать программу. Считаю, что надо отменить Министерство, которое занимается только Дальним Востоком, потому что сибирская энергетика, о которой сегодня мы говорим, невозможна в отдельно взятом регионе. Если помните, раньше в Советском Союзе рассматривались «топливные балансы». Мы должны знать, что сегодня сюда надо подвести электроэнергию, а сюда не стоит, где нужен газопровод а где сжиженный или природный газ и так далее. У нас этих балансов нет и в некоторых регионах; нет и единого. Этот баланс нужно сделать, а потом договаривать с бизнесом: это нужно сделать, даем такие-то льготы. Всю жизнь жил на севере, всю жизнь слышал разговоры о льготах, но конкретно с ними еще не встречался. Может быть, они уже

О тарифах: сложная тема, но понимать. Все знают, тариф – это себестоимость плюс инвестиционные составляющие. Мы создаем комиссии, договариваемся, месяцами занимаемся, а сверху говорят: «Вот индекс развития должен быть такой, инфляция такая». Мы отодвигаем все тарифы, раскидываем процент, который нам сверху спустили – на все виды электроэнергии. Что ж тогда обсуждаем? У нас вариантов всего два: первый – переложить на нагрузку на население; тогда государство через определенный механизм, который уже здесь обсуждали, должно взять нагрузку на себя. Сегодня также говорилось, что тариф не может устанавливаться лишь на год: западные банки утверждают выделение инвестиций на 5 лет.

Схема формирования потолков никак не имеет отношения к регулированию и к монополии не имеет. Но две вещи принципиальны. Нужно ли нам опережающее развитие? У нас потребление будет большое или малое?

есть. Всегда надо помнить о том, что смотреть нужно через призму земли и почасе приземляться на землю.

— Касательно правил игры; хотелось бы обратиться за советом к Юрию Аркадьевичу Удальцову. Возможно ли достичь таких правил, которые устроили бы не только энергетику, но и страну в целом?

— Удальцов Ю.А.: Я бы не стал расширять круг обсуждения. Хочу прокомментировать реплику про реформирование РАО ЕЭС. Я часто слышу этот тезис и берусь биться об заклад, что в программных документах было написано не это — а что конечные цены через определенный период времени будут меньше, чем такие же в условиях регулирования. Это и произошло. Если вы сравните темпы роста нерегулируемой цены на электроэнергию с 1938 года с темпом роста тарифов, то увидите, что рост на электроэнергию будет значительно ниже, чем рост тарифных составляющих.

Схема формирования потолков, следуя из системы социально-экономического развития, никакого отношения к регулированию и к монополии не имеет. Но две вещи принципиальны. Олег начал с того, что есть 3 задачи: справедливый тариф, доступность и опережающее развитие. Нужно ли нам опережающее развитие? У нас потребление будет большое или малое? Системный оператор говорит, что скоро будет дефицит, местный оператор воспринимает это недоверчиво. Цифры по 2,8 % на самом деле нарисованы со ссылками на прогнозы. На самом деле, я не должен вообще составлять инвестпрограмму; я отвечаю за эксплуатацию, а за инвестпрограмму — остальные. Мне кажется, что половина проблем заключается в том, что мы не решили проблему перевода сети в бизнес. Если бы это был бизнес, он бы считал, как от роста тарифов уменьшился бы объем потре-

бления и мы не получим нужных денег; тогда бы и не строили того, от чего не получается роста. Попробуйте нырнуть в бизнес, просто так построить очень много чего. Мне кажется, некому делать инвестиционную программу, кроме как сети — иначе это будут безответственные «хотелки». Нужно разделить инвестиционные программы на несколько частей: есть модернизация, за которую должны отвечать все; есть увеличение потребления и есть надежность. Увеличение потребления не может быть безответственным: должна быть подтвержденная заявка; другого включения, на самом деле, не должно быть. К сожалению, у нас большая проблема с местными властями, которым трудно быть ответственными. Давайте придумаем механизм ответственности; надежность должна быть оценена по деньгам. Весь блок, который связан с надежностью, должен дать отдельную экспертизу, и это сделать некому кроме регулятора. Минэнерго на предмет наличия альтернативного, более дешевого способа обеспечения надежности. Заодно надо спросить потребителей, готовы ли они заплатить столько, сколько будет стоить решение по надежности. Последнее, что можно не делать — это не платить за объекты, которые не достигли целевых показателей. Каждый объект должен обладать показателями, про которые известно: строим для такой-то нагрузки, такого-то перетока. Если этих показателей не достигли, объект не должен оплачиваться. Тогда, действительно, картинка повернется, и коллеги не будут более злобно настаивать в спорах с неформальными «хотелками».

— Новак А.В.: Дискуссия переросла в инвестиционные программы территориальных сетевых организаций. Про тепло мало что говорилось. Но мы затронули еще темы, связанные в целом с моделью рынка. Хочу сказать, что мы этой работой занимаемся ежедневно; создали рабочие группы по стратегии повышения эффективности сетевого комплекса, группу по эффективности и изменению рынка тепла, и группу подготовки новой модели рынка мощности и электроэнергии; Юрий Удальцов автор одного из подходов. Говоря о том сообществе, которое мы обсуждаем, мнения экспертов распределяются 50 на 50 в рамках каждой рабочей группы.

Недавно обсуждались вопросы, связанные с консолидацией территориальных сетевых организаций: по какому пути идти, чтобы повысить эффективность и убрать с рынка лишних. Идти силовым путем, или отсекай экономическими условиями, повышать требования. По модели рынка дальнейшего развития электроэнергетики, есть 2 подхода: либо сохранять договор сохранения мощности,

либо подключать долгосрочные контракты, и за счет этого обеспечивать стимулирование привлечения инвестиций в электроэнергетику. Новая модель рынка должна заработать либо с января, либо с июля 2014, если мы не успеем принять все нормативно-правовые акты. Но это тема для отдельного разговора. Сегодня, если коснуться электросетевого комплекса, нужно повышать ответственность в принятии решений по строительству ЛЭП, объектов генерации, находить альтернативные решения и производить сравнительную оценку. Нужны показатели надежности и качества в электросетевом комплексе. 2 года назад был подписан приказ Минэнерго, чтобы такие показатели были внедрены, но до сих пор этого не произошло — особенно тех, которые бы были сопоставимы с международными стандартами. Нет и средств технического измерения, процедур аудита, которые нужно вводить; нет методов сопоставления с жалобами потребителей. Нет и ведомства, которое бы занималось контролем этого процесса. Сейчас предложения подготовлены, это нужно внедрять быстрыми темпами как стимулирующий фактор эффективности инвестиционных вложений и электросетевого комплекса.

О перекрестном субсидировании: нет простого решения по перекрестке. Если сегодня ее ликвидировать, это вызовет значительный рост тарифов. Надо обеспечивать либо плавность этого перехода, либо оставлять на перекрестке крупных потребителей. Опять же тогда мы снижаем конкурентоспособность промышленности. Есть несколько подходов к этому: либо сохранить на длительный период крупных потребителей в структуре региона при установлении тарифа на услуги; либо вариант запрета сетевой компании осуществлять услуги передачи. Есть вариант включения федеральной сетевой компании в котловой тариф — тоже вариант, который может решить проблему перекрестного субсидирования, но тогда не будет единого тарифа у федеральной компании.

Второй подход — это постепенный отказ от сдерживания крупных потребителей, переход на прямые переговоры с социальной сетевой компанией. В этой ситуации надо установить разные тарифы для потребителей. Думаю, в ближайшее время мы выйдем на эти подходы и предложим решения. Сегодня цель — выходить на более широкое обсуждение: с общественностью, субъектами РФ, губернаторами, потребителями. Есть конкретные вопросы по перетокам мощности, по энергетике, с ценой на газ, в рамках социально-экономического развития. Будем работать вместе с Минэкономразвития.

Проблемы развития кластеров

Модератор Иван Михайлович Бортник — исполнительный директор Ассоциации инновационных регионов России. Для Ассоциации кластерная политика, и, меры для ее реализации — важные направления, потому что 12 регионах Ассоциации находятся 11 территориальных инновационных кластеров. Как всегда есть 2 проблемы. Одна — проблема внутреннего развития кластеров; она так или иначе, решается самими вами. Вторая — это поддержка развития со стороны федеральных и региональных властей. Здесь присутствует и Министерство экономического в лице Артема Евгеньевича Шадрина, который отвечает за кластерную политику.

— Слово Артему Шадрину, чтобы он рассказал, что у нас происходит на федеральном уровне. Представляется, что у нас большая часть, нашего обсуждения за круглым столом прошла вокруг того, что предлагается сегодня на федеральном уровне.

— А.Е. Шадрин: Работа, которые мы начали в прошлом году с отбором пилотных инновационных кластеров, продолжается и кристаллизуется в конкретных решениях, принимаемых Правительством. Расскажу о нескольких инструментах поддержки, которые будут реализованы уже в текущем 2013 году, о перспективах на следующие годы. Мы входим в бюджетный процесс следующего трехлетнего периода. Какие решения надо принимать в ближайшее время и среднесрочный период субъектам федерации и органам управления кластеров?

Итак, первое — субсидии, в бюджете 2013-го года в размере 1,3 млрд. рублей на поддержку пилотных инновационных кластеров. Мы согласовали с Минфином проект постановления, сегодня он будет внесен в Правительство, и в течение полутора-двух недель подписан. Какие основные положения этого проекта постановления? Сразу скажу, это поддержка кластеров расходов не капитального характера. Это то, что называется «прочие расходы». Мы предусмотрели несколько опций, которые доступны для регионов по получению поддержки в рамках этого постановления. Из этого набора опций регионам надо будет выбрать не более двух, которые они будут предлагать для финансирования из федерального бюджета. Первое направление — это закупка оборудования, она разделена по нескольким компонентам. Это закупка оборудования для научных и образовательных организаций; закупка оборудования для объектов инженерной и социальной инфраструктуры; закупка оборудования для объектов транспортной и энергетической инфраструктуры. Вот три блока; каждый из них — самостоятельное направление.

Второе — это финансирование программ дополнительного образования, в первую очередь стажировок за рубежом. Исходя из того

объема, если мы поделим 1.3 миллиарда на 14 пилотных инновационных кластеров, то окажется, что это достаточно крупная сумма, если её фокусировать по направлениям. Поэтому за счет этого объема средств можно подобрать качественную, полезную программу ведущих зарубежных исследовательских центров, университетов.

Следующее направление — это поддержка деятельности специализированной организации управления кластеров. Это могут быть организации, которые начали создаваться в региональных центрах кластерного развития, некоммерческое партнерство, объединяющее входящие в кластер организации. Но условием предоставления этой поддержки является то, что большинство участников кластеров должны согласиться, что именно эта организация представляет их интересы, является координирующим органом развития. Естественно, эта организация должна быть юридическим лицом. При этом, кроме деятельности самой организации управления кластером, будет возможно финансирование сторонних организаций.

Следующее направление — это финансирование консультационных услуг, связанных с подготовкой инвестиционных проектов инновационной направленности. Чтобы обеспечить максимально высокий уровень кон-

сультационных организаций, которые будут субсидироваться фактически из федерального бюджета — через бюджеты субъектов — будет утвержден перечень консалтинговых организаций, допущенных к получению софинансирования из федерального бюджета.

Наконец, одна опция, связанная с участием в международных форумах, круглых столах. То, что мы назвали в проекте постановления коммуникационными мероприятиями, а также организация соответствующих мероприятий на территории кластеров. Предполагается, что это тоже будет соответствовать отраслевой или технологической специфике кластера, который будет участвовать в этих мероприятиях или их организовывать.

Безусловно, уже сейчас кластерам надо определяться исходя из их приоритетов, какие из набора опций для являются наиболее актуальными. На мой взгляд, и мнение моих коллег, очень важной является опция по образованию, стажировке. Она позволит обеспечить реальное встраивание предприятий, научных, образовательных организаций, институтов развития, региональных администраций в международную цепочку добавленной стоимости в реально работающие сети международной научно-технической инновационной кооперации, и поднять на принципиально новый уровень понимание,

как работает эта международная система, обеспечить реальную интеграцию предприятий в международные научно-технические инновационные связи. Мы посмотрели, какая может быть удельная стоимость этих программ, если смотреть на международные аналоги. Даже если вы за счет субсидии профинансируете поездку десятков сотрудников, то самые дорогостоящие, самые качественные программы, назову брендованные университеты: Стэнфорд, Гарвард, MIT – это максимум 20-30 тысяч долларов США. Это где-то миллион рублей. А общий объем субсидий – это сто миллионов. То есть даже если половину или треть субсидии направить на эти программы, вы можете направить 30-50 человек. Это очень много даже в масштабах кластера. При этом, если просто для сравнения, если мы увеличим планку до 40-50 тысяч долларов – то это уже программа хорошей магистерской программы полноценного годового обучения. Понятно, что дополнительное образование будет короче. Обычно – это месяц, 2 месяца, можно разносить по неделям. Можно предположить стажировки в разных странах, разных университетах. На мой взгляд, это большой потенциал для наращивания потенциала кластеров при выстраивании дальнейшей стратегии его развития. Мы предполагаем, что образовательные программы и стажировки будут также связаны с технологической и отраслевой спецификой развития кластера. Они действительно должны обеспечить не просто набор новых теоретических, а максимально практических знаний. Поэтому логично, если это будут не только инженеры, но в первую очередь управленцы, которые будут принимать решения, заключать контракты. И мы рассчитываем, что эти программы в значительной степени тоже приведут к практическим результатам.

По закупкам оборудования — это оборудование не капитального характера. Тем не менее, как показывает практика, достаточно широкий круг оборудования может быть закуплен по данным видам расходов.

По деятельности управляющей организации. Еще раз подчеркну, здесь возможна субконтракция, могут быть различные потребности, связанные с организацией кластера. Но предполагается, что соответствующие расходы будут согласовываться комиссией по отбору проектов в Министерстве — такой формат работы по образцу с программой поддержки малого и среднего предпринимательства. И мероприятия, которые будут предлагаться регионами, будут оцениваться с точки зрения их эффективности и соответствия целям развития кластеров. Непод-

ходящие, слабые мероприятия, которые не соответствуют результатам и затратам, дорогостоящие неэффективные мероприятия – поддержаны не будут. Поэтому мы готовы на подготовительном этапе максимально плотно взаимодействовать с кластерами, которым будем подсказывать, консультировать с точки зрения, насколько мероприятия могут или не могут быть поддержаны. Естественно, будет возможность некой итерации взаимодействия с Министерством.

Что касается определения объема средств, которые будут выделяться в виде субсидий. Во-первых, объем субсидий будет не больше, чем объем мероприятий, которые будут поддержаны. Во-вторых, мы хотим в рамках формы, которая заложена в проекте постановления, стимулировать софинансирование регионами программ развития кластеров; чтобы не только обязательные компоненты, которые соответствуют уровню бюджетной обеспеченности, были софинансированы, но и в целом, за счет различного рода бюджетных программ развитие кластера было обеспечено в качестве бюджетного приоритета. Будь то развитие инфраструктурных проектов, проектов коммерциализации технологий, малого и среднего предпринимательства, развития инновационной инфраструктуры и других направлений. Поэтому в формулу заложен принцип, при котором чем больше такого рода мероприятий будет предусмотрено в бюджете субъекта и включено в соответствующую программу поддержки развития кластеров, тем больше будет доля регионов, получаемая из федерального бюджета. Это стимулирующий механизм.

Соответственно, чтобы участвовать в программе предоставления субсидий региону, надо утвердить актом Правительства региональную программу поддержки развития ин-

новационных территориальных кластеров. Безусловно, ее основой могут и должны стать программы развития, которые представлялись на конкурс к нам в Министерство. При этом здесь уже должны стоять цифры очень конкретные. Они должны быть заложены в бюджет, и затем в полном объеме реализованы. Мы предполагаем, что наряду с прямым софинансированием мероприятий в рамках субсидий тех двух мероприятий, которые надо будет отобрать, также могут быть заложены и другие мероприятия, по программам финансирования субъекта. Это обеспечит четкую последующую реализацию программы, контроль. Но при этом позволит сфокусировать ресурсы, идущие по программам развития малого бизнеса, развития образования, развития транспортной, энергетической, социальной инфраструктуры на поддержку пилотных инновационных территориальных кластеров.

Мы планируем, что регионы успеют до сроков завершения приема заявок подготовить и утвердить такого рода программы, опираясь на накопленный опыт, который у них уже есть. Мы сейчас готовим и, думаю, что в течение ближайшего времени разошлем методические материалы по подготовке программ. У регионов будет время, чтобы на основе этих материалов сформировать программы.

Еще одно важное такое добавление. Регионы должны определить уполномоченный орган исполнительной власти, который будет отвечать за распределение субсидий, за контроль за ее целевым использованием, проведение соответствующих конкурсов. К сожалению, в некоторых регионах вопрос поддержки кластеров, в некоторой степени, завис между смежными органами исполнительной власти. Например, отвечающими за экономическое развитие и за поддержку

научно-технической инновационной деятельности, или развитие промышленности, или как-то. Сейчас определенность настанет. Определение такого органа будет условием предоставления субсидий из бюджета. Соответственно, поскольку у нас затянулся процесс согласования Постановления, то, если часть средств будет недоиспользована, как соответствует бюджетному кодексу, возможно решение, что недоиспользованные деньги будут возвращены в 2014-м. То есть, необходимости срочно освоить все деньги нет. Но будем отслеживать и реализацию этих мероприятий — затягивание не есть хорошо. В этой связи по тем мероприятиям, которые регионом будут определены в качестве заявляемых на получение субсидий, уже сейчас надо определять: какие это образовательные программы, какие стажировки. Мы предлагаем ориентироваться на университеты, на научно-исследовательские центры-лидеры. Потому что такой значительный объем средств, который предоставляется из федерального бюджета, было бы крайне неосмысленно направлять в какие-то второстепенные образовательные научные учреждения. Наоборот, мы хотим, чтобы они использованы именно в лидирующих организациях. Кроме образовательных и научных центров это объекты инновационной инфраструктуры. Это ведущие, реально работающие технопарки, зарубежные хорошо работающие лидирующие кластеры. Здесь свобода выбора за регионом. Но, повторю, они будут все согласовываться комиссией, формируемой нашим Министерством.

Теперь о других направлениях субсидий и поддержке регионов. Во-первых, это программа поддержки малого и среднего бизнеса. Значительный объем средств будет сфокусирован на дополнительной поддержке проектов, связанных с развитием инновационных кластеров. Регионы могут определить приоритеты своих расходов дополнительно в рамках Программы поддержки малого и среднего предпринимательства, заявить соответствующие мероприятия, обозначив, что они идут на развитие инновационных территориальных кластеров. Это как развитие центров кластерного развития регионов, так и отдельных объектов инновационной инфраструктуры, выделение субсидий предприятиям малого и среднего бизнеса, входящим в состав кластеров.

Второе решение – по выделению части средств из бюджета программ малого и среднего предпринимательства на деятельность «Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере», чтобы они выделяли дополнитель-

ные средства в виде субсидий малым предприятиям на территории инновационных территориальных кластеров. Речь идет о 25 пилотных кластерах, которые были включены в перечень, утвержденный председателем Правительства в августе прошлого года. Надо, чтобы малые предприятия, которые базируются на территории кластеров, готовили соответствующие проекты — качественные и достойные федеральной поддержки. Кроме того, мы хотим сфокусировать в той степени, в какой это возможно с учетом бюджетных ограничений, на поддержке инновационных территориальных кластеров средствами федеральных целевых программ и федеральной адресной инвестиционной программы. Мы разослали письмо за подписью заместителя министра Олега Фомичева в субъекты федерации, в которых базируются инновационно-территориальные кластеры, с просьбой в соответствии с установленным форматом описать проект.

Регионы, которые хотят предложить в состав федеральных целевых программ характеристики проекта (на какой стадии проектно-сметная документация — разработана, прошла ли госэкспертизу). Предполагается, что документы будут направлены в профильные федеральные министерства, чтобы в той степени, в какой возможно ориентировать действующие федеральные целевые программы или их корректировку на приоритетах, связанных с развитием кластеров. В любом случае, без понятной ситуации с этими проектами такая работа была бы невозможна.

Второй механизм, который также можно запустить, если не получится устроить проект в федеральные целевые программы – это механизм непрограммной части федеральной адресной инвестиционной программы. Он предполагает, что на каждый крупный проект развития кластеров выпускается отдельное постановление Правительства, которое также должно быть обосновано. Но за каждый подобный проект надо отдельно бороться, обосновывать его целесообразность, эффективность в части экономического, бюджетного эффекта, связанного с будущими налоговыми поступлениями в консолидированный бюджет. В любом случае работа, которая проведена субъектами по подготовке объектов капитального строительства, не пропадет. Она может послужить основой для вхождения в ФЦП и федеральную адресную инвестиционную программу. Отдельно скажу, мы будем добиваться включения целевых субсидий отдельной статьи в бюджете по поддержке кластеров, на 2014-ый и последующие годы. Соответственно, с допущением предоставления субсидий на объекты капитального

Регионы, которые хотят предложить в состав федеральных целевых программ характеристики проект (на какой стадии проектно-сметная документация — разработана, прошла ли госэкспертизу). Предполагается, что документы будут направлены в профильные федеральные министерства, чтобы в той степени, в какой возможно ориентировать действующие федеральные целевые программы или их корректировку на приоритетах, связанных с развитием кластеров. В любом случае, без понятной ситуации с этими проектами такая работа была бы невозможна.

В декабре 2012 года были приняты изменения в меморандум «Внешэкономбанка», по которому развитие территориальных кластеров стало одним из приоритетов его деятельности. В соответствии с этим мы будем активно поддерживать включение проектов, которые будут реализовываться на возвратной основе для привлечения финансирования «ВЭБ». На мой взгляд, речь может идти об объектах развития коммунальной, энергетической, социальной инфраструктуры, где есть возвратные проекты. Но одновременно это могут быть проекты, связанные с научно-техническим развитием, где также есть окупаемость. Пример Калужской области с промышленным парком, в капитале которого поучаствовал «ВЭБ», может быть одной из возможных моделей такого рода участия «Внешэкономбанка».

строительства. Не могу гарантировать, что нам стопроцентно удастся этого добиться, но мы будем обосновывать и региональные программы поддержки и развития кластеров: их проработанность будут служить одним из аргументов, чтобы заложить софинансирование и на следующие годы.

Отмечу, что в декабре 2012 года были приняты изменения в меморандум «Внешэкономбанка», по которому развитие территориальных кластеров стало одним из приоритетов его деятельности. В соответствии с этим мы будем активно поддерживать включение проектов, которые будут реализовываться на возвратной основе для привлечения финансирования «ВЭБ». На мой взгляд, речь может идти об объектах развития коммунальной, энергетической, социальной инфраструктуры, где есть возвратные проекты. Но одновременно это могут быть проекты, связанные с научно-техническим развитием, где также есть окупаемость. Пример Калужской области с промышленным парком, в капитале которого поучаствовал «ВЭБ», может быть одной из возможных моделей такого рода участия «Внешэкономбанка». В соответствии с решением государственной комиссии по стратегии инновационного развития до 2020-го года при президиуме совета по модернизации экономики, мы сформировали ряд рабочих групп, объединяющих институты развития по направлениям, связанным с инновационным развитием экономики. В том числе сформировали отдельную рабочую группу, объединяющую институты развития, которые будут заниматься поддержкой развития регионов и территорий базирования инновационных территориальных кластеров. Два координатора в этой группе – это как раз «Внешэкономбанк». Со стороны «Внешэкономбанка» будет соруководителем Ирина Макеева – вице-президент «ВЭБ». Одновременно в этой группе координатором будет Фонд «Сколково» – там этим будет заниматься Денис Ковалевич, также принявший участие в разработке программ развития кластеров. Мы привлекаем все институты развития, работающие в инновационной сфере – «РВК», «Ассоциация инновационных регионов России», «Роснано», «Российский фонд технологического развития» и также, наверное, обратимся к другим банкам с государственным участием о вхождении, участии в деятельности этой рабочей группы. Это и «Сбербанк», и «Внешторгбанк» и другие крупные институты. «РИЖК», Фонд «РЖС», «Фонд реформирования ЖКХ». Это сделано, чтобы подтянуть инструменты государственной поддержки, которые представляются на возвратной основе для поддержки значимых проектов развития кла-

стеров. Поэтому сейчас есть возможность в рамках разработки федеральных программ предусмотреть не только проекты, которые бы финансировались не только на основе субсидий, грантов, целевого бюджетного финансирования, но и на возвратной основе. Мы будем содействовать тому, чтобы эти проекты могли прорабатываться. Вот та опция, которая связана с оплатой консультационных услуг на разработку проектов инновационной направленности

— Я предупредил Артема Евгеньевича, что в связи с актуальностью его деятельности наш круглый стол может превратиться в его вопросы и в ответы-ситуаций. По-моему, это, может быть, окажется важнее для присутствующих, чем заслушать целый ряд каких-нибудь дополнительных сообщений по кластерам.

Поэтому я, прежде, чем перейти и предоставить вам возможность задать эти вопросы, а ему попробовать ответить на них – если мы по этому пути пойдём, я хотел чуть-чуть добавить по тому, что он сказал. Первое, коллеги, я хочу просто обратить ваше внимание, что второй механизм, который Артем Евгеньевич о нем говорил – это механизм поддержки по программе малого и среднего предпринимательства, который вы хорошо знаете, который идет в Минэкономразвития уже много лет успешно. Вы знаете, общая программа – она 23 миллиарда рублей. Но вот сейчас принято решение, что 2 миллиарда рублей по этой программе идет целевым образом для поддержки кластеров. Но эта программа всегда работает в определенном взаимодействии со средствами региональных бюджетов. Мы с департаментом работали по центрам молодежного инновационного прототипирования – и знаем, как сложно согласовать на региональном уровне соучастие в этой программе. Поэтому прошу обратить внимание, чтобы вы в региональных бюджетах предусмотрели средства и договорились с соответствующими департаментами, которые традиционно занимаются программами поддержки малого предпринимательства по кластерам. Потому что эти 2 миллиарда рублей – это целевые средства кластеров. Но если в среднем по России 20-30 процентов средств должны идти на субсидии из ваших региональных бюджетов, то в сумме мы должны иметь 600 миллионов рублей, чтобы эти 2 миллиарда рублей взять от уважаемой Натальи Ларионовой. Вчера она в Казани еще раз подтвердила, что, в принципе, департамент готов давать и большие средства. Позиция Минфина, что вообще эта программа примерно процентов на 30 должна быть сосредоточена (примерно

на 7 миллиардов рублей) на поддержке кластеров. Но это должно быть решено на региональном уровне ваших бюджетов. И будет жесткое требование привязки к программам развития кластеров. Основная поддержка – оборудование, но это могут быть инженеринговые центры, даже отдельные компании, испытательные и сертификационные центры, связанные с разработкой и производством продукции кластеров.

— Проскурин Сергей Дмитриевич, Первый заместитель Главы администрации ЗАТО Железногорск. Вы сказали, что главным параметром отбора проектов будет эффективность. И в то же время основные деньги, скажем, 2013-го года рекомендуете направить на переподготовку. Хотелось бы понять, каковы четкие критерии оценки эффективности тех или иных проектов есть или они еще в стадии проработки?

— Шадрин А.Е.: Под эффективностью имеется в виду соотношение результата и затрат. Мы исходим из того, что в данной программе результатом является реализация максимального качественного образовательных программ путем стажировки в лидирующих организациях. Мы рассчитываем, что: а) программа будет соответствовать задачам и приоритетам развития кластеров; б) в качестве тех организаций, в которых будет организовываться обучение и стажировки будут выбраны ведущие мировые лидеры в тех направлениях, в которых кластер развивается. Это будет рассматриваться при оценке соответствия эффективности программ в сфере образования.

— Когда мы ведем речь об оборудовании в социальной инфраструктуре, какой направленности оборудование вы предполагаете?

— Шадрин А.Е.: Формально – любое. Но опять же, если мы берем, скажем, школы – тоже объекты социальной инфраструктуры – понятно, тут могут быть и школьные компьютеры, например, и какие-то образовательные программы. Может быть техника, которая необходима для школы и вы ее могли бы закупить. Если будут какие-то вопросы, мы могли бы ответить, но по факту это то, что относится по соответствующей классификации к оборудованию. Оборудование может закупаться.

— Мы встречаемся после обеда с банками и «ВЭБа» там пока не будет. Идея у нас простая: на возвратной основе нас надо поддержать по инфраструктурному проекту строительства арендного жилья. Как организовать взаимодействие с ВЭБом?

— Шадрин А.Е.: Есть установленный порядок предоставления проектов «Внешэкономбанка», можно с ним работать. Есть профильный департамент территориального развития – можно работать с ним департаментом. Если потребуются наше содействие, готовы поддержать. Единственное, процедура принятия решений во «Внешэкономбанке» достаточно длительные. Поэтому, если у вас есть частные кредиторы, не надо откладывать эти проекты. Но полезно понимать, какие есть альтернативы. И если этот проект требует долгосрочного финансирования, то надо это отработать.

— То есть, поддержка Министерства будет оказана через «ВЭБ»?

— Шадрин А.Е.: Да, мы, в том числе, через «ВЭБ». Но не могу сказать заранее, что все или многие проекты будут поддержаны. Мы будем работать в этом направлении, но дальше – как пойдет результат.

— Кто и на основе каких документов будет определять, относится ли предприятие или проект к кластеру?

— Шадрин А.Е.: Очень просто: Министерством будет сформирована конкурсная комиссия, и ее будут работать с заявками на предоставление субсидии, которые вы представляете. Из них должно вытекать, каким образом проекты, которые вы заявили к поддержке, соответствуют задачам кластера. А участники комиссии, соответственно, дадут заключение.

— Упомянуто, что Министерством отдельно будут утверждены правила оценки.

— Шадрин А.Е.: Соответственно, к проекту постановления будут разработаны приказы министерства, которыми будут устанавливаться определенные вещи. Но мы будем использовать опыт поддержки малого и сред-

него бизнеса. Поэтому можно посмотреть, что сформулировано в соответствующих приказах Министерства в этой программе. Я думаю, что по аналогии мы будем здесь работать.

— Каковы хотя бы грубые сроки по этой работе?

— Шадрин А.Е.: мы еще посоветуемся с вами по степени готовности. Но это, на мой взгляд, точно не меньше двух месяцев с текущего времени; возможно, даже больше. Потому что порядок таков: выходит постановление, потом мы делаем первоочередные Приказы, которые должны пройти заключение Минюста и быть опубликованы. После этого выходит Приказ о выявлении конкурса, который не требует утверждения Минюста, а уже устанавливает сроки подачи заявок по формату, который будет установлен уже в первом приказе. Соответственно, после объявления конкурса пройдет не меньше месяца по срокам подачи заявок. Но работать уже надо сейчас. Мы понимаем, что это сложная, напряженная работа, поэтому будем учитывать степень готовности субъектов.

Я хотел добавить по срокам. Даже «Фонд содействия» еще не имеет денег. Но мы все равно будем привязывать деньги и проекты к программам развития кластеров. К сожалению или радости, но многие из наших кластеров концентрируются вокруг крупных предприятий, и мы готовим конкурс даже независимо от кластеров, по поддержке малых предприятий в интересах крупных предприятий. И если в интересах крупных предприятий вы увидите, что надо сделать конкурс, но связанный не с отдельным каким-то направлением развития, а именно с развитием кластера, то готовы сейчас. Потому что мы будем сначала объявлять запрос предложений, получить предложение. Поэтому я бы при-

соединился к Артему Евгеньевичу — заявки я очень бы советовал готовить сейчас. Потому что потом со временем будет все поджимать. И воспользуюсь возможностью еще сказать, что «ФОИПы», по которым давным-давно нет денег, все-таки Министерство экономического развития продвигает, в связи с тем, Рустам Минниханов, председатель совета, принимает сейчас активные действия по привлечению инвестиций к кластерам. Татарстан заложил в своей кластерной программе 3 триллиона инвестиций за 10 лет. Но, правда, две трети своих инвестиций, региональных. Достигнута договоренность с Минэкономразвития, что надо начинать работать над «ФОИПами» 2014-го года. Есть железный порядок работы над «ФОИПами». И Олег Савельев четко сказал: несмотря на то что денег нет, решения могут быть достигнуты только, если вы сейчас включаетесь. Что, собственно, Фомичев и написал в письме, конечно, сосредоточиться на 14-ом годе.

— Мы знаем, что есть эффективная программа по Постановлению 218 и 220 и было бы хорошо организовать отдельный конкурс для нужд кластеров в рамках этих постановлений. Насколько есть шанс выделиться 218 и 220 постановления для нужд кластеров?

— Шадрин А.Е.: По 218-ому недавно были подведены итоги: там значительное количество университетов, базирующихся на инновационных кластерах. По оценкам, где-то от трети до половины. То есть, в принципе, это показывает достойный уровень университетов. Неслучайно пилотные кластеры выбирались в том числе и по наличию сильных исследовательских университетов. Поэтому не думаю, что будут поправки, дополнительное финансирование по 218-ому, но объективно новый конкурс скоро будет — тоже университеты, из числа базирующихся в кластерах, получат адекватное финансирование.

— Артем Евгеньевич, мы прошли путь по включению ряда инициатив по аэрокосмическим и по авиакластерам в госпрограмму развития авиационной промышленности, и столкнулись с рядом сложностей. До этого мы проходили подобный путь по автомобильному кластеру, еще в 2010-ом году, когда нам удалось включить это мероприятие. Однозначно, нужна поддержка от Минэкономразвития в поддержке по включению в подобные программы.

— Шадрин А.Е.: Сейчас все федеральные Министерства готовят к концу первого квартала трехлетние планы по реализации госпрограмм. Многие из них предусмотрели поддержку кластеров в госпрограммах —

развитию авиации, по другим направлениям. Но вопрос в конкретизации этих приоритетов. Поэтому мы провели следующее совещание: одобрили методические материалы для федеральных форм исполнительной власти по поводу трехлетних планов в части инновационной составляющей, где зафиксировали необходимость Федеральным Министерством обращаться в профильные кластеры, также как и в профильно-технологические платформы за предложениями по включению мероприятий в трехлетние планы с учетом содержания государственных программ. Соответствующее письмо направили во все кластеры губернаторам буквально полтора дня назад, как раз перед Форумом. И тоже просим направить официальные письма в профильные министерства, определить контактных лиц — кто у вас уполномочен взаимодействовать с Министерством по данному вопросу, готовить соответствующие предложения. Соответственно, у нас запланировано совещание, где уже все министерства должны доложить, как они учитывали предложения кластеров и технологических платформ при разработке трехлетних планов. Поэтому сейчас у вас есть хорошая возможность. Где-то продолжается ФЦП, а где-то, например, будет соответствующая подпрограмма, госпрограмма развития промышленности и повышения конкурентоспособности. Соответственно, чтобы попасть в эту подпрограмму, нужно дать соответствующие предложения и продолжать участвовать в этой работе.

— У нас запланировано несколько выступлений, которые все-таки рассказывают об опыте больше, о том, что происходит сегодня в кластерах. Поэтому, я просил бы господина Медведева сейчас начать.

— Медведев В.: Действительно, кластеры у нас разные. Мы сформировали свою программу развития ядерно-космического кластера в Железногорске. В основе лежат два крупных якоря: это ФГУП «Горно-химический комбинат» и ОАО «Информационные спутниковые системы». Соответственно, предприятия входят в государственную программу «Росатом» и «Роскосмос». Надо сказать, что это исторически сложившаяся ситуация в Железногорске, которая чуть ранее была поддержана в рамках федеральных целевых программ финансирования по развитию в рамках отраслей. И это позволило начать работу в кластерном направлении, независимо от запуска федеральной кластерной программы. Очень важно обеспечить взаимодействие участников кластера. Это достаточно сложно, и запуск модели взаимодействия связан с усилиями на федеральном уровне. Получилось так, что у нас сформирован совет кластера и все участники в совет кластера на федеральном уровне под руководством Игоря Боровкова. Мы сформировали в прошлом году и утвердили в мае месяце на уровне Министерства экономического развития России программу развития, которая интегрирует отраслевые возможности по базовым предприятиям, и приоритеты, сформированные в программе развития Красноярского края.

Третье, — на уровне региона сформирована организационная основа этой работы. Губернатор ввел в структуру органов региональной власти Министерство по инновациям. Таким образом, должен обязательно появиться организационный оселок, который специально занимается продвижением этой программы. И основной вопрос мы сегодня как раз делаем на методике, которую предлагаем открыто и активно. Предложено не-

сколько элементов, которые являются инфраструктурными. Фактически мы уже кое-что сделали в 2012-м году в сотрудничестве с «Фондом Сколково» «Информационные спутниковые системы» организовали «Центр поисковых исследований», новое предприятие. При этом ряд предприятий у нас уже сложилось — называем их сейчас «Спин-оффы». Но, по большому счету, опыт начальной работы по кластерной программе в Железногорске уже существовал. Примером такого предприятия является, например, «Прима Телеком». Важным элементом является сотрудничество производства, науки в области исследовательских работ, в том числе и подготовки кадров. Мы отдельно выделяем этот элемент на базе сотрудничества Сибирского федерального университета, Сибирского аэрокосмического университета и НИЯУ «МИФИ». В конце прошлого года при сотрудничестве «Информационных спутниковых систем» три гранта было выиграно как раз на работы в сотрудничестве с Сибирским федеральным университетом, СибГАУ и Томским техническим университетом.

Важным итогом прошлого года стало продвижение проекта развития базового элемента нашего кластера — площадки, на которой мы работаем с резидентами. Мы предполагаем приземлять новые бизнесы, малые предприятия и, собственно говоря, этот проект реализуется в рамках действующей федеральной целевой программы по поддержке малого и среднего бизнеса. Мы этот путь прошли, проект вычленили из кластерной программы и реализуем в действующей ФЦП. На этот год 963 миллиона рублей предусмотрено на строительство комплекса. Федерация вкладывает деньги в инфраструктуру: сети, коммуникации и так далее. Край выделил на проектные работы и на сами помещения. Собственно говоря, мы понимаем уже под кого строим первый комплекс, и работа организована на сегодняшний день в круглосуточном режиме. Поэтому темп будет высокий. Резиденты готовы заезжать уже в первые корпуса. Возможно, что конец 2013-го — начало 2014-го мы уже сможем подойти к этому этапу.

У нас специфическая территория. Мы закрытое муниципальное образование, об этом часто говорится. У нас есть ограничения по доступу, по использованию земли в качестве объекта собственности. Собственно говоря, нам помогает преодолевать эти барьеры активная заинтересованная позиция руководства государственной корпорации «Росатом». Фактически мы производим внутреннюю диверсификацию на территории муниципального образования, и в этом смысле

отрасль нас поддерживает. Должен сказать, что наиболее сложным элементом является для нас то, что связано и будет поддерживаться в рамках программы — это направление образовательных программ. И, собственно говоря, мы сейчас прорабатываем какой-то орган, который бы обеспечивал реализацию вертикально-интегрированной программы образования.

Хочу поделиться соображениями. Институты, которые активно возникли в России в рамках инновационной российской системы, работают в основном на отсев. Мне кажется, важно сделать усилия на поддержку инициатив, возможно более рискованных, чем готовые бизнес-планы. Потому что часто возникают ситуации, что мы тасуем одни и те же бизнес-идеи. Но важно, чтобы они возникли в принципе. Создать систему на уровне кластера, поддерживающую возникновение инициативы — над этим мы работаем. Очень важно на запуске кластерной федеральной программы учитывать, что мы фактически находимся в середине бюджетного года. В этом смысле логику бюджетного процесса надо правильно учесть, чтобы мы не потеряли год. При этом понимаем, что закладка средств в бюджетах до конца не проведена, потому что и методик-то не было. В перспективе, буду надеяться, федеральная методика будет утверждена, и позволит нам реализовать, в том числе, инфраструктурные проекты. Потому что все кластеры разные. Мы за счет активного внутреннего развития исчерпали возможности инфраструктуры, существующие на территории города. Прежде всего, в области энергетики — это является базовым направлением в развитии тепловых возможностей на территории города.

— Следующее слово хочу предоставить господину Кетелсу, правой руке Майкла Портера.

— Кетелс К.: На самом деле в каждой стране возникает вопрос, связанный с финансированием и структурированием системы так, чтобы она заработала оптимальным образом. В конечном счете, вопрос заключается в том, каким образом будут израсходованы деньги на развитие кластеров, каким образом можно получить лучшие результаты, используя наличные инвестиции. Я готов поделиться нашим опытом работы в международном масштабе. Как вы знаете, ключевой урок заключается в том, что структура экономики России отличается от того, что мы видим в другом мире. И если смотреть на кластеры, которые работают успешно, важно видеть отличия — что происходит не как в Европе, не как в Америке. Надо понимать ситуацию

Важным итогом прошлого года стало продвижение проекта развития базового элемента нашего кластера — площадки, на которой мы работаем с резидентами. Мы предполагаем приземлять новые бизнесы, малые предприятия и, собственно говоря, этот проект реализуется в рамках действующей федеральной целевой программы по поддержке малого и среднего бизнеса. Мы этот путь прошли, проект вычленили из кластерной программы и реализуем в действующей ФЦП. На этот год 963 миллиона рублей предусмотрено на строительство комплекса. Федерация вкладывает деньги в инфраструктуру: сети, коммуникации и так далее. Край выделил на проектные работы и на сами помещения. Собственно говоря, мы понимаем уже под кого строим первый комплекс, и работа организована на сегодняшний день в круглосуточном режиме.

сегодняшнего дня и как кластер будет выглядеть в перспективе.

Почему кластеры у нас вызывают такой интерес? По простой причине. Мы смотрим, как работают компании, что меняется. В Европе, США существует целое инновационное сообщество, в которое вовлечено множество компаний, которые занимаются решением схожих вопросов. Это компании, которые характеризуются инновационным поведением. Сейчас речь не идет о крупных интегрированных международных структурах. Возникают более интересные сочетания, зачастую кросс-промышленные комбинации. То есть возникают структуры, где компании, представляющие разные отрасли промышленности. Идея одна – как работать более инновационно, более производительно. Мы видели что происходит в регионах, каким образом обеспечивается поддержка кластерам, что делается для эффективности. Каким образом происходит слияние кластеров, чтобы в конечном итоге гарантировать динамичное развитие кластеров. По сути дела, речь идет об объективном рыночном процессе – это вещь не чисто американская или европейская. Мы видим, что начинает появляться множество совершенно новых вещей в процессе реализации принятых кластерных политик. И в России я слышал много интересного. Принципиально важно использовать наличный инструментарий для развития кластеров и все вписывать в контекст проводимой политики на федеральном, региональном уровне. И, конечно, принципиально важно уметь сфокусировать внимание на критических вопросах, обеспечить дальнейшее движение вперед.

Следующий момент – все понимают, что надо менять порядок принятия решения. Надо стремиться уйти от зависимости от Москвы, от Вашингтона или Брюсселя – любого центра. Здесь надо стремиться к тому, чтобы компании, которые ведут конкурентную борьбу, могли принимать эффективные решения, на что эффективнее потратить деньги: на строительство школы, создание инфраструктурных объектов или на что-нибудь еще. Здесь важно, каким образом будет организована работа. И в этом случае можно будет работать эффективнее, если удастся уйти от зависимости от центра и не ждать, пока наверху будут приниматься решения.

Все понимают, что эффективность работы зависит от эффективности сотрудничества сторон, которые вовлечены в работу в кластере. Важно реализовывать именно коллективные действия, консолидировать эти действия. Да, структура российской экономики остается иной, чем в других странах. Соответственно, надо смотреть, чем отличаются российские

кластеры от кластеров в Европе или Северной Америке. Российские регионы имеют более выраженную специализацию, чем в Европе или Америке. Некоторые специализированы на каких-то областях, сильны в определенных направлениях. И здесь надо смотреть, что можно сделать в плане диверсификации, чтобы оптимально использовать преимущество, которое дает специализация, но, в то же время, и начинать работать по разным азимутам. Если посмотреть на специфику отдельных отраслей промышленности, отдельно взятая отрасль и предприятия, работающие вне, лишены возможностей эффективного развития, которые возникают в условиях кластера.

Следующий момент – экономическая ситуация. Она может быть разной; зачастую крупные игроки на рынке, структуры, компании диктуют свои условия, оказывают давление. Надо смотреть, что можно сделать, чтобы повысить открытость. Не потому что мы не любим крупный бизнес, крупные структуры; просто мы видели, что происходит в других уголках мира. Большие компании, бизнес-структуры в Европе, будь это ядерная энергетика или какие-то автомобильные предприятия – неважно. Здесь важно, чтобы никто не имел возможности диктовать свои условия. Таким образом, надо следить за тем, как наиболее эффективным образом истратить средства, которые становятся доступными за счет привлечения средств из федерального бюджета, фондов поддержки. Есть закладка, но существуют слабые места, дыры. Чтобы у тех, кто принимает решения на региональном уровне, была возможность решать вопросы и двигаться в нужном направлении. Чтобы люди понимали – так можно изменить эти, эти вещи и за счет этого обеспечить развитие. Можно усовершенствовать

структуру компании... То есть, если смотреть на кластеры и на то, что они дадут – в конечном итоге кластеры повлияют на крупный бизнес, который тоже начнет меняться. Мне кажется, это очевидно. Динамика кластерного развития будет меняться, и она должна меняться. Потому что в противном случае, о чем говорить? Мы просто будем говорить о федеральных программах, что кто-то будет говорить, проводить ребрендинг.

— Я бы только хотел, коллеги, чтобы вы не расслышали: что программа может быть в России совершенно другой, чем в США или Европе. А слышали больше вторую часть, что движение может быть и с учетом нашей ситуации. Должны быть предприняты шаги другие, чем в других странах, но в итоге мы должны прийти к той же ситуации, которая есть во всем мире. Должны произойти изменения внизу. Что именно вот это кластер, если он действительно, это комбинация всех игроков с одной целью – повысить конкурентоспособность данного региона, данной территории, то тогда это и есть кластер.

— Владислав Тарасенко, начальник отдела стратегического управления и социального развития в Министерстве экономического развития Российской Федерации. Я хотел бы сделать небольшой обзор по результатам конкурса и тех материалов, которые есть в Министерстве. За год нам удалось систематизировать большой объем информации и с помощью коллег из Высшей школы экономики провести сравнительный анализ между практиками в России, связанными с развитием кластеров. Был хороший вопрос о роли государства, и какие есть возможности, связанные с ролью государства.

Итак, мы рассмотрим заявки, которые поступали на конкурс, и можно выделить три группы. Во-первых, это инициативы территориально-производственных комплексов, городов, крупных компаний с государственным участием – когда у нас есть ярко выраженные якорные предприятия, которые формируют программы развития. С другой стороны, есть опыт ассоциации кластеров без ярко выраженного ядра. Их я условно называю отраслевыми ассоциациями. Потому что у нас сформировались, допустим, отрасль информационных технологий, биотехнологий, я был в инициативной группе мебельного кластера. Есть возможности для кластеризации предприятий без ярко выраженного ядра. И отдельным пунктом я бы проговорил о кластерных инициативах крупных университетов, региональных инновационных систем. Если говорить об этих видах инициатив, то надо говорить о различных моделях управления, отличиях в проблемных полях и постановке задач на их государственную поддержку. Поэтому, если мы посмотрим на программы, которые были предоставлены в Минэкономразвития, то действительно можно увидеть различия в структуре не только содержательные, но и управленческие, организационные.

В качестве примера я хотел бы привести кластер, который формируется вокруг «Нижекамскнефтехима»; здесь мы видим кластерную инициативу, формируемую из территориально-производственного комплекса. Встает интересный вопрос для обсуждения: насколько здесь мы имеем дело с кластером? Потому что в классическом понимании это территориально-производственный комплекс, взаимодействующие между собой предприятия, экономические агенты; как сделать, чтобы программа развития этого комплекса в принципе соответствовала интересам развития кластера. Эта задача, на мой взгляд, еще требует внимательного обсуждения. Возникает масса проблемных вопросов, которые четко были показаны в программах развития кластера и в обратных связях от коллег. Ключевая задача состоит в том, как увязать интересы агентов малого бизнеса, агентов, связанных именно с организацией сети вокруг якорей кластера. И вопрос в том, как работать с этими технологическими цепочками.

Еще один пример – Самарский кластер. Если в Татарском кластере речь идет о формировании большого количества продуктов, то в Самаре уже есть якорные сборочные производства и кластер формируется, скорее, на периферии. Мне очень нравится самарский опыт, потому что они акцент делают на пе-

риферийные процессы в своей программе развития, а не на центре. Если мы посмотрим на Санкт-Петербургскую кластерную инициативу IT, или связанную с медицинским кластером, то мы увидим сценарий сильно отличающийся. Если кластер Татарстана или Самары — условно говоря, то, что называют «сверху», где инициатива идет от якорных компаний, то здесь яркий пример инициативы снизу. То есть нет ярко выраженного лидера — и мощное отраслевое лобби или отраслевое сообщество просто привязывает к местности определенные интересы, связанные с развитием ассоциаций. И здесь можно выделить задачи, которые стоят у подобного рода ассоциативных сообществ. Они связаны с формированием совместных проектов и в повышении доверия среди участников кластера. Я был, помимо фармацевтического кластера, на интересной кластерной инициативе в Воронеже. Там, что в России я наблюдал очень редко, шла самоорганизация не сверху, а снизу. Сами мебельные предприятия объединились, чтобы искать общий ресурс, в первую очередь, связанный с общим обучением сотрудников, и созданием индустриального парка. Это другой механизм кластеризации, который, на мой взгляд, надо учитывать и различать. И третий, Калуга, пытается совместить — она идет через создание центров кластеризации. То есть, если Татарстан уже работает с постсоветскими цепочками добавленной стоимости, то Калуга в пустом поле формирует индустриальные парки и стремится привлечь резидентов, формировать кластеры вокруг зон территориального развития. Это тоже интересный содержательный сценарий, и этот опыт надо учитывать. И Калуга, и Татарстан, и Самара формируют кластеры вокруг уже сформированных технологических цепочек, первичным является производство. Поэтому я и отличаю этот сценарий кластеризации от того, что мы видим в Томске, или в Дубне, в Долгопрудном — когда центром становится регионально-инновационная система, формирующаяся вокруг крупных университетов или исследовательских центров.

Какое из них правильное или чем лучше; я бы такой вопрос не ставил. Я просто хотел обсудить вопрос: чем отличаются механизмы поддержки для этих трех механизмов, какие сходства и различия социальных и экономических институтов мы уже сейчас можем наблюдать. И чем мы, государство, можем помочь. Потому что, на мой взгляд, сценарий поддержки сверху – это один из сценариев и его надо учитывать только для определенных типов кластеров и для определенных механизмов кластеризации. Здесь, если говорить

В качестве примера я хотел бы привести кластер, который формируется вокруг «Нижекамскнефтехима»; здесь мы видим кластерную инициативу, формируемую из территориально-производственного комплекса. Встает интересный вопрос для обсуждения: насколько здесь мы имеем дело с кластером? Потому что в классическом понимании это территориально-производственный комплекс, взаимодействующие между собой предприятия, экономические агенты; как сделать, чтобы программа развития этого комплекса в принципе соответствовала интересам развития кластера. Эта задача, на мой взгляд, еще требует внимательного обсуждения. Возникает масса проблемных вопросов, которые четко были показаны в программах развития кластера и в обратных связях от коллег.

об опыте Калуги, Томска, этот сценарий очень напоминает то, что происходит на Тайване – когда формируются индустриальные парки – допустим, Шеньчжу и вокруг них происходит кластеризация предприятий и организаций. И почему интересен опыт Тайваня, и для России может быть наиболее релевантен: система развития региональных инновационных систем сопряжена с государственными проектами. То есть, фактически Тайвань – это хороший кейс по мощному и правильному влиянию государства на развитие кластеров и регионально-инновационных систем как раз через управление инновационным циклом фундаментальных и прикладных исследований, циклов технологического развития, стыкующихся с циклами прогноза.

Есть развилка для обсуждения экспертов: что мы должны делать как государство. Или мы должны не мешать кластерам, и пусть они сами договариваются. Или мы должны формировать стратегии технологического развития с помощью технологического прогноза, механизмов стратегического управления, и уже под эти технологические тренды, как в Тайване, формировать механизмы и институты, которые должны привести к развитию кластеров. Я не скажу, что эти подходы противоречат друг другу, они дополняют друг друга и, возможно, в разных отраслях, в разных регионах могут реализовываться разные практики и разные сценарии развития. И резюмируя, я вижу, что у нас есть механизм кластеризации сверху и фактически кластерная инициатива, как попытка трансформировать территориально-производственный комплекс. Четко выраженные проекты есть. На мой взгляд, Железногорск – это яркий кейс в этом направлении. Уже есть кейсы, лучшие практики, связанные с кластеризацией снизу с инициацией профессиональных образований. А вот региональная инновационная система – это, на мой взгляд, совмещение государственных проектов, идущих сверху, связанных с образованием и попыток самоорганизации научного и университетского сообщества. Хочу сказать, что мы в начале пути, все-таки то, что произошло за последние два года – это хороший шаг. По крайней мере, уже можно делать первые выводы и в экспертном сообществе обсуждать практики, которые появились. И мне бы хотелось, чтобы мы консолидировались не только на организационных механизмах поддержки, но и на содержании, на механизмах кластеризации, на тех институтах, которые возникают на наших глазах.

— Для меня неожиданно, что одно из направлений — как бы кластер, но из крупняка. Насколько мы вчера ознакомились,

там растет и много небольших компаний. В Калуге действительно комбинация крупняка и небольших компаний; это происходит и в Самаре; будем надеяться, как будет происходить в Железногорске.

Зыбарев: Последнее выступление мне очень понравилось разумной классификацией. Как правильно отнесли нас, в Новосибирске наш кластер информационных технологий – яркий пример, когда в середине 90-ых годов, когда начиналась вся социально-экономическая перестройка, Академгородок пострадал на этом старте больше, чем кто-либо. Перед учеными стоял выбор: либо ехать за рубеж, либо заняться внедрением своих идей. Кластер информационных технологий как раз зарождался – это исследовательский центр. Рядом в Академгородке ведущие кафедры технического университета, университета телекоммуникаций и так далее. То есть все предпосылки, которые обозначаются для кластерного движения, у нас есть. И, собственно, где-то уже к концу 1990-х кластер информационных технологий на основе некоммерческого партнерства мы оформили как «Сибкадемсофт». Значит, было осознание, что нужно самоорганизовываться и идти на рынок.

Одной из первых серьезнейших инициатив в 2001-году был выход к Президенту, в правительство о создании технопарка, в Академгородке Новосибирска; собственно, год назад мы оформились. Была инициатива Правительства, Министерства экономики, и мы решили поучаствовать в конкурсе. Главное достижение — что, когда начали готовить программу, осознали, кто мы есть. Систематизировали свои позиции, обсудили, посмотрели конкурентные преимущества и что нас ожидает. По существу, наш кластер в

середине 1990-ых начинался с нуля. На сегодняшний день ядро кластера – 7 профильных институтов из Академии наук, 3 ведущих университета, более 30 компаний, 2 технопарка, соответствующие агентства, сервисные компании интеллектуальной собственности и так далее. На конец 2011-го года ядро кластера – порядка 4-5 тысяч специалистов. Это, в основном, компании достаточно серьезные – численность превышает 400 человек. Есть и больше, но в основном, это малый и средний бизнес. Перспективы нашего развития и динамика, которую мы показываем за последние 5 лет – а прирост в среднем тысяча-полторы тысячи молодых ребят — включаются, создают новые компании, увеличивается, соответственно, динамика.

Проблемы, которые видим на сегодняшний день в рамках развития нашего кластера: высокая динамика выявила устойчивый дефицит в IT-специалистах. Несмотря на то, что у нас университеты имеют профильные факультеты и ежегодно выпускают порядка двух тысяч специалистов, у нас устойчивый дефицит порядка тысячи специалистов в год. Эта проблема решается за счет дополнительного образования, переспециализации. Одно из предложений, которое в рамках кластеров мы выдвигаем — создание, оформление высшей школы IT на базе наших профильных университетов – как межрегионального центра магистерской подготовки.

Наверное, самый серьезный вопрос, опять же в силу динамики, – комфортабельная среда проживания. Для программистов особенно. Программисты люди мобильные и интернет позволяет им работать в любом месте где угодно, поэтому для них становится основой мотивации даже не зарплата, а именно комфортабельная среда проживания.

Ядро ключевое у нас находится в Академгородке на достаточно сжатой территории. Вот здесь коллега мэр Железногорска говорил о закрытости – то есть, у нас некоторая территориальная ограниченность и одна из главных инициатив, с которой мы выходим — это кластерный город, развитие Академгородка за счет прилегающих территорий. Есть инициативы создания центра оборонных исследований, другие правительственные инициативы. То есть, развитие этой территории и развитие соответствующих сегментов для молодых специалистов, топ-специалистов. Это проблема серьезная, и нам не обойтись без решения некоторых вопросов на федеральном уровне.

С точки зрения перспективы развития, мы имеем с десяток направлений. По некоторым направлениям мы имеем 70 % мирового рынка, где-то 30-40. 5-6-7 направлений, в которых мы доминируем на мировых рынках. Это немало, поскольку ядро IT кластера – это прежде всего продуктовые компании. Перспективу развития мы видим за счет интеллектуализации систем и продуктов, которые созданы и развиваются, и, как минимум, два ключевых направления с точки зрения развития всей мировой экономики, шестого технологического уклада и так далее.

В силу того, что у нас в Новосибирске в Академгородке центр компетенции мирового уровня в области биоинформатики, геномной инженерии, обработки генома человека и так далее, есть серия компаний с соответствующей программной подготовкой специалистов. Здесь необходима федеральная поддержка конкретных проектов в инструментарии, в оборудовании, требуются центры высокопроизводительных вычислений. Мы ставим задачи технологической поддержки нашего кластера в качестве одного из главных. То есть, мы имеем самый крупный суперкомпьютерный центр за Уралом, на базе Сибирского отделения университета – это где-то около двухсот терафлопс, на серьезные задачи, о которых идет речь.

Второй центр компетенции связан с прямыми и обратными задачами. Это серьезные приложения, интеллектуальная математика для решения задач нефтегеологии, здравоохранения, персонализированной медицины и так далее. Формируются малые предприятия и за счет высокой интеграции исследовательских лабораторий наших компаний и университетов – то есть, здесь все необходимые предпосылки есть.

Сегодня на уровне объединенного кластера био— и информационных технологий – таким он образом попал в число пилотных – мы выдвигаем вместе с Сибирским отделением

системный проект кластерного городка, который позволит решить вопросы нашего развития. Организация и координатор нашего кластера – это некоммерческое партнерство «Сибкадемсофт», которому уже более 10-ти лет; это некоммерческое партнерство, координатор. Мы его дополнили созданием совета IT кластера, и несмотря ни на что, работаем в этом отношении. У нас хорошая интеграционная площадка, раз в два года мы проводим форум «Сибирская индустрия информационных систем», куда ежегодно приезжает порядка шестисот специалистов. И как раз обсуждаем наши интеграционные вопросы.

Вопросы, которые хотелось бы задать – можно много говорить о некоторых интересных инициативах. В частности, стоит привести одну. Мы пришли к пониманию необходимости создания специальной компании в рамках кластера — системного интегратора. С тем, чтобы работал над серьезными крупными проектами, межотраслевыми, где выступает кооперация компаний. Чтобы можно было выйти с серьезными стратегическими проектами и к зарубежным заказчикам, и к нашим, внутрироссийским.

Проблемы, на которые хотелось бы обратить внимание: мы начали с взаимодействия с институтами развития. В силу инновационной территории, наличия институтов, технологических компаний, университетов – мы работали и работаем достаточно эффективно и с федеральными целевыми программами, с Фондом Бортника. То есть, когда мы системно организовывались, была серьезная поддержка нашему интеграционному проекту образования и подготовки. Это заложило серьезную основу. И сегодня с Фондом Бортника через созданные представительства идет эффективная работа с рядом федеральных целевых программ, с «Фондом фундаментальных исследований» и так далее. Я подчеркну, что кластерная инициатива, статус пилотных кластеров и то, о чем здесь говорилось, пока никаким образом не сказались на нашей работе. Раз уж есть пилотные инновационные кластеры, значит, инициатива хорошая, разумная; нужно выработать сценарии взаимодействия наших кластерных проектов, инициатив, их легализация, прохождение в федеральных институтах развития. Мы начали говорить «есть стандартная процедура»; наверное, скажем, пример, который приводили здесь сейчас по Томску, по Красноярску. Да, в декабре по 218 Постановлению наша компания «Параллель» с Новосибирским университетом получила грант 300 миллионов на развитие суперсовременной платформы облачных вычислений и хостинга на основе

Вопросы, которые хотелось бы задать – можно много говорить о некоторых интересных инициативах. В частности, стоит привести одну. Мы пришли к пониманию необходимости создания специальной компании в рамках кластера — системного интегратора. С тем, чтобы работал над серьезными крупными проектами, межотраслевыми, где выступает кооперация компаний. Чтобы можно было выйти с серьезными стратегическими проектами и к зарубежным заказчикам, и к нашим, внутрироссийским.

этих достижений. Но это абсолютно благодаря собственной инициативе, собственному пониманию. Но инфраструктурные проекты и особенно те нововведения, где наукоемкое программирование – там высокопроизводительные вычисления и так далее, здесь требуются серьезные федеральные вложения и какая-то сценарная помощь. Сейчас модно говорить про дорожные карты — наверное, это необходимо кластерному движению, чтобы мы осознали опыт, систематизировали и формировали эту дорожную карту хотя бы для самих себя.

Ангаро-Енисейский кластер: тяжело вначале — хорошо в перспективе

Ангаро-Енисейский кластер — инвестиционный проект, нацеленный на создание нового центра социально-экономического развития Красноярского края, путем создания на принципах ГЧП кластера горнопромышленных, лесоперерабатывающих производств, реализующих конкурентный потенциал территории. На сегодняшний день в кластер включено 9 крупных инвестиционных проектов частного бизнеса на общую сумму более 260 миллиардов рублей. Участниками проекта являются как структуры компании федерального уровня — ЗАО «Полюс», группа «Магnezит», «Амикан», «Евросибэнерго», КраМЗ, так и краевые компании — «Кингашская» ГРК, «СиблесПроект», «Новоангарский обогатительный комбинат», «Соврудник». 15 декабря 2012 года инициатор проекта, «Корпорация развития Красноярского края», подала заявку в Минрегион России от имени инвесторов заявка на развитие кластера. Обсуждение экспертов, собравшихся на круглый стол, было призвано послужить окончательной точкой, чтобы приступить к реализации этого амбициозного проекта. Открывая мероприятие, от имени ОАО «Корпорация развитие Красноярского края» с докладом об Ангаро-Енисейском кластере выступил Станислав Мончинский.

— С.С. Мончинский: В настоящее время завершается реализация программы «Комплексное развитие Нижнего Приангарья», которая создала предпосылки для промышленного освоения территории Нижней Ангары и Среднего Енисея. Кроме несомненных положительных экономических и социальных эффектов, которые данная программа несёт в себе, имеются вопросы, которые возникают к системной стороне реализации данного проекта. В соответствии с этим, администрацией Красноярского края принято решение о формировании нового комплексного инвестиционного проекта, получившего название Ангаро-Енисейский кластер. На сегодняшний день это можно классифицировать как попытку методологически и экономически обосновать долговременную программу развития обширных территорий Красноярского края. Можно сказать, что мы продолжаем движение на север. Новый этап развития предполагает создание целого ряда промышленных,

инфраструктурных объектов, строительство промышленных, перерабатывающих предприятий, объектов инфраструктуры за счёт различных механизмов ГЧП, с привлечением Инвестфонда и других механизмов, предусмотренных российским законодательством. Структура проекта на сегодняшний момент гибкая. Содержащиеся в заявке показатели — 216,8 млрд. руб. частных инвестиций, и до 55,7 млрд. руб. государственных инвестиций на принципах ГЧП. На сегодняшний день уже представлены 9 инвесторов, известные компании и в крае, и в стране в целом. Карта-схема расположения объектов показывает, каким образом происходит структурное движение освоения территорий: с правого берега Ангары и по течению Енисея, движение идёт в направлении северных территорий, с освоением месторождений и строительством перерабатывающих производств. Кроме того, у нас есть объекты на юге края: Кингашский ГРК и объект непосредственно в Краснояр-

ске, завод КраМЗ. При этом система формирования кластера не нарушена, потому что все объекты связаны единой системой энергоснабжения, которая базируется на Нижне-Ангарской ГЭС.

На сегодняшний день структура бюджетных инвестиций по инфраструктурным объектам распределена: реализация проекта предполагается с 2013 по 2020 годы. Нагрузку несёт не только федеральный, но и краевой бюджет. Соответственно, движение данных показателей может быть только в том случае, если сюда будут добавлены объекты, которые будут признаны значимыми. Самый интересный момент — это эффект кластера. Ожидается привлечение 210 миллиардов рублей частных инвестиций в экономику края. Мы имеем увеличение налоговых поступлений на 131 миллиард рублей за 10 лет: федеральный бюджет 75,8 млрд. руб., краевой и местный — 55 млрд. руб. Возврат бюджетных инвестиций будет произведён за 8 лет: это хорошие показатели, если не сказать больше. Создаётся около 6,5 тысяч новых постоянных рабочих мест, не считая тех, что создаются в процессе строительства. Мы получаем территорию, обеспеченную транспортной инфраструктурой — получаем доступность правобережья реки Енисей, реки Ангары, юга Саянского района, и расшивку узких мест в сетевой инфраструктуре региона.

В перспективе есть третий пусковой комплекс кластера — это дополнительно 239,2 миллиарда рублей частных инвестиций и возможность привлечения 37,1 миллиарда рублей бюджетных средств в инфраструктурные проекты. На сегодняшний день концепция третьего пускового комплекса находится в работе. В течение года мы подойдём к возможности начать реализацию данного этапа. В настоящее время мы работаем с исполнительными органами Минрегиона, рассчиты-

ваем и на другие механизмы ГЧП, которые в последнее время формируются.

— Хотелось бы предоставить слово представителю Минрегиона, советнику министра регионального развития Сергею Николаевичу Мирошникову.

— С.Н. Мирошников: Программа развития Сибири действительно не пустой звук, а вопрос, интересующий очень многих. Минрегион является федеральным органом, ответственным за деятельность инвестиционного фонда РФ и реализацию проектов инвестиционной направленности. Пример Красноярского края отличается тем, что уже реализует несколько проектов при помощи инвестиционного фонда, и здесь накоплен достаточно хороший опыт в этом направлении. Все приезжающие могли видеть по пути из аэропорта с правой стороны табличку «Новалэнд» — интересный проект, который реализуется с помощью средств инвестфонда и направлен на строительство малоэтажного жилья, комплексную застройку новых территорий Красноярска. С помощью инвестфонда финансировалось строительство транспортной, энергетической, инженерной, социальной инфраструктуры. Это позволило приступить к активному строительству жилья, что мы рассматриваем как один из этапов реализации государственной программы «Доступное и комфортное жильё гражданам России». Социальная, коммунальная инфраструктура позволит построить кроме жилья школу и детские сады, обеспечить жителей Красноярска новым качественным жильём. Это первый опыт использования средств инвестфонда; для нас важна комплексность подхода в этом направлении.

Развитием этих подходов стал второй, очень масштабный проект — комплексное развитие Нижнего Приангарья. Он также реализуется с использованием средств инвестиционного фонда. Проект включает строительство Богучанской ГЭС мощностью 3 ГВт, алюминиевого завода мощностью 600 тысяч тонн в год, Богучанского лесоперерабатывающего комплекса. Инвесторами проекта являлись «Русал», «Русгидро», «Внешэкономбанк»; за счёт инвестфонда построена транспортная и энергетическая инфраструктура. Завершена реконструкция автомобильной дороги, построен мост через Ангару, завершается строительство ЛЭП и подстанции, которая обеспечит подключение Богучанской ГЭС к энергетической системе России; в прошлом году пущены её первые агрегаты. Богучанский алюминиевый завод должен дать первый металл до конца текущего года. Также вступает в действие Богучанский лесопромышленный комплекс, продукцией

которого станут пиломатериалы, клееный брус и шпон.

Хотел бы обратить внимание на комплексность реализации данного проекта. Вновь построенны и реконструированы участки вдоль дороги Канск — Абан, Богучан — Кодаинск; автомобильный мост, а также участок железной дороги Карабула — Ярки. Они послужат не только обеспечению строительства и функционирования объектов проекта, но и улучшат транспортную обеспеченность жителей юго-востока Красноярского края. Обеспечивается доступ на правый берег Ангары, что позволит использовать расположенные в регионе лесные ресурсы, а также дает доступ к месторождениям золота, железной руды, угля, боксита, свинца и других полезных ископаемых. Кроме того, открывается доступ к нефтяным месторождениям юга Эвенкии. Проект имеет межрегиональное значение; его реализация окажет положительное влияние на соседнюю Иркутскую область. Энергию Богучанской ГЭС планируется использовать для выработки алюминия на строящемся Тайшетском алюминиевом заводе, обеспечения надёжности энергоснабжения всего округа. При строительстве объектов были задействованы строительные мощности и промышленные стройматериалы не только Красноярского края, но и соседних регионов, что положительно сказывается на привлечении новых трудовых ресурсов, занятости населения и наполняемости местных бюджетов. Эти подходы мы считаем наиболее важными для реализации новых инвестиционных проектов.

Накопив положительный опыт, Красноярский край презентовал в Минрегионе новый крупный проект Ангаро-Енисейский кластер. Для обеспечения полноценной реализации проекта необходимо обеспечить его транспортной, энергетической инфраструктурой. За счёт инвестфонда планируется строительство нового моста через Енисей, новых участков автодорог на правобережье Ангары и Енисея, строительство новых ЛЭП и подстанций. Не буду говорить о параметрах проекта; для нас важно, он будет иметь мультипликативный эффект не только для Красноярского края, но и для всего региона. Обеспечивается более 20 тысяч рабочих мест на этапе строительства; более 7 тысяч постоянных рабочих мест в ходе эксплуатации. И будет служить привлечению молодых кадров на территорию округа. При реализации мы планируем использовать форму ГЧП и новые способы финансирования, такие как использование будущих налоговых поступлений для возврата вложенных инвестиций. Это потребует более чёткой структуризации проекта,

Хотел бы обратить внимание на комплексность реализации данного проекта. Вновь построены и реконструированы участки вдоль дороги Канск — Абан, Богучан — Кодаинск; автомобильный мост, а также участок железной дороги Карабула — Ярки. Они послужат не только обеспечению строительства и функционирования объектов проекта, но и улучшат транспортную обеспеченность жителей юго-востока Красноярского края. Обеспечивается доступ на правый берег Ангары, что позволит использовать расположенные в регионе лесные ресурсы, а также дает доступ к месторождениям золота, железной руды, угля, боксита, свинца и других полезных ископаемых. Кроме того, открывается доступ к нефтяным месторождениям юга Эвенкии.

привлечения новых инвесторов, выбора их на конкурсной основе и реализации проекта в соответствии с новыми финансовыми механизмами. По нашему мнению, реализация проекта позволит сбалансировать развитие края и раскрыть его экономический потенциал, будет способствовать развитию возможностей соседних регионов. Таким образом, Ангаро-Енисейский кластер станет локомотивом в развитии Сибири.

— Попросим выступить инициатора и идеолога проекта, заместителя губернатора Красноярского края, заместителя председателя правительства Красноярского края Андрея Гнездилова. Как вам это пришлось в голову и что нам с этим делать?

— А.А. Гнездилов: Это серьёзная совместная работа многих присутствующих здесь, а также ещё десятков человек. Проект очень системный, серьёзный. Нам действительно приятно услышать положительную оценку Минрегиона; имея такую поддержку, проект будет активно развиваться и дальше. Я сконцентрируюсь на социальных вопросах реализации проекта. Для нас как для территории важно, как будет развиваться социальная инфраструктура и территория в целом, как будут решаться вопросы занятости. У Сергея Николаевича прозвучал анализ ситуации, связанный с развитием проекта Нижнего Приангарья. Действительно, проект развивается, но в целом потенциал этой территории больше. По нашей оценке, потенциальная стоимость запасов природных ресурсов территории — 70 трлн. руб. — то есть нам ещё работать и работать.

Строительство и реконструкция автотранспортного сообщения призвана обеспечить круглогодичную транспортную доступность для населённых пунктов и предприятий правобережья рек Енисей и Ангары, общей численностью около 50 тысяч человек. В настоящее время сообщение осуществляется через речные переправы, а в зимнее время — по льду; по 2-3 месяца судоходство и переправа невозможны. Основным видом транспорта для населения в это время, в экстренных случаях, становится только авиация. Естественно, в целях ликвидации этих проблемных вопросов нами запланировано строительство и реконструкции более 640 км дорог. При этом работы по развитию инфраструктуры Ангаро-Енисейского кластера ведутся уже опережающими темпами. По заказу управления автомобильных дорог разработана проектная документация на один из объектов Ангаро-Енисейского кластера, переход через Енисей в районе посёлка Высокогорский; проект прошел госэкспертизу. Нас ничто не сдерживает начать работы в течение этого или следующего года; на днях будет объявлена конкурсная процедура на заключение контракта по выполнению проектно-изыскательских работ по первоочередным объектам транспортной инфраструктуры, которые имеют производственное и социальное значение.

Действующая электросетевая инфраструктура не позволяет предприятиям качественно развиваться, приводит к частым остановкам производства; теряется энергоснабжение в жилом секторе, на объектах соцкультбыта. Строительство новых объектов электросе-

тевой инфраструктуры позволит обеспечить стабильное бесперебойное электроснабжение населённых пунктов. В инвестпрограммах наших участников помимо создания объектов производственной инфраструктуры заложена и социалка: вахтовые посёлки, общежития, детские сады. Многие предприятия закладывают расходы на обучение, повышение квалификации.

К упомянутым 20 тыс. рабочих мест на этапе строительства, и 7 тыс. на этапе эксплуатации, появится ещё до 20 тыс. рабочих мест в обслуживающих отраслях — таких как транспорт, торговля, соцкультбыт. То есть мы получим масштабный эффект для территории. Повысится качество жизни населения, сократится отток трудоспособного населения. Реализация проекта позволит повысить уровень экономического развития Нижнего Приангарья и Саянского района, ликвидировать дотационность районов. Прямые налоговые доходы консолидированного бюджета Красноярского края от реализации проекта на период до 2021 года составит более 55 миллиардов рублей; ежегодные дополнительные поступления в бюджет региона составят до 13 миллиардов рублей к концу завершения проекта.

Созданная инфраструктура послужит основой для создания и реализации новых инвестиционных проектов. В районах реконструкции и строительства объектов автотранспортной, электросетевой инфраструктуры имеются перспективы месторождений, неосвоенные лесные ресурсы. В том числе есть рудные месторождения, золото, другие драгоценные металлы, железо, цинк, никель, медь, кобальт, редкоземельные элементы. Это позволит нам создавать и воспроизводить новые инвестиционные проекты. Таким образом, будем продолжать работать, чтобы подобные проекты служили основой для развития Сибири в целом.

— На территории края реализуются несколько проектов ГЧП. Крупнейшие: Богучанская ГЭС, алюминиевый завод. С «Норникелем» был реализован проект «Бобрый Лог». В 2012 году нашему Богучанскому кластеру были предоставлены налоговые льготы. Инвесторам нужно иметь в виду, что условия здесь благоприятны. Предоставляю слово Алексею Текслеру, управляющему директору Красноярской бизнес-единицы ЗАО «Полюс».

— А.Л. Текслер: Я представляю крупнейшую золотодобывающую компанию страны. В прошлом году мы добыли более 52 тонн — больше четверти всего золота, производимого в стране. Из них более 70 % добыто на территории Красноярского края, в Северо-

Енисейском районе, в районе посёлка Еруда. Наше крупнейшее месторождение Олимпиадинское было открыто в канун Московских олимпийских игр. Первая золотоизвлекательная фабрика на Еруде появилась только в 1996-м, в постсоветское время. С тех пор построены четыре золотоизвлекательных фабрики. Мы разрабатываем три крупнейших месторождения в нашей стране. Компания бурно и активно развивается. Естественно, всегда были определённого рода ограничения и проблемы, связанные с таким развитием — в первую очередь транспортная. Дорога между Лесосибирском и Северо-Енисейском в основном построена силами «Полюса» в 90-е годы, когда компания начала активно развивать производство. Также компания всегда испытывала энергетические проблемы; половину мощности, необходимой нам для производства, мы генерируем сами: у нас две дизельные и две угольные тепловые электростанции. Соответственно, из 120 мегаватт, которые нам нужны, половину мы производим сами. Причём стоимость при пересчёте на квт/ч в 3 раза дороже, чем покупная электрическая энергия, которой нам не хватает. Все эти ограничения сдерживали и сдерживают развитие компании, несмотря на такой активный, бурный рост, о котором я сказал.

Если переходить к Ангаро-Енисейскому кластеру, у нас есть проект, который сегодня находится в Главгосэкспертизе. Компания, в случае снятия определённых ограничений, о которых позже, готова этот проект развивать. В первую очередь это энергетика; мы не предусматриваем новых энергетических мощностей, но нам нужна ЛЭП. Вместе с ФСК мы работаем над этим вопросом, проект готов; ожидаем объявления конкурса на строительство ЛЭП между подстанцией Раздолинской, и подстанцией «Тайга», которая будет построена силами ФСК недалеко от нас. Это позволит нам заниматься развитием Богодатенского ГОКа; сегодня это 6,5 миллионов переработки руды и 12 тонн золота; мы планируем производить больше на 4 т после расширения на 2 млн т в пересчёте на переработку. Если проект будет одобрен на уровне правительства, это придаст нам и всему региону новый дополнительный импульс: дополнительные рабочие места, налоги. Что касается в целом развития и нашего отношения к таким инициативам правительства, мы — крупный бизнес и являемся драйверами, локомотивами индустриального развития; так же и «Роснефть», и «Норильский никель». Потенциал региона неисчерпаем; сегодня нужно говорить о новой индустриализации Сибири. Основные направления экономической политики государства — такие

как инновации, технологическое лидерство, развитие высокотехнологических отраслей — важны, но не заменят развитие нашего конкурентного преимущества. Мы богаты ресурсами и должны понимать, что развивая наши природные богатства, мы таким образом активно участвуем, в том числе и в инновационном развитии. Сегодня наша Богодатенская фабрика, четвёртая по счёту — лучший горно-металлургический проект в России, и одна из лучших фабрик в мире. Это полностью автоматизированная фабрика, мы можем управлять ею из любой точки мира, из любой точки страны. Она отвечает самым высоким стандартам производительности труда. У нас реализована масса других инновационных технологий, и мы продолжаем этим заниматься. То есть, если мы говорим об индустриализации, это не значит, что мы не говорим о развитии высоких технологий. Более того, и нефтегазовая, и горно-металлургическая отрасли — сегодня одни из самых инновационных; они во многом и позволяют развивать инновации в стране. Поэтому мы горячо поддерживаем инициативы правительства края, и надеемся, что будут приняты необходимые решения на уровне федерального правительства. Это позволит активно развивать территории не только крупным, но и средним, и мелким бизнесом.

— Уместно вспомнить, что у нас развивается инновационный кластер в Железногорске. Мы рассчитываем, что развитие Ангаро-Енисейского кластера, и инновационного кластера в Железногорске, промышленных парков, послужит кумулятивным эффектом. Слово Евгению Фёдорову, генеральному директору ООО «Евросибэнерго».

— Е.В. Фёдоров: Мы крупнейший производитель электрической энергии в Сибири; наши основные активы — это Иркутскэнерго и Красноярская ГЭС, которые производят 40 % электроэнергии всей Сибири — что составляет порядка 10 % генерации в РФ. Основные наши активы — это гидроэлектростанции, в том числе вторая и третья в России по установленной мощности — Красноярская и Братская ГЭС. Также это Усть-Илимская ГЭС и Иркутская ГЭС. Все станции расположены на Ангаро-Енисейском каскаде. Хотел бы поблагодарить администрацию края; приятно, когда власти не ждут у моря погоды и не призывают инвесторов к социальной и политической ответственности, а пытаются помочь, чтобы задуманные проекты были экономически эффективны и приносили успех всем сторонам в этих проектах.

Расскажу о предпосылках, почему строительство Нижне-Ангарской ГЭС является

необходимым элементом для дальнейшего эффективного развития края. Прежде всего, это прогнозируемый спрос на электрическую энергию. Мы ожидаем, что динамика спроса на электрическую энергию будет существенно опережать ту динамику, которую мы видим в РФ. В зависимости от консервативного или базового сценария, этот рост составит от 2,1 до 2,6 % до 2020 года. Мы ожидаем, и для этого есть все предпосылки, что до 2020 года будет реализован целый ряд крупных энергоёмких проектов. Упомянутые здесь Богучанский, Тайшетский алюминиевые заводы, ещё целый ряд проектов находятся в стадии реализации. В то же время, прогноз ввода генерирующих мощностей — существенное отставание от прогнозных темпов роста. Уже до 2020 года сложится дефицит энергии. Из проектов, которые реализуются либо планируются к реализации в ближайшее время — это Богучанская ГЭС, 3 ГВт, Березовская ГРЭС 1,8 ГВт, и уже реализованный проект Красноярская ТЭЦ-3, 185 МВт. Есть и ряд других проектов, но и этого к сожалению, недостаточно. Мы имеем средние темпы прироста генерирующих мощностей в энергосистеме Сибири всего 1,5 %, тогда как дефицит, который сложится к 2020 году при реализации энергоёмких производств, и при вводе намеченных генерирующих мощностей, составит от 4,5 до 7 гигаватт. На наш взгляд, Нижне-Ангарская ГЭС, которая является составной частью проекта — лучшая альтернатива для покрытия перспективного спроса на электрическую энергию.

Несколько слов об этой станции. Предполагается, что станция будет располагаться в Мотыгинском районе Красноярского края на Ангаре; это пятая ступень Ангарского каскада. Первые три станции были запущены ещё в советские времена: Иркутская, Братская, Усть-Илимская. Богучанская ГЭС была запущена в 2012 году; данная станция является пятой в каскаде. Её установленная мощность в районе 1,1 ГВт. Ожидаемый объём инвестиций, которые необходимо осуществить, порядка 49 млрд. руб. На некоторых характеристиках электростанции остановлюсь. Станция имеет очень высокий для ГЭС коэффициент использования установленной мощности (КИУМ) за счёт зарегулированности реки Ангары, в силу наличия вверху уже построенных ГЭС: почти 7 тысяч часов. Это, скорее, свойственно для тепловых электростанций, работающих в базовом режиме. НПУ — нормальный подпорный уровень — составит 127 м, расчётный напор около 26 м. Предполагается, что будет установлено 10 гидроагрегатов, с уставной мощностью каждого порядка 110 МВт. Эта гидроэлектростанция строится, чтобы по-

крыть нагрузку в районе новых производственных мощностей. Всё это определяет высокую востребованность Нижне-Ангарской ГЭС, и к 2020 году только непосредственно район Нижнего Приангарья дополнительно будет потреблять почти 900 МВт. Буквально несколько слов на предмет соответствия данного проекта решению правительства РФ. Я бы хотел отметить, что данная станция включена в генеральную схему размещения объектов электроэнергетики до 2030 года, в концепцию промышленной политики Красноярского края до 2020 года.

В завершение хотел бы подтвердить заинтересованность нашей компании в реализации проекта, ещё раз поблагодарить администрацию Красноярского края, коллег из Минрегиона, и отметить, что в данный момент мы готовимся к проведению проектных работ, объявлен конкурс на разработку Декларации о намерениях по строительству ГЭС. Это достаточно долгий и скрупулёзный процесс, который мы планируем начать уже в ближайшее время.

— **Гуриев Владимир Валерьевич, генеральный директор ООО «Новоангарский обогатительный комбинат».**

— В.В. Гуриев: Наше предприятие стабильно и динамично развивается, особенно последние 5 лет. Мы увеличили мощность добычи и переработки с 200 тыс. т до 2,5 млн. т. Численность выросла с 375 до 2 тысяч рабочих. Предприятие осуществляет социальную политику: мы заложили три жилых дома, 90 квартир к лету будем заселять. Закладываем ещё три дома, также за счёт предприятия.

В рамках подготовки проекта развития Ангаро-Енисейского кластера мы выходили с предложением включить социальные объекты; в рабочем порядке будем продолжать работу. Перспективы у предприятия огромные: мы провели электросъёмку, и обнаружили, что наше рудное тело «вынырнуло» на правой стороне Ангары. Поэтому очень своевременное решение о строительстве моста в районе Высокогорский, который проведёт дорогу в Партизано — Раздолинский рудный узел. В будущем уже в развитии Ангаро-Енисейского кластера третьей очереди мы будем рассматривать проект строительства ещё одного свинцово-цинкового комбината с полным завершённым циклом до получения металлических свинца и цинка. Скорее всего, нам потребуется и железная дорога, поскольку появится серная кислота, и огромные объёмы перевозок.

— **Я хотел бы услышать мнение Кармазиной Раисы Васильевны, вы общаетесь с людьми; есть ли изменения?**

— Р.В. Кармазина: Недавно приехала из этого региона; была в Енисейске, Енисейском районе, Лесосибирске, Абалаково, Казачинском районе. Что отрадно? Если раньше люди требовали какой-то помощи, какое-то было беспокойство, то сейчас главный вопрос — что впереди, как мы будем развиваться. Беспокоит в том числе нестабильная международная обстановка в Азии — Египет, Сирия, Ливия. Лесосибирск был основным экспортёром пиловочника в эти регионы, объёмы падают. Жители обеспокоены, будет ли вообще существовать Лесосибирск, развиваться Енисейский район, Енисейск. Мы понимаем, что основные работодатели — это лесники. Поэтому Ангаро-Енисейский кластер необходим — это связано с социальными вопросами, занятостью. Потому что не секрет, если посмотреть тот же Енисейск — наша культурно-историческая православная Мекка. Поэтому очень важен мост. Богучанская ГЭС началась в советское время; слава Богу, тоже закончили; край и вся Сибирь получают этот толчок. Важна транспортная доступность; до Северо-Енисейска по той разбитой дороге, что отсыпалась в советское время, передвигаться зимой очень опасно: много случаев, когда граждане просто гибнут, как было на Дороге жизни в блокадном Ленинграде. Мне приятно услышать, что результатов мы добились — то есть экономические форумы не проходят бесследно.

— **Интересно мнение предприятия, может, не столь крупного, нашего регионального, краевого. Я предоставляю слово Гайнутдинову Рафаилу Ишмуратовичу, генеральному директору ООО «Соврудник». Какие ожидания у вас, у компании? И что вы планируете сделать?**

— Р.И. Гайнутдинов: Действительно, мы поддерживаем программу реализации по Ангаро-Енисейскому кластеру; являемся вторыми по добыче металла в крае и девятыми в России. Основная проблема — дорога, которая у нас будет строиться; будет решен и вопрос электроэнергии, ФСК планирует к 2016-2017 году подать необходимый объём. Эти вопросы будут закрыты. В рамках Ангаро-Енисейского кластера все производственные проблемы, много лет мучали компании, работающие на территории реализации Ангаро-Енисейского кластера, будут решены. Дальше уже наши заботы: будем работать, расширяться, увеличивать налоговые отчисления. Существует ещё проблема именно социального характера. Кажется, есть уверенность, что и эти вопросы можно решать. Это, действительно, детские сады, школы: ведь плани-

руется появление 6,5 тысяч рабочих мест. Важно развитие малой авиации, о чем пока не услышал. Доставка металла с наших месторождений осуществляется самолётами в Красноярск для последующего аффинажа на заводе цветных металлов. Два рейса, летающие в Северо-Енисейск — этого недостаточно. Хотелось бы в перспективе обратить внимание и попросить оказать нам содействие в улучшении этой ситуации. Что касается всего остального, дай бог, чтобы правительство поддержало нас, наш комплексный инвестиционный проект. Мы начали работать уже в его рамках, и всем будет от этого только полезно: он касается не только Красноярского края, а проект всей РФ.

— В.М. Долженко, председатель Общественной экологической палаты края: Конечно, проект очень интересный, нужный для региона, но вызывает массу вопросов. Озвучу те, что будут интересовать общественность. Как планируется организовать контроль государства над соблюдением природоохранных мероприятий, прежде всего сбережения природы? Насколько глубокая планируется переработка на местах и в крае добытых ресурсов? И вопрос господину Фёдорову, и другим инвесторам, которые будут использовать ресурсы: насколько вы будете заботиться о том, чтобы не только вы получали дивиденды и прибыли от этих проектов, но и население? Я уже достаточно долго живу и помню, когда строилась Красноярская ГЭС, обещали, что для населения электроэнергия будет бесплатная.

— А.А. Гнездилов: Очень правильный вопрос. Естественно, он был и остаётся в сфере нашего повышенного внимания. Александр Симановский, возглавляющий профильный комитет по природным ресурсам, экологии, постоянно этот вопрос поднимает и все перечисленные здесь проекты предельно рассматривались, в том числе и с этой точки зрения. Государством установлена соответствующая процедура по принятию решения, подготовке проектной документации, её экспертизе. Помимо этого, в крае действует недавно принятый закон о проведении дополнительных мероприятий в виде публичных слушаний по оценке воздействия. Естественно, все эти процедуры будут проходить под нашим неусыпным контролем и вниманием. Помимо этого мы будем рассматривать экологические вопросы данных инвестпроектов со всеми общественными, экологическими организациями, как мы сейчас это делаем при строительстве нефтепровода Куюмба — Тайшет.

Государственно-частное партнерство: время синергии

Участники дискуссии, посвященной государственно-частному партнерству, поделились мыслями о том, что можно улучшить в этом механизме — по крайней мере, его отраслевым, транспортном срезе. Министр транспорта РФ Максим Соколов задал тон обсуждению, рассказав об основных приоритетах развития, которые стоят перед транспортом России, об основных векторах транспортной политики.

— М.Ю. Соколов: В первую очередь хотел бы в рамках Красноярского экономического форума обновленную транспортную стратегию — документ, который Минтранс представил в рамках «транспортной недели» в декабре прошлого года. Сегодня мы продолжаем обсуждение в том числе на открытых площадках экспертного совета, общественного совета, общественной палаты РФ. Понятно, что реализовать эту стратегию можно лишь используя все механизмы и внебюджетные источники финансирования, существенность которых как раз проявляется в формате ГЧП. В Красноярск я прилетел из Алтайского края, где проходила международная конференция по ГЧП в автомобильном строительстве. Все понимают, что транспортная стратегия — это основной документ, который определяет направление развития всего транспортного комплекса страны. Своевременно она была подготовлена в обновленном виде, поскольку у нас продолжается процесс формирования государственных программ, в том числе по развитию транспортной системы до 2020 года — определяются инструменты бюджетного планирования. Стратегия опирается на утвержденную Правительством в декабре 2012 года государственную программу, и корреспондируются в пределах 2020 года. С момента начала работы нового кабинета министров необходимость создания или обновления транспортной стратегии была обозначена; действовавшая ранее была принята в 2008-м, но он оказался предкризисным, и сегодняшние реалии существенно отличаются от тех, что были в 2008 году. Это не столько кризисные события, сколько формирование новых направлений основных грузопотоков, изменение потребительского спроса, требований к качеству транспортных услуг, и ряд других новых реалий. Россия вступила в ВТО, с прошлого года мы живем в рамках единого таможенного союза, и единого экономического пространства.

Сегодня уже говорилось, что основной задачей перед транспортным комплексом является увеличение транспортной подвижности населения. Сейчас она не высоких уровнях; примерно 7 тысяч км на одного человека в год. Немало участков, ограничи-

вающих провозную способность на железных и автомобильных дорогах. В режиме перегрузки эксплуатируется более четверти федеральной автомобильной сети — практически все участки дорог, примыкающие к крупнейшим городам России. В выступлении Председателя Правительства говорилось о необходимости развития местных и региональных авиалиний. Поэтому представленная стратегия (она есть на сайте Минтранса, мы ее направили всем общественным союзам, представителям бизнес-сообщества) является развернутым ответом на поставленные перед отраслью задачи. Проект исходит из прогноза социально-экономического развития страны до 2030 года. Там описано несколько сценариев: инновационный, консервативный. Вне зависимости от них есть ряд общих предпосылок — мы планируем, что к 2030 году показатель мобильности населения вырастет как минимум в два раза, до 15 тыс. пассажирокилометров на человека в год. Это уровень мировых показателей развитых стран. Безусловно, разные сценарии развития — инновационный, консервативный — требуют разного ресурсного обеспечения; разница финансирования составляет примерно половину от общей суммы затрат. Ключевым сценарным условием является объем бюджетных ассигнований. Консервативный сценарий

составлен под наиболее жесткие бюджетные ограничения, и предполагает выбор узкого перечня приоритетных направлений. Инновационный вариант нацелен на ускоренное и сбалансированное развитие транспортного комплекса страны. Следует помнить, что транспорт является мультипликатором роста отраслей промышленности и вообще экономики, в том числе региональной.

Хочу обратить внимание на сравнительные результаты, ожидаемые в рамках ключевых целей стратегии. Первой из поставленных целей (их всего 6) является формирование единого транспортного пространства России. Это переход к полноценной сетевой структуре железных и автомобильных дорог, и полицентрической модели пространственного развития страны. Во-вторых, это формирование выделенной инфраструктуры скоростных железнодорожных линий — порядка 9 тыс. км скоростных магистралей можно реализовать к 2030 году; также высокоскоростных железнодорожных магистралей — порядка 3,5 тыс. км. Они позволят не только повысить мобильность, но и высвободить занятые сегодня резервы для перемещения по железной дороге грузовых потоков. В автомобильном комплексе планируется обеспечить разумный баланс между потенциалом дорожной сети и ростом автомобильного парка, прежде всего в круп-

Мы планировали к 2030-му году по отдельным видам транспорта выйти на сокращение выбросов от 24 до 50%. Предусмотрена энергоэффективность, соответствующая международным стандартам, предусматривается использование более экологичных видов топлива. Проектом стратегии также определены механизмы реализации, которые предусматривают создание конкурентоспособной институциональной среды, прежде всего, для ведения транспортного и логистического бизнеса, в том числе ГЧП, концесий и контрактов жизненного цикла. Кстати, два слова о строительстве моста через Лену. Мы впервые в практике планируем использовать разрешенный теперь ФЗ-115 механизм контракта жизненного цикла, и на этом проекте откатать эту схему работы.

ных городах. Здесь есть о чем поговорить, и это тема отдельного выступления. Важнейшая инициатива – это активизация использования внутренних водных путей. Сегодня у нас внутренние водные перевозки составляют лишь четверть от объема, что перевозился к началу 1990-х. В совокупности, все эти мероприятия позволят кардинально повысить коммерческие скорости доставки грузов: железнодорожным транспортом на треть, автомобильным — в два раза; внутренним водным транспортом — порядка 60%. Вторая цель стратегии – обеспечение доступности и качества транспортно-логистических услуг, в первую очередь в области грузовых перевозок на уровне потребности развития экономики страны. Начиная с прошлого года, в рамках реализации заложенных в эту стратегию идей, начата реализация таких значимых проектов, как строительство новых портов на полуострове Ямал, на Тамани, на Балтийском море в порту Бронка. Идет проектирование моста через реку Лена в Якутии, что важно для развития транспортной инфраструктуры Сибири и Дальнего востока. Также осуществляется развитие железнодорожных подходов к портам Северо-Запада и Черноморского побережья. Планируем реализовать масштабные проекты по полной модернизации БАМа и Транссиба, обеспечение судоходства по Северному морскому пути.

Третья цель – это обеспечение доступности и качества транспортных услуг для населения. В стратегии введен термин «гуманизация транспорта». Новой редакцией транспортной стратегии впервые предусмотрено регулирование вопросов, связанных с функционированием и развитием городских агломераций, предусмотрено увеличение территориальной связанности страны, значительно повышается транспортная доступность для инвалидов и других маломобильных групп населения. Мы не делали до этого акцент ранее, и справедливо, что такой тренд заложен в новой обновленной стратегии.

В рамках четвертой цели по интеграции в мировое транспортное пространство и реализации транзитного потенциала страны по обоим сценариям будут выполнены ключевые мероприятия по реализации конкурентного потенциала России в сфере транзита и экспорта транспортных услуг, который должен вывести в 1,8 раза, как сказал Председатель правительства, и это нашло свое отражение в этой стратегии.

Следующая цель – это повышение уровня безопасности транспортной системы. Безопасность, вне зависимости от консервативного или инновационного сценария, будет главным приоритетом, и ее финансирование

не будет снижено или идти в ущерб другим целевым показателям.

Наконец, шестая цель, тоже соответствующая современным трендам — снижение негативного воздействия транспортной системы на окружающую среду. Мы планировали к 2030-му году по отдельным видам транспорта выйти на сокращение выбросов от 24 до 50%. Предусмотрена энергоэффективность, соответствующая международным стандартам, предусматривается использование более экологичных видов топлива. Проектом стратегии также определены механизмы реализации, которые предусматривают создание конкурентоспособной институциональной среды, прежде всего, для ведения транспортного и логистического бизнеса, в том числе ГЧП, концесий и контрактов жизненного цикла. Кстати, два слова о строительстве моста через Лену. Мы впервые в практике планируем использовать разрешенный теперь ФЗ-115 механизм контракта жизненного цикла, и на этом проекте откатать эту схему работы. Также впервые в стратегии предусмотрено формирование и регулярное ведение транспортного баланса на национальном и региональном уровне как основы предсказуемого стабильного развития бизнеса. И актуально выстраивание системы долгосрочного гарантированного финансирования проектов, в том числе за счет использования механизмов дорожного и инвестиционного фондов. Надо думать и над другими механизмами, которые позволят обеспечивать обязательства государства в долгосрочной перспективе.

Про ГЧП говорить не буду; все участники смогут высказаться на эту тему. Важное значение будет иметь создание специализированных институтов финансирования и механизм проектного финансирования при реализации крупных инфраструктурных проектов. Реализация таких проектов будет характеризоваться следующими особенностями. Во-первых, значительными срокам окупаемости и большими объемами финансирования. Сегодняшнее бюджетное ограничение нам не позволяет вести эту реализацию в том объеме, как требует экономика. Существующая инфраструктура, к сожалению, не обеспечит с точки зрения провозной способности даже 5% рост ВВП. Мы в этом должны отдавать себе отчет, и повышая производительность, улучшая использование существующей инфраструктуры, все-таки должны думать о развитии. Необходимо делать это за счет привлечения дополнительных долгосрочных средств, как заемных, так и от инвесторов.

В рамках государственно-частного партнерства может использоваться комбинация государственных средств, бюджетных гаран-

тий, и средств частных инвесторов в различных формах. Где-то мы предполагаем, что за счет вложения исключительно бюджетных инвестиций в инфраструктуру будет приход на проекты, окупаемые исключительно частных средств — как, например, в портовой инфраструктуре. Порт Тамань — порядка 47 млрд. руб. вложений в обустройство подходного канала; мы планируем, что до 70 млрд. будет вложено частных инвестиций в создание логистических комплексов и терминальных мощностей. Формы сочетания бюджетных и внебюджетных инвестиций могут быть разнообразными.

Объединение потребностей инфраструктурных проектов, возможностей пенсионных фондов обеспечит существенную выгоду для компаний, населения, и государства, поскольку не только привлечет дополнительные инвестиционные ресурсы, но и привнесет новую технологию управления в транспортный комплекс, а стало быть, современные стандарты производительности труда. Помимо пенсионных фондов целесообразно рассматривать в качестве возможных финансовых источников еще и средства страховых компаний.

Несколько слов о региональной авиации. Мы находимся в одном из самых больших федеральных округов, и в настоящее время в нескольких форматах обеспечиваем поддержку развития региональной авиации. Но этого недостаточно. Поддержка идет по субсидиям населения свыше 60 лет и до 23 (для женщин – 55 лет) Дальнего Востока и городов Сибири. В эту программу недавно попал и Кызыл. Есть программы субсидирования региональных авиаперевозок между субъектами РФ по четырем федеральным округам, это Дальневосточный, Сибирский, Уральский и Северо-Западный. Ряд пилотных проектов мы уже запускаем весной этого года. Необходимые средства на поддержку региональной авиации в бюджете имеются; в трехлетней перспективе эти средства в размере 5 млрд. руб. ежегодно, и мы нацелены на максимальное эффективное их использование.

Буквально два слова об основных итогах реализации стратегии и короткое завершающее слово. Повышение подвижности населения достигнет 15 тыс. км — это в 2,4 раза выше показателя 2010 года. При этом авиационная подвижность увеличится в 2,5 раза. Мы должны добиться обеспечения круглогодичной связи всех сельских населенных пунктов, которые имеют перспективы развития, а также сократить долю населения, не обеспеченного доступом к услугам авиатранспорта общего пользования с 10% до 2% к 2030-му году.

Общезакономерными итогами реализации транспортной стратегии являются обе-

спечение запланированных темпов роста ВВП, снижение удельных транспортных издержек в цене продукции к 2030 году на 30%, увеличение коммерческой скорости передвижения товаров и обеспечение стимулирования интенсивного развития смежных отраслей экономики. Что касается производительности труда, мы планируем, что среднесуточные объемы перевозок пассажиров возрастут в 1,7, а грузов в 2 раза. Будет достигнуто снижение на треть энергоемкости транспорта. Доля российских перевозчиков в объеме международных автомобильных перевозок возрастет до 50% к 2030 году. Таким образом, достижение цели транспортной стратегии, не только обеспечит удовлетворение потребностей инновационного и социально ориентированного развития экономики, но и даст возможность активного прихода инвестиций в транспортный комплекс, в том числе через механизм ГЧП. До 2020 года мы планируем, 12,5 трлн. инвестиций в целом, из которых 5,3 трлн. — за счет внебюджетных источников. Это касается не только инфраструктуры, но и подвижного состава. Если же говорить о транспортной стратегии до 2030 года, мы планируем увеличение до 100 трлн. Руб., из которых примерно половина будет получена за счет частных инвестиций.

— *В развитие темы мобильности и пропорции разных видов транспорта, хотелось бы услышать мнение Михаила Блинкина. Где видится новая межрегиональная мобильность? Прозвучало, что авиационная мобильность вырастет в 2,5 раза — но может быть, за счет уменьшения других видов транспорта?*

— М.Я. Блинкин: Если мы механически увеличим мобильность с 7 до 15 в тех же форматах и пропорциях, которые существуют

сегодня, у нас будет безлюдная территория русской равнины и затор до границ московской области. Этого ужасика, безусловно, не будет: впервые в транспортных документах федерального уровня заложен принцип полицентричности. Сегодня происходит очень скверная вещь с любой точки зрения. Авиаторы постоянно говорят, что авиационная работа образца 1985 года делилась так: 25 % московский узел, 75 % все остальное; сегодня — ровно в обратной пропорции. Если захотим перелететь из Перми в Екатеринбург, будет предложено 12 вариантов через Москву, и ни одного прямого. То есть, когда мы говорим, что мы увеличим авиационную мобильность, то понимаем: если считать «по корешкам билетов», регулярно летают в лучшем случае 7 — 8 млн. населения, 5%; даже называют цифру 3 %.

Абсолютное большинство населения страны в авиационном смысле неподвижно; это архаичская мобильность эпохи живой тяги. Мы обязаны быть оптимистами, потому что такое положение просто не может сохраниться. Дальше, в абсолютном объеме будет расти автономная мобильность домохозяйства — частные автомобили; здесь наука совпадает с бизнесом, который торгует и производит автомобили. И принципиально новое — инновационная компонента, связанная с современными рельсовыми системами как в дальнем, так и миграционном сообщении. Этот тренд, с учетом наших пространств, неизбежен — поскольку совпадает с мировыми тенденциями; просто это произойдет быстрее или чуть медленнее, но «железно».

Что мы будем иметь? Пример американской мобильности — 28 тыс. пассажирокилометров на душу населения, из них три четверти — легковыми автомобилями, оставшаяся

четверть делится между авиацией и остальными. Этого у нас не будет, но выдержать мобильность на уровне 15 тыс. км, из которых где-то 8 будет автономная мобильность домохозяйств, а остальное будет делиться с большим ростом авиационной и современной железнодорожной компонент.

Два слова по поводу ГЧП. Я не верю в складочные варианты — что в проект приходят деньги и государственные, и частные. Проекты ГК Автодор все устроены так, но если брать цифры, а не феномен (хороший и правильный, мы его приветствуем двумя руками) — то цифры показывают, что все-таки государственная доля чрезмерно велика. То есть «Ч» присутствует не густо. А вот варианты синергии изумительно хороши. Судходный бизнес говорит, что если у нас будут на двадцать лет гарантированные глубины, то бизнес берет кредиты, закупает суда и начинает работать. Государство выступает как гарант, что будут поддерживаться фарватеры.

— **Вы сказали об увеличении полицентричности; что первично: транспортная доступность или экономические предпосылки?**

— Блинкин М. Я.: Это тяжелая история про яйцо и курицу; я даже беру не пассажиров, у которых есть свобода воли. Обычный морской контейнер, в котором везут товары народного потребления: на Пермь грузовую или в Свердловск? Наши замечательные логисты везут его вокруг света, через Индийский океан, Средиземное море, Гибралтар, Северные моря до порта Котка. В порту Котка мы перегружаем его на трайлер и везем грузовичком через Санкт Петербург, Москву в Пермь. Это не от дурасти, а так сегодня дешевле и надежней Just in time. Пусть это 20 суток — но не потерянный контейнер. И если считать формально по контейнерным, пассажирским, обывательским трафикам — то все дороги надо строить в 50-ти км от Москвы.

— **Александр Сергеевич, маршрут Екатеринбург — Пермь вам знаком и как губернатору, и как железнодорожнику. Какова возможная конкуренция между железнодорожным транспортом и авиaperевозками? Какова роль ГЧП, откуда брать деньги на программы, о которых говорил министр?**

— А.С. Мишарин: Транспортная стратегия — это комплексный документ, но я хочу выступить эмоционально, отойду от классики и скажу несколько слов, потому что у нас в стране эта тема обсуждается нудно. Её надо реализовывать, а не говорить; нужны пилотные проекты. Начну с региональной авиации. Мы начали этот проект в Екатеринбурге, установили уникальную ставку — рубль за километр, чтобы поднять поток, и только-только начали раскручивать эти перевозки. Сейчас этот проект реализуется и в Московском транспортном узле. Наверное, все были в Москве; лишь 15% процентов пассажиров приходится на все пробки. 26 % метро, 22 % — электричка и остальное городской транспорт. Чтобы удвоить пассажиропоток в каждом виде транспорта, в автомобильные дороги нужно вложить 3,5 триллиона в московском узле, в железную дорогу около 600 млрд. и в метро тоже около 600 млрд. Можете сравнить эффективность каждого рубля на пассажира. Поэтому развитие рельсового транспорта становится уникальным для каждой агломерации, не исключение и Красноярск, который имеет уникальное кольцо вокруг города — только нужно сделать остановочные пункты и сделать остановки. Скорость доставки пассажиров, мне показали цифры, будет в 2-4 раза быстрее, чем на существующей автобусной сети. Есть общемировые тренды, которые мы должны учитывать. Все государства действительно начали развивать общественный транспорт, в силу реальных экономических процессов. Автопром работает, человек получает мобильность. В стратегии введён коэффициент «гуманитарности», мы впервые начали говорить о соотношении пассажирооборота к грузообороту. В России он сегодня 0,4, включая личные автомобили. В Соединённых штатах

он 1,3, в Европе 3. Это говорит о том, какой имеется невосполненный, индуцированный спрос, — он минимум в 3-4 раза не удовлетворён транспортной системой.

Следующая тенденция: есть классические конкурентные преимущества различных видов транспорта. Реальный автомобиль — до двухсот километров; железнодорожный высокоскоростной транспорт — до тысячи км; авиация более тысячи км. Не случайно в мире принято решение о строительстве высокоскоростного железнодорожного транспорта до 2025 года порядка 40 тыс. км. Это не просто «хотелки» вложить денег, а экономически обоснованное решение. Из них 18 тыс. км в Европе, несмотря на кризис 20 тыс. км в Азии, и даже США «сломались»: при их автомобилизации, начали проект в Калифорнии, и рассматривают программу на 20 тыс. км. Приведу пример по энергоэффективности, количество пассажир/километра на единицу расхода энергии. На высокоскоростной железной дороге это 170 пассажиров, на скоростных поездах, классическом транспорте — 100, на региональных — 50, на автобусе — 50, на автомобиле — 39, на авиации — 20. Что бы ни говорили, как летать из Перми в Екатеринбург, и как бы мы не дотировали авиацию, в операционных затратах она всегда будет дороже. Не говоря уже о выбросах CO₂, которые гораздо меньше, и об уровне безопасности. По отношению к автомобильному транспорту, высокоскоростная железная дорога по пропускной способности — это 6 или 8-рядный автобан; мы их только начали строить. А высокоскоростная железная дорога — это двухпутная электрифицированная линия, только более прямая. Мы их не строили 50 лет, по сути дела это новый вид транспорта, к которому нужно прийти.

Кто выгодополучатель от этих проектов? В первую очередь государство. Наши расчёты по Москве — Санкт-Петербургу, в продолжение до Нижнего Новгорода, и Москва — Казань показывают, что социальный эффект от проекта ВСМ Москва — Санкт-Петербург в 2-3 раза выше вложенных средств. Даже бюджетная эффективность положительна для выделяемых бюджетных инвестиций. Конечно, такие проекты должны осуществляться на условиях ГЧП, на основании закона о концессиях. Для меня как первого вице-президента «РЖД» хорошо, что лишь одна компания в стране имеет рейтинг, отвечающий условиям выпуска инфраструктурных облигаций за счёт средств пенсионного фонда, без государственных гарантий, — это компания «Российские железные дороги». Поэтому мы первые 100 млрд. «забираем», и думаю, что это не последний заем. Впрочем, не думаю что это правильно — при определённых условиях надо разрешать специальным проектным компаниям выпуск подобных облигаций, и упрощать предоставление госгарантий.

что конкретно можно сказать о проектах? Мы взяли три направления — это Москва — Санкт-Петербург, Москва — Нижний Новгород — Казань — Екатеринбург, включая Пермь, Уфу и Челябинск. Это проект, объединяющий семь городов — миллиоников. Проект Москва — Ростов — Адлер объединяет все города, что прилегает к зоне ВСМ — до 200 км. На эти три линии приходится 90 млн., или 65% населения страны, которым станет доступен этот вид транспорта. Это возможность введения другой сетки тарифов — не для 3 — 5 %, а действительно массовых перевозок. Он органично вписывается в развитие скоростного движения в агломерациях. Классический пример: удвоение скорости в московском транспортном узле увеличивает заработную плату на расстоянии от 50 до 100 км вокруг Москвы на треть; территория «выравнивается». Иначе половина населения скоро будет жить в Москве. Я уже сказал о городских скоростных перевозках и хочу поблагодарить губернатора за интерес к совместному проекту железных дорог и региона; они принимают областной закон и пригородную пассажирскую компанию к городскому виду транспорта, распространяя методику предоставления субсидий не только на пригородные, но и на городские перевозки.

У нас в Сибири есть полигоны для высокоскоростного железнодорожного движения. Когда-то из Москвы или Петербурга во Владивосток нужно было полгода идти морем. Потом появились ямщики — два месяца на почтовых лошадях. Потом появился Транс-

сиб, две недели. Сегодня, когда мы говорим о развитии Транссиба, надо задать себе вопрос: под какую скорость? Красноярск — Кемерово — Новосибирск может быть первым полигоном здесь в Сибири, где сосредоточено население около 8 миллионов. В Новосибирске, Красноярске, Кемерово население растёт; плюс Томск, где могут быть осуществлены проекты по скоростному железнодорожному транспорту.

— **Олег Дерипаска сказал, что нужно подумать о разделении грузового и пассажирского сообщения; вы разделяете эту идею?**

— А.С. Мишарин: Это высвободит существующий транзит для угля, налива, позволит получить пропускную способность для «контейнерного моста». Сегодня мы имеем теоретическую возможность пройти Россию за два дня, если осуществим проекты развития. Это задача, которую нужно ставить; и наши соседи тоже подталкивают к этому. Китайцы приходят высокоскоростной железной дорогой в 2015 году в Урумчи. У них есть два проекта: один через Россию, второй — через южные страны; тот и другой в Европу. Пора готовить предложение, чтобы состыковать наши проекты. И последнее предложение: мы говорили о пригородных перевозках, у нас ограничение 200 километров. Мы занялись увеличением скорости, и надо раздвинуть это расстояние хотя бы до 300 км. Иначе у нас выпадают многие города, которые могут получить сообщение в тактовом режиме. Для Сибири это тоже важно, потому что здесь «режут» электрички, делают ненужные станции пересадки, чтобы попасть на расстояние далее 200 км. Такая же ситуация на плече Санкт-Петербург — Псков, или в Смоленске.

— **Какие формы ГЧП используются в РЖД? Вы говорили, что в основном выигрывает государство, но возможны ли ситуации, когда обе стороны получают прибыль?**

— А.С. Мишарин: И та и другая; выгодополучатель этого проекта — все участники. Государство заинтересовано в повышении качества жизни, в улучшении имиджа страны и развития экономики. Безусловно, это бизнес: повышение доходности, получение прибыли. Модель ГЧП при реализации высокоскоростного движения предусматривает сегодня финансовую модель с доходностью на капитал от 15 до 20%. Регионы и муниципалитеты получают рост качества жизни, происходит выравнивание и увеличение стоимости земли; происходит повышение статуса региона и бизнес-активности. В выигрыше промышленность, поставщики, подрядчики, новые технологии, наука. Получают эффект

Это высвободит существующий транзит для угля, налива, позволит получить пропускную способность для «контейнерного моста». Сегодня мы имеем теоретическую возможность пройти Россию за два дня, если осуществим проекты развития. Это задача, которую нужно ставить; и наши соседи тоже подталкивают к этому. Китайцы приходят высокоскоростной железной дорогой в 2015 году в Урумчи. У них есть два проекта: один через Россию, второй — через южные страны; тот и другой в Европу. Пора готовить предложение, чтобы состыковать наши проекты. И последнее предложение: мы говорили о пригородных перевозках, у нас ограничение 200 километров. Мы занялись увеличением скорости, и надо раздвинуть это расстояние хотя бы до 300 км. Иначе у нас выпадают многие города

практически все участники нашей экономической жизни.

— Слово Кристиану Бэка, директор Люфтганза-Карго по России и СНГ.

— Мы осуществляем в России семь направлений из Шереметьево, Домодедово и Внуково — основные это Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Самара, Екатеринбург. Самая важная для нас станция в России — Красноярск, это крупнейший хаб за пределами Германии 30 наших рейсов проходят через Красноярск на каждой неделе; первоначально делалось до 40 рейсов в неделю. Это оптимизированная для нас возможность летать в направлении Юго-Восточной Азии. Аэропорт Красноярска серьезно поддержал нас в инвестициях. Для наших целей они изменили категории летного состава, новое оборудование по уборке снега, и многое другое. Мы также инвестировали много денег, чтобы установить оборудование по антиобледенению. Недавно «отпраздновали» 2000-й рейс. Каковы основные вызовы перед нами в России? Первое: не хватает прав на трафик; у нас 44 рейса, которые были сделаны по доброй воле. Мы сократили их, но если мы сможем летать больше, у нас будет возможность увеличить с 40 на 50% пропускную способность в Красноярск. У нас пока нет возможности открывать карго двери, мы не можем поддержать пока красноярского производителя в отношении груза. Мы делаем здесь только техническую остановку для заправки; чего нам не хватает? Инвестиций в инфраструктуру, чтобы удовлетворять международным стандартам. Особенно оборудование — уже старенькое, взлетно-посадочная полоса довольно сильно изношена. Нам надо с собой приносить все наземное погрузочное оборудование, чтобы позиционировать уровень сервиса. В стране лишь несколько аэропортов, которые могут подготовить нам нужное оборудование, обеспечить совместимость IT. Пока в каждой станции у нас собственные системы, и мы пока не можем передать процессы никому в местном аэропорту. Есть вопросы набора персонала: чтобы было международное обучение, опыт, языковые навыки, английский обязательно; если у нас нет людей с английским, все мы потерялись, нам надо самим учить людей. Я шокирован уровнем английского языка здесь, по нашим задачам, в ситуации с электронным документооборотом. Нет таможенных пунктов, которые «подвзяаны» к необходимой IT-инфраструктуре, когда дело касается особых грузов. Центр гражданской авиации, который является драйвером, двигателем вопросов развития, фокусируется на «Аэрофлот-Карго», и не рассматривает международные компании в этой группе.

Нам потребуются коммерческие права, чтобы открыть «двери»; на мой взгляд, аэ-

ропорты и вся отрасль, само государство выиграют. Есть краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные эффекты. Краткосрочный эффект касается существенного увеличения выручки, если мы начнем работать больше и откроем двери. Я могу гарантировать, что до 2 млрд. евро мы сможем вливать сюда. Существенно сокращение затрат, но это потребует возникновения логистических компаний, другого связанного бизнеса. У нас есть самый лучший опыт усиления присутствия. Рано или поздно техобслуживание здесь будет, и будет возможность построить грузовой хаб в Сибири.

— С кем вы конкурируете здесь? С другими авиакомпаниями, включая российские, или железнодорожными компаниями?

— Есть только одна крупная компания, которую я знаю в международном бизнесе. У них ограниченный список направлений, и я уверен, что мы добавим бизнес, потому что у нас будет возможность с точки зрения экспорта и импорта 400 направлений в мире; для Красноярска это колоссальный бизнес. Я бы не принимал местных перевозчиков во внимание. У нас опыт перевозок на большие расстояния, мы сокращаем время попадания на рынок. Международные компании будут привлечены в Красноярск со всего мира через нас. И если в Красноярске возникнет свободная торговая зона, мы будем способствовать ее развитию. Процесс выхода на международный рынок станет существенно легче, и Красноярск получит огромную выгоду от такого решения. У нас уже есть хорошие операции, но мы все равно работаем в Красноярске.

— Каковы грузовые авиаперевозки в регионе, с точки зрения компании Ютэйр? Какие задачи, основные приоритеты?

— Ютэйр не является крупным грузоперевозчиком, учитывая наш класс самолетов. Но я хотел бы продолжить мысль коллеги о том, что Ютэйр, развивает внутрироссийские региональные перевозки, и Люфтганза-Карго повторяет путь Ютэйр. Наша главная проблема — взаимоотношения в развитии инфраструктуры, частно-государственное партнерство, это проблема наших аэропортов. Куда мы также завозим водила, снегоочистительную технику, обогреватели, электрические генераторы, и снятие с нас этой нагрузки за счет взаимодействия на системном уровне и реализация программ, которые намечаются — позволят обеспечить более эффективную работу по всем направлениям, не только грузовым. Сегодня по разным причинам загрузка трюмов Ютэйр опережает рост пассажирских перевозок — этот бизнес мы активно развиваем, прежде всего в области экспресс-доставки почты. Кроме того, сегодня это важнейший фактор с учетом нашей региональной сети — это доставка почтой грузов в отдаленные пункты, которые сегодня иногда этого требуют. Здесь существуют проблемы в области инфраструктуры, когда все эти мешки приходится вручную разгружать. И зачастую инфраструктура, которая бы удешевляла эту услугу, нам не хватает. Поэтому, это серьезный ресурс в области развития партнерства, о котором мы сегодня говорим.

— Коллеги терпеливо ждут своей очереди. Cristian, can we move to you at this point?

— Кристиан: Мы уже 10 лет работаем на этом рынке. Мы сделали анализ в России трех стратегических хабов, которые на наш взгляд нужны: в Москве, Красноярске, Владивостоке. В принципе очевидный факт: Москва — это исторические ворота, связанные

с таможенными процедурами, по которым регионы страдали в прошлом. Красноярск будет идеальным новым хабом. Также надо развивать Владивосток в формате ГЧП. Хочу привести пример, что может сделать ГЧП для аэропорта и экономики: аэропорт Анкоридж в Аляске, который увязал США и Азию. Анкоридж приносит миллиарды долларов в год в местную экономику, открыв небеса для авиакомпании, дав возможность транзита. Мы видим? 2800 постоянных рабочих мест в секторе дистрибуции, и 15 тысяч напрямую связаны с деятельностью аэропорта. Логистические компании усилили свое присутствие через Анкоридж. Я думаю, что здесь может быть то же самое. Правительство США взяло на себя инициативу и поддержало публичные компании, новые возможности для иностранных перевозчиков. Международный аэропорт Аляска имеет самые либеральные права. В 1996-м году Министерство транспорта США предоставило аэропорту Анкориджа расширенные права — разрешив международным авиакомпаниям сотрудничать с американскими перевозчиками, американскими и международными. И что они сделали? Они позволили американским и международным авиакомпаниям летать на совместном рейсе, и с января 2004 года и дальше это переросло в поддержку грузовых союзов, как Скайтим. Вот бизнес — пример для открытого неба в России. Как мы можем здесь конкурировать с аэропортом Анкоридж? Пара примеров: Транссибирский маршрут, и Красноярск как наиболее оптимальный с точки зрения затрат; и Nirron Cargo сейчас могут сэкономить 16 — 17 тонн топлива, летая через Красноярск. Это будет означать выручку из маршрутизации и экономить топливо. Еще про трансполярный путь. Я знаю, что это очень близко сердцам сибирских властей, и здесь, как видите, на карте приземления в Красноярск укорачивается путь по сравнению с вариантом через Анкоридж. Пример из моей страны. Из Гонконга в Торонто нон-стоп 12459 километров с остановкой в Красноярске увеличилось только на 400 км увеличилось, а с остановкой в Анкоридже — почти на 1000 км больше. Экономия 743 км для рейса самолета почти один час полета, а это означает 15 тысяч долларов сокращения затрат в одну сторону. А это существенно.

Конечно, есть стандартные требования по экономическому развитию — них есть требование по транспортировке опций, не нужны монополии, нужны качество, эффективность, конкурентность по цене и конечно безопасность. Необходима сеть для регионального распределения из центра России и в ближай-

шие страны СНГ. Но прежде всего нужен выбор авиакомпаний, доступ к открытому небу и бизнес-кейс. Хочу подчеркнуть, это не только касается авиационной политики: доступ иностранных авиакомпаний к российским хамам — это позитивное развитие для местной экономики. Например, «Аэрофлот Эйр Бридж карго»; разграничение пассажирского и грузового потока надо сделать как можно в более короткие сроки. Это будет привлекать иностранные инвестиции. Монополии отгоняют инвестиции, это особенно касается компаний в Азии. Занятость, налоговые поступления увеличатся.

Центр распределения сейчас в основном в Москве. Почему? Потому что транспортная логистика там наиболее развита. Я говорил с главным исполнителем, директором магазинов Метро, Фенсом Мюллером. Он говорил с другими, какая здесь система. В Красноярске сложнее поставить товары на полку, чем их продать. Все в это упирается. Права на транспортировку, правительственное регулирование и мотивацию — это надо сделать. Необходимо развивать местные аэропорты в РФ. Наше исследование показало, что все увязывается с занятостью, экономическим развитием, предоставлением открытого пространства. Есть много примеров — как Дубаи, Амстердам; хороший пример, что сделало министерство транспорта США в Анкоридже. Выгода для Российской экономики в результате создания трех хабов — до 1,5 млрд. долларов США только за счет вещей, напрямую связанных с авиакомпаниями. Это даже не касается косвенных рабочих мест типа гостиниц или каких-то компаний. В трех хабах на основании существующих сетей эти цифры вы получите уже через 12 лет. Также будет доход от грузоперевозок от 200 до 250 миллионов долларов; по сравнению с текущей политикой, когда все привозится в Москву, и потом грузовиками развозится по другим направлениям. То есть мы также будем развивать местную экономику местными компаниями, и опять будут созданы косвенные рабочие места — 200 тысяч. Мы сейчас в Красноярске видим похожую выгоду близко к 600 миллионов долларов. Мы определили потоки, которые возникнут, если обеспечить сеть логистики в Красноярске, использовать Красноярск в качестве этих ворот. Перевозчики, обрабатывающие компании — это существенные игроки на рынке, мы верим, что это приведет в результате к развитию местной региональной инфраструктуры. И это делает Красноярск привлекательными воротами экспорта и импорта.

Центр распределения сейчас в основном в Москве. Почему? Потому что транспортная логистика там наиболее развита. Я говорил с главным исполнителем, директором магазинов Метро, Фенсом Мюллером. Он говорил с другими, какая здесь система. В Красноярске сложнее поставить товары на полку, чем их продать. Все в это упирается. Права на транспортировку, правительственное регулирование и мотивацию — это надо сделать.

Вкратце пройду по выгодам. Экономический рост и развитие требует эффективной логистики для дистрибуции: для сектора производства, роста этих отраслей и авиагрузовых перевозок поддерживают экономическое развитие, создают рабочие места, улучшают качество жизни. Все авиакомпании, которые занимаются грузоперевозками, являются ключом для промышленного развития в центральной России и в восточных регионах. Частная отрасль уже сделала свою работу, а сейчас пора вступать государству, поощрять авиакомпании и логистические компании, чтобы они инвестировали в регионы через лучшие процессы регулирования авиационного карго, подход открытого неба, создание мотивации, облегченных инфраструктур по таможене, квитанцевых услуг. В итоге это приведет к более чем 1,2 миллиарда долларов для РФ и 650 миллионов для Красноярска. Вы когда-нибудь нечто подобное обсуждали с министром, с коллегами в Красноярске? Это первый раз озвучивается или диалог уже идет давно? Это путь вперед для страны, которой я очень восхищаюсь.

Город как фокус экономического развития

Круглый стол «Город как фокус экономического развития» начался с рассмотрения Красноярского кейса, как типичного крупного российского города со всеми его проблемами. Доклад Михаила Грудина стал «мостиком» между круглым столом по агломерациям и проблемами урбанизированного развития.

— Михаил Грудин: Про город говорить сложно, поскольку именно город самая сложная система, созданная человеком. В России урбанизация имеет особую специфику: наша страна лишь на 1% покрыта поселениями, включая сельские; то есть у нас предельная концентрация. Мы урбанизовались до качественного уровня в период перехода от Советского Союза в Российскую федерацию, имею в виду девяностые годы. 74% оказались в городах — и в этом диапазоне мы остаемся и сегодня. Джек Форрестер, основатель теории сложных систем, приводил пример: самолет — технологически шестой уровень сложности; сложность системы — это уровень ее описания. Космический корабль — девятого, крупный город — двенадцатого. В этом аспекте, если говорить опять же с точки зрения теории сложных систем, система управления городом должна быть на порядок сложнее. Наши коллеги проводили исследования реализуемости генеральных планов; результат — 15%. Управлять городом сложно; в этом аспекте можно говорить о промышленной, экологической, социальной политике города — всего не охватишь, как невозможно описать строение человека за пять минут. Есть образовательный, транспортный, историко-культурный, рекреационный аспекты жизни города; есть новые районные застройки, есть агломерационная политика. Следует исходить из того, что денег на развитие всегда будет не хватать; приведу хороший пример из опыта Жайме Лернера, одного из

лучших мэров — который возглавил в 33 года бразильский город Куритиба в округе Парана. Он стал мэром в 33 года, неоднократно переизбирался, и добился выдающихся успехов. Население города увеличилось втрое — с 600 до 1,8 млн. чел. Этот человек сказал отличную фразу: «Креативность начинается, когда вы убираете один ноль из бюджета, а еще лучше когда убираете два». Если у вас нет денег, но вы развиваетесь — в этом и есть креативность.

Что нужно для креативного класса? Это прежде всего образовательно-научная среда. Не всем повезло как Красноярску с Федеральным университетом; не каждый субъект федерации сформировал полноценный кампус. Идеология формирования научного кластера на основе кампуса будто бы услышана, Минобрнауки рассматривает проект строительства пятидесяти университетских городков; мы такую идеологию реализовали в Грозном, предложив реализовать Чеченский госуниверситет как полноценный кампус с перспективой развития: с 3 до 40 га. Состоявшийся пример — аналог смарт-сити, Дальневосточный университет, ставший известным благодаря саммиту АТЭС, хотя мы его затевали именно как кампус. Государство не пожалело денег на исследование, что есть конкурентоспособный университет, как создать научно-образовательный производственный комплекс, наукоград на сто тысяч человек. Интересный формат продемонстрировала Белгородская область — независимо от ко-

личества денег губернатор Белгородской области Савченко создал кампус, понимая, что Белгород никогда не будет иметь большого количества денег. Было сформировано пространство, куда переселили схожие по профилю университета компании, создали качественную научно-производственную среду. Кстати, кампус не обязательно выносить из города. Я не представляю, как будет существовать Томск, если вынести кампус?

Транспортная схема — ряд аксиом. Раньше комплексные транспортные схемы входили в генпланы. Сегодня в центре внимания — создание транспортных узлов, с крайне сложной спецификой, поскольку ТПУ сегодня — сложнейший градостроительный узел, ключевой узел дорожной сети. Чтобы разобраться в этой тематике, мы выполнили международное исследование, разработали концепцию модернизации вокзалов, утвердили у Якунина; в Москве ТПУ уже проектируются адекватно задаче. Заканчиваем изучать японский опыт: Осака, Киото Токио стейшен. Сейчас участвуем в разработке проектов аэропортов, морских портов, даже военных авиабаз (есть специфика, но вполне понятная). Принцип на всех объектах — инвестиционная составляющая; все проекты так или иначе, должны экономить бюджетные деньги. В идеале, если проект осуществляется на самокупаемой основе.

Сложная ситуация — сохранение историко-культурной среды. Когда разрабатывается генеральный план, проект планировки центральной части — это наиболее знаковая среда. Мы делали с одной из управляющих компаний проект реконструкции Кремля в Ростове Великом; проект структурирован как инвестиционный; ни копейки бюджетных денег даже на проектную документацию. Сейчас в подобном формате выиграли проект реконструкции исторического центра Дербента, хотим отработать его в подобном формате. Есть локальные проекты, типа 130-го квартала в Иркутске или застройка в Петербурге.

Наконец, сложнейшая градостроительная задача — сохранение особо охраняемых природных территорий, экологического каркаса территорий. Пример одного из сложнейших проектов — особо охраняемая природная территория Сетунь в Москве. Вокруг промышленные территории, примыкает МКАД,

и чего только нет, от первого гольф клуба России и прочего... Проект структурирован с точки зрения защиты природы и с позиции экономической целесообразности; кроме бережного отношения к природе мы должны рассматривать, каким образом пространство может функционировать. Можно охранять памятник или заповедник, и ничего с ними не делать, но тогда среда деградирует.

— «Взгляд сверху» в рамках последнего заявленного доклада представит Леонид Викторович Смирнягин, профессор Московского университета.

— Леонид Смирнягин: Я бы хотел расширить тему до уровня развития вообще. Дело в том, что в развитых странах уже несколько десятилетий перестраивается вся территориальная структура общества. Традиционные площадные районы, типа Урала, Поволжья уступают место так называемым «узловым районам», «зонам тяготения крупных городов». Соединенные Штаты уже с 1970-х годов делят свою страну примерно на 180 зон тяготения таких крупных полисов, каждые 10 лет по результатам переписи границы меняются; некоторые исчезают, другие возникают. Границы тяготения оцениваются в соответствии с такими данными, как трудовые поездки; учитывается, кто какие районные газеты выписывает, другие показатели. Эта сетка широко используется не только государством для планировочных задач, но и для бизнеса. В связи с перестройкой территориальной структуры, возникает несколько тягостных вопросов управления. Остановлюсь только на двух.

Прежде всего, этот процесс — вполне закономерный виток урбанизации. В свое время города тоже играли ведущую роль; один знаменитый политик сказал: «Город ведет за собой деревню», но все-таки город был резко ограничен в своих рамках особенностями жизни, которые были ему присущи. Все градиенты, связанные с городом, резко падали по мере удаления от него: стоимость земельной ренты, плотность населения, движение транспорта и т.д. Между городами простиралась огромная сельская местность, которая жила своей жизнью. По мере развития агломераций влияние городов распространялось шире, с помощью спутников. Убывание стоимости земельной ренты шло медленнее, по сравнению с тем, что происходит в крупных странах вроде США. И хотя градиенты падают, но они распространяются практически на всю территорию страны, которая оказывается под воздействием импульсов, испускаемых центральными городами...

Возникает вопрос: имеет ли право город в своих административных границах жить

так же, как прежде? Получается, что сегодня территория стран — это поприще деятельности множества зон тяготения; имею в виду не только трудовые поездки, которые свойственны например московской агломерации. «Мигранты» из Подмоскovie, хотя иногда звучат подобные упреки, не увозят свою зарплату из региона, а львиную ее долю тратят в Москве же. Но в нашей системе они выплачивают подоходный налог по месту работы, а не по месту жительства — из-за чего окружающие Москву города несут огромный ущерб. Показателен пример сравнения бюджетов Кашина, Калязина и Москвы. Присутствующий здесь гурму муниципальных финансов Владимир Клейманов запрещает сравнивать Москву с муниципалитетами, поскольку это субъект федерации, и которого гораздо больше возможностей для генерации доходов. Но я о другом: богатейшему московскому бюджету окружающие города отдают принадлежащие им подоходные налоги своих граждан. Калязин, 2/3 жителей которого ездят в Москву, отдает туда их подоходный налог — и как следствие на душу населения в Калязине остается четыре тысячи рублей в год, тогда как в Москве больше пятидесяти тысяч. Это не единственная причина бедствий Калязина, но в самом деле он выглядит печально — хотя это прекрасный город, очень интересный; но широко известный лишь по колокольне, что «торчит» в Волге после разлива водохранилища. Другой пример — город Кашин на другой стороне Волги — из него в Москву уже толком не ездят; там тоже нищий бюджет. Показательно, что люди в Калязине, предъявляют властям требования по обустройству их ежедневного быта. Мне кажется, что городские власти должны учитывать интересы тех, кто приезжает в город не только просто работать, но и создавать спрос на множество московских учреждений, которые могли существовать бы только при условии не только московского спроса. Но ни власти, ни сами жители к этому не готовы; как коренной москвич, прекрасно чувствую это по воплям «Понаехали тут»; хотя издаю их именно те, которые сами недавно понаехали. Как по народной притче: когда вы лезете в автобус: «Ну-ка, продвинулись, негодяи»; как только наступили на подножку: «Куда вы прете?». Ситуация в Москве похожа на это, причем и общество в целом, и власти не готовы признать, что город действительно стал поприщем для прилежащих районов. Надо с этим что-то делать. Честно говоря, рецептов на этот счет зарубежный опыт не подсказывает.

Этот вопрос затмевается другим: крупные города стремительно расползаются по своим окрестностям и превращаются в гигантские

В развитых странах уже несколько десятилетий перестраивается вся территориальная структура общества. Традиционные площадные районы, типа Урала, Поволжья уступают место так называемым «узловым районам», «зонам тяготения крупных городов». Соединенные Штаты уже с 1970-х годов делят свою страну примерно на 180 зон тяготения таких крупных полисов, каждые 10 лет по результатам переписи границы меняются; некоторые исчезают, другие возникают. Границы тяготений оцениваются в соответствии с такими данными, как трудовые поездки; учитывается, кто какие районные газеты выписывает, другие показатели. Эта сетка широко используется не только государством для планировочных задач, но и для бизнеса.

«блины»; хотя лишь центр занят административными границами под названием города, который так расширяется. Примеры показательны: так случилось со Стамбулом; крошечное пятно на юге Босфора представлял собой Стамбул в 1950-м, но сегодня вырос в десятки раз. Характерен пример Каира; кратный рост произошел с 1972-го. Даже бедные города вроде Аддис-Абеба расползаются с невероятной силой. Что делать, когда город превращается в сонмище муниципалитетов, и как управлять этой огромной территорией, непонятно — но нужно как-то менять стратегию городского управления. Я говорю в данном случае не об агломерации, не о сомне взаимодействующей городов, расположенных на некотором удалении друг от друга, а о физическом заполнении пространства. Как управляться с этими морфологическими пятнами, не очень понятно — и это, пожалуй, главная боль городского управления в развитых странах.

Итак, город не просто фокус экономического развития, он в гораздо большей степени фокус всего общественного развития. Развитые страны перестраиваются на новую сетку и вынуждены принимать решения в организации в управления городом.

— *Тема города как фокуса экономического развития не бесконфликтна; и не все признают заслуги городов, как локомотива экономического роста. Хочу обратиться к нашему зарубежному гостю, господину Ива Ахаси. Скажите, как видятся российские города с международной перспективой? Мы решаем те же проблемы, но только отягощенные каким-то наследием, или другие?*

— Ива Ахаси: Города везде примерно одинаковы: в Японии, в Европе, в Америке; это

место жительства и приложения труда. Как развивать города? Существуют разные способы. Я хотел бы объяснить с японской точки зрения, как мы видим развитие российских городов, каковы наши общие проблемы, и какова заметная разница. Сегодня на пленарной сессии возникла дискуссия по поводу моделей развития; преимущества англосаксонских, восточных моделей... мне кажется, в такой постановке вопроса смысла нет. Я думаю, что в Китае уровень экономического роста очень высок; у России возможности другие — хотя есть природные ресурсы, но меньше населения... России не хватает, мне кажется, интеграции ресурсов: ресурсы есть, но нет интеграции. В Японии ресурсов не было, зато очень высок уровень интеграции — и мы смогли развиваться с высокой скоростью. Я думаю, что в обеспечении интеграции ключевую роль играет не рынок, не бизнес — а государство. Что касается Японии и сравнения с вами, существуют общие пункты, общие цели, общие проблемы. Например, ценности, которые мы хотели бы иметь в городе: экология, здравоохранение, связность, функциональность как соизмерение на региональном уровне; объединение в сети — Networking; брендинг, инфраструктура IT, энергоснабжение, транспорт. Думаю, что у Японии и России многие проблемы одинаковы. В Японии количество населения уменьшается, в России тоже. Количество пожилых быстро увеличивается и в Японии, и в России. У нас тоже стареет инфраструктура, поскольку большинство наших дорог создано 30-40 лет назад, и сейчас — время все обновлять... как и в России. Каковы цели?

Необходимо сохранять и улучшать уровень жизни. Нужно преодолеть проблему вымирания городских центров; экономиче-

ская активность в исторических кварталах падает, она переходит в новые коммерческие центры. Нам помогает концепция «умного города» — и здесь мы видим разницу с Россией; в Японии мы всегда старались придерживаться комплексного подхода в развитии инфраструктуры. Извиняюсь за возможно некорректный пример, но к примеру поезд «Сапсан» сейчас работает между Москвой и Нижним Новгородом — и говорят, что пассажиров на этом маршруте не хватает. Но нам это странно, потому что в Японии появление каждой новой железнодорожной станции приводит к бурному развитию, хотя бы туризма. Такой закономерности, видимо, в России нет.

Характерен пример одного из городов, который был полностью разрушен из-за цунами и землетрясения 2 года назад. Прибрежные районы оказались уничтожены — и администрация города приняла решение создать единый городской район для пострадавших; это лучше распределения разных районов, потому что можно создать новую инфраструктуру, обеспечить эффективные коммунальные услуги, усилить плотность населения. А на месте разрушенных районов будут созданы инженерные сооружения для защиты от следующих цунами, и разбит национальный парк. Наша концепция — это «компактизация» инфраструктуры города. Возможно, из нее может вырасти интересная концепция для развития городов Сибири, где тоже очень важна транспортная инфраструктура. Есть международный аэропорт — рядом с аэропортом может возникнуть «умный» промышленный парк; будет и автодорога с высокой скоростью движения. По нашему мнению, всегда должна быть связанность, интеграция, «коллективити». Для такого сценария развития, очень важно задействовать схемы ГЧП — об этом говорит и японский, и китайский опыт.

— *Не могу не заметить, что в этом году впервые создана российско-японская совместная рабочая группа по вопросам качества городской среды. Мы описали многие аспекты современного города, но когда речь заходит о его кровеносной системе, транспорте, все как-то теряются; это связано с присутствием здесь Михаила Яковлевича Блинкина.*

— Блинкин М.Я.: Пока я слушал моих друзей и коллег, сделал некоторые записи в блокноте, и ни одна не относится к транспорту. Город, «Бург» — институция по определению буржуазно-демократическая. Будучи либералом, всегда считал, что для развития принципиально важны элементы муниципальной демократии; мои английские коллеги назы-

вают это participation — участие горожан в развитии города. Я тоже знаком с господином Лернером, который рассказал мне, как стал мэром города в 30 с небольшим лет; в Бразилии тогда правила военная хунта; генерал-хунтарь, и кстати губернатор штата Парана, приказал: «Вот, Джимми, будешь мэром». «А кто же меня избереет?» — сказал молодой архитектор, человек из местной золотой молодежи (мы хоть об этом спрашивать не будем...) Но после 3-4 лет работы Лернера в городе, его потом в течении 20 лет попеременно избирали то мэром, то губернатором — хотя никаких генералов уже не было, военная хунта закончилась. Все перемены, которые он сделал первые три года в качестве мэра (и чего при выборной власти он сделать бы не смог)...

Чем отличается упомянутый Душанбе от Милана? Мне повезло участвовать в обсуждениях мастер-планов миланской агломерации, большого Милана. Присутствующие на той дискуссии иностранцы задали вопрос: «границы не хотите пересмотреть?» Планировщик, молодой европейский интеллектуал из местных, объяснил, что границы устанавливались во времена Цезарей — и менять их совершенно незначим; другой вопрос — нужны координационные структуры. Это лучший из примеров; есть и хороший американский опыт. Филадельфийская агломерация — это стык четырех штатов со своими законодательствами, заморочками и процедурами, плюс гигантский город Филадельфия и полсотни независимых муниципий из разных штатов со своими бюджетами, выборными органами. Но существует орган, называемый МРО — metropolitan planning organization; подобные были созданы во всех упомянутых профессорах Смирнягиным «ядрах» больше полувек назад, в качестве координирующих и «советующих» структур. МРО получил статус распределителя бюджетных средств. Они предоставляют федеральным властям комплексный план развития: землепользование, планировка, транспорт. План согласован со всеми стейкхолдерами, что очень сложно: представьте, четыре штата Филадельфии должны согласовать узловое развитие, плюс муниципалитеты, города по 200 тысяч человек. Начиналось это движение с распределения федеральных субсидий для строительства дорог уровня «фривей», магистралей. Последние 10 лет к ним прибавились еще и проекты городских рельсовых систем, трамваев, современных вариантов легкорельсового транспорта. Всё это не в плановой социалистической экономике, а в рамках американских форматов исполнения бюджета.

По поводу налогов, о чем сказал коллега; есть разные мнения. Давайте сделаем так, чтобы подоходный налог платился по месту жительства; но как живут небольшие жилые городки, mixed development, в окрестностях огромных городов Северной Америки? На налогах от комплекса недвижимости и земли. И поэтому пока там есть люди, налоги платятся серьезные; бюджет городка в окрестностях Сан-Франциско, Торонто или Сиднея переживет любой финансовый кризис, ничего не заметив. Это фундаментальная вещь — разорвать налоги, связанные с бизнесом, и с личными доходами. Факт «Я здесь живу и плачу налоги» создает очень правильный механизм взаимодействия жителей и местной власти.

И последнее. Двое из троих выступавших упомянули строительство развязок. Это моя узкая специальность; что говорят на эту тему мои американские и английские друзья и коллеги? Развязка на городской улице — это самый дорогой способ переместить место затора со старого места на новое. Развязка в представления американских планировщиков — это нормативы 1946 года, у английских — это нормативы 1949 года. Это принадлежность того, что англичане называют «моторвей», а американцы называют «фривей». На улицах они развязок не строят, предпочитают плотное светофорное регулирование. В этом смысле, мне чрезвычайно нравятся японские города — они калькировали американскую терминологию, типа «Хайвей», перевели на японский; но сами города построили гораздо лучше. Активно используется общественный транспорт; есть место для тротуаров; часто установлены светофоры. А есть городские дороги, где дома не стоят, и пешеходов тоже нет. Нам с учетом остатков советской планировки, которой на мой век ещё хватит, ситуацию не изменить: у нас главная городская «улица» — это и главная «дорога». Но когда у нас появляется копейка для строительства чего-то нового, мы должны четыре раза подумать, ковырять ли эту старую улицу: в Москве я ругаюсь по поводу Ленинского проспекта, чтобы его оставили в покое; чем ковырять улицу, надо наконец осилить строительство первого в городе полноценного «мотервея».

И последняя вещь чисто транспортная; о чем говорят на формах, конференциях транспортники и урбанисты. Интегрированные рельсовые системы — это любая комбинация, посильная бюджету города, между пригородными электричками, современными вариантами трамвая. Вукан Вучик, мой американский друг из Филадельфии, всегда говорит: «Я смотрю на цифры. Какая у вас протяженность метрополитена и протяженность городских рельсовых систем, обособленных

Филадельфийская агломерация — это стык четырех штатов со своими законодательствами, заморочками и процедурами, плюс гигантский город Филадельфия и полсотни независимых муниципий из разных штатов со своими бюджетами, выборными органами. Но существует орган, называемый МРО — metropolitan planning organization; подобные были созданы во всех упомянутых профессорах Смирнягиным «ядрах» больше полувек назад, в качестве координирующих и «советующих» структур. МРО получил статус распределителя бюджетных средств. Они предоставляют федеральным властям комплексный план развития: землепользование, планировка, транспорт. План согласован со всеми стейкхолдерами, что очень сложно

от трафика? Ужасно, что в Москве 260 км линий метрополитена, а обособленных трамвайных путей кот наплакал. А ведь это в сто раз дешевле». Абсолютно принципиальный вопрос — интегрирование в городскую ткань рельсовых систем; похоже, это и есть магистральный путь развития, который повезёт нас дальше.

— Я вспомнил слова Андрея Громыко, «дипломатия требует не увязок, а развязок». А вы говорите, что современное городское планирование требует «не развязок, а увязок». Хочу обратиться к Юрию Перелыгину; согласны ли вы с такой постановкой вопроса? И что нужно делать для того, что бы города стали центрами развития.

— Юрий Перелыгин: Что я думаю по поводу развязок и увязок, скажу позже; мои заметки касаются не моей профессии градостроителя, а в целом ситуации в городах. Вчерашняя дискуссия про агломерации и сегодняшняя у меня вызвала несколько мыслей. По демографическим прогнозам, к 2040-му году в России будет проживать 127 млн. человек; это уже близко. Ситуация с Москвой такова, что последние 10 лет столица набирает население катастрофическими темпами. Если мы продлим эти темпы до 2040-го года, то в «большой Москве», как в Токио-Осака, будет жить до 30 млн. россиян; мало того что мы и так теряем 16 млн. человек населения, еще 15 млн. человек въезжает в Московский регион. Драматизм ситуации именно в том, что у нас, при сегодняшних 12 городах-миллионниках, фактически, 16 миллионников исчезнет, а еще 15 переедет в Москву. Вся система расселения, если мы просто интерполируем существующие тренды, приведет нас к этому. С моей точки зрения, это ключевая драма для страны. Коль скоро все переедут города, этот тренд закончится или трансформируется. Мы сводим «урбанизацию» к переезду людей в города, в агломерации, мегарегионы. При этом у нас колоссальное количество исследований про экономику и глобализацию; про информационное постиндустриальное общество. Но исследований, что нам несет урбанизация, почти нет. Коллега сказал про социокультурный аспект, социологию урбанизации. Где источники урбанизации, почему люди едут в города? Что случилось, что система локализации населения сфокусировалась в одном месте? Это продолжается, и мы видим по огромным агломерациям в мире, что мы тоже стремительно идем в эту ситуацию, хотя работать с этой действительностью пока даже на государственном уровне не умеем. Делаются лишь робкие попытки стратегических работ, некоторое градоведение — вместо

того, чтобы исследовать суть процесса. Мне кажется, эта драма до конца не осознается нами, а город — ключевой фактор. Во Франции уже есть «министр развития городов», в администрации Обамы есть департамент городского развития. Но у нас безрезультатны попытки сказать, что хотя бы в Минрегионе должен появиться департамент, который будет заниматься городами, где живет 80% населения

Второй сюжет, который, мне кажется важным в этом же аспекте — это производительность труда. Как писал основоположник современного менеджмента Питер Друкер, проблему производительности физического труда человечество решило — теперь надо решить проблему производительности умственного труда. Может быть, это философское замечание, но категория «труд» со времен Маркса устарела; город обеспечивает «не труд», а занятость. Выходя из своей «производственной ячейки», большее количество времени человек проводит в городской среде. Соответственно, требования к ней возросли многократно. Если ситуация некомфортна, люди из таких городов будут уезжать, даже если получают хороший достаток в производственной ячейке. 100 лет назад основное время человек проводил на фабрике; классики марксизма писали про двенадцатичасовой рабочий день, потом было великое достижение восьмичасовой рабочий день. Трудов про городскую социологию, что такое городские сообщества, тоже очень мало.

— Сложная система требует соответствующей по сложности системы управления; простые решения даже в очевидных областях не срабатывают, что показывает наша дискуссия, например, о подоходном налоге. Прошу присоединиться к дискуссии Владимира Климанова. Что нужно городам, чтобы выполнять свою историческую миссию?

— Владимир Климанов: Во-первых, я завидую Красноярску, потому что в России очень мало растущих городов. Изучая стратегии городского развития, мы видим, что почти все успешные сценарии построены на возможности привлечения креативного класса, или того контингента, который вскоре станет креативным. Красноярск делает успешные шаги в привлечении студенчества — которое даст эффект в будущем. И мы почти не находим успешных стратегий, построенных на убывании населения, когда городах этот креативный класс сокращается. Питтсбург построил стратегию, создав крупнейшие университет и медицинский центр, перестроив в определенный момент свою экономику. Его стратегия строилась именно на привлечении

людей. К сожалению, для российских городов эта ситуация не очень типична. Поэтому когда мы говорим о городах России как фокусе развития страны, мы должны понимать ресурсные ограничения. Главное — не финансовые средства (которых и правда часто не хватает для решения муниципальных задач), а людские ресурсы. Повышение качества человеческого капитала — главная тенденция, которой должны следовать города в своем стратегическом развитии.

Другим ресурсом для городского развития является экономический ресурс. Экономический потенциал, который сосредоточен в городе, необходимо сохранять, преумножать и перестраивать. Проблема в том, что города России, находящиеся на этапе индустриального развития, не задумываются о том, как свой физический капитал и экономический потенциал, перестроить в рамки постиндустриального развития. Наш японский коллега, господин Ахаси, хорошо рассказал о ситуации с потенциалом движения в сторону умного города. Но мы должны понимать, что умный город нужно создавать от экономической базы, которая у нас есть. И в этой связи перестроить экономические рельсы развития города с традиционных драйверов на какие-то новые сложно. К сожалению, даже в Москве по-прежнему драйверами развития городской экономики является массовая застройка и торговля. Именно они дают и основные доходы бюджета, не связанные с рентой столичного положения. Новые рабочие места привлекают не всегда не нужный состав мигрантов. Они дают много позитивного в городском развитии, но и создают немало проблем, которые будут носить отложенный характер. Поэтому городам в своем стремлении развиваться в России, нужно понимать свой следующий этап развития, основанный на другом экономическом потенциале. Он будет сопрягаться с постиндустриальным наследием, которое неизвестно еще как аукнется.

Еще один вопрос, который связан с ресурсами в городском развитии, определен его территорией. Земля в городе один из самых важных ресурсов, который собственно и отличает его от ресурсов сельской местности. И грамотное использование городской территории очень важно; повышая качество городской среды, важно не уходить в монотонность среды. Это можно часто видеть во многих городах, когда даже предлагаемые комплексные инвестиционные проекты застройки территорий, как например, классический район «Академический» в Екатеринбурге — приводят к возникновению унылых районов, в которых на самом деле жить не

хочется. Позитивный настрой Красноярска связан с тем, что здесь по-разному подходят к обустройству исторического центра и к району, где мы находимся — и который за последние 10 лет просто «рванул» в развитии. Здесь создается новая среда.

Таким образом, комплексное использование человеческого, экономического и территориального ресурсов для городского развития — очень важный шаг, который нужно учитывать в любых городских стратегиях.

— Я бы дополнил, что мы не сказали о дефиците качественных институтов; концепция smart-citi — иллюстрирующий пример. У высокотехнологичного бизнеса есть масса технических решений, но они не понимают, почему наши города не гонятся за инновациями. Лишь две из российских компаний создали центры городских компетенций; это очень показательная тенденция. Прошу Андрея Нещадина присоединиться к нашей дискуссии и высказаться по этой теме.

Андрей Нещадин: Мы говорили о развитии городов; мне хотелось бы сказать другое: что такое город. В Советском Союзе было понятно: населенный пункт, 12 тысяч населения, в народном хозяйстве занято не менее 85%. Но у нас сейчас есть города по 500 человек; и есть станицы в 30 тыс. населения. То есть отсутствует понятие, что такое город. Как образовывались города в России? Два исторических пика — царствование Екатерины II, и послевоенный период, связанный с индустриализацией; в наши дни падение.

А какие же типы городов мы имеем? Те, которые образованы до 1917-го года — крупные большие города. Образованные в советское время — в основном монопрофильные малые города. Как у нас менялось население и количество городов с 1960-го года: растут миллионники; и идет рост городов до 500 тыс. Это происходило за счет малых городов до 100 тыс. У нас образовались целые регионы, например Псковская, Новгородская, Ивановская области — где есть центральный город на 350-400 тыс., и больше ни одного города-стотысячника; максимум 50 тыс. населения. В «столице» региона проживает до 40% населения области. Что при этом творится с сельскими поселениями? У нас их всего 153 тыс.; без постоянных жителей 20 тыс. Население от 5 до 100 человек — 82 тыс. Можно говорить только о развитии 50 тыс. поселений, не более; 2/3 — это уже демографическая смерть, которая либо наступила, либо наступит. При этом важно заметить в адрес градостроителей: нет ни одного проекта, который бы обеспечивал переустройство города с падающим населением. У нас есть города, в

которых осталось по 50% населения; поэтому в ряде городов и проблем с жильем нет — а есть в том, что в доме занято 3-4 квартиры, а отапливать, подавать воду и все остальное приходится на весь дом. Кто будет платить за те квартиры, которые стоят пустыми, при том, что 7 месяцев в году зима.

Многие города находятся в режиме демографической смерти; можно ли решить этот вопрос за счет миграции? Парадокс, что как только вы начинаете повышать зарплату в регионе, миграция усиливается: родители получают возможность могут обеспечить жизнь молодого человека в другом регионе; снять квартиру.

Каким мы видим каркас России в ближайшее время? Прежде всего, рост агломераций, в том числе Красноярской. Основная тенденция — укрупнение отдельных городов и резкое пропадание других. Мы скоро будем иметь 20 крупных агломераций более миллиона, точнее даже 22, если считать Нижнекамскую; и будем иметь полицентричные локальные агломерации, типа Березники — Соликамск, межрегиональные. Мы будем иметь системы агломерации сельских поселений, которые образуются на базе райцентров. Туда будут выноситься в основном центры управления сельским хозяйством. И надо быть готовыми к тому, что нам придется как-то грамотно хоронить города.

В заключение, насчет соотношения городского и сельского населения, даю справочку: ежегодно росчерком пера из городских в сельское поселения переводятся от 80 до 140 тыс. населения. Мы сейчас готовим по заданию Правительства доклад, и сумеем показать наиболее кризисные города и регионы.

— В заключение, хочу предоставить слово Евгению Зандор, Сибирский федеральный университет.

— Евгения Зандор: Я представляю научно-образовательную сферу, Сибирский федеральный университет, о котором упоминалось уже сегодня; и именно ту кафедру и специальность, которая занимается экономикой планирования городов. В этой связи, два комментария от всего услышанного.

Два года назад мы с аспирантами разрабатывали методику оценки конкурентоспособности социально-экономических систем. Конкурентоспособность систем оценивалась на разных уровнях, т.е. это макроуровень, мезоуровень и микроуровень, и с точки зрения статической и динамической конкурентоспособности. В рамках исследования выявилось, что города будут, является центрами формирования конкурентных преимуществ. Мы поняли, что оценивать конкурентоспособность территорий вообще, по большому смыслу,

Каким мы видим каркас России в ближайшее время? Прежде всего, рост агломераций, в том числе Красноярской. Основная тенденция — укрупнение отдельных городов и резкое пропадание других. Мы скоро будем иметь 20 крупных агломераций более миллиона, точнее даже 22, если считать Нижнекамскую; и будем иметь полицентричные локальные агломерации, типа Березники — Соликамск, межрегиональные. Мы будем иметь системы агломерации сельских поселений, которые образуются на базе райцентров. Туда будут выноситься в основном центры управления сельским хозяйством. И надо быть готовыми к тому, что нам придется как-то грамотно хоронить города.

бессмысленно: важны именно города. Несколько человек упоминали о человеческом потенциале. Наш университет готовит специальность «Государственное муниципальное управление». В рамках этой специальности есть дисциплины, которые связаны с экономикой и управлением городской системы; прошу прощения за явную рекламность этого сообщения...

Новые подходы к развитию агломераций: стратегии регионов

Любая страна испытывает сегодня трудности скоординированной политики развития различных административно-территориальных образований, будь то регионы, муниципалитеты, совместное финансирование инфраструктурных и иных проектов, которые необходимы для развития агломерации. Определены Википедии: «агломерации – это компактное скопление населенных пунктов с тесными производственными, транспортными, культурными связями». Исходя из этого, спросим Леонида Смирнягина, насколько такое определение корректно.

— Смирнягин Л.В.: Российский опыт резко расходится с зарубежным именно в том, в чем вы сказали. При наличии сближенной территориально группа городов, мы уже готовы говорить об агломерации. На Западе, как правило, делают упор на функциональные связи; у нас же они, как правило, малы. Например, агломерация вокруг Ростова-на-Дону: Азов рядом, его буквально видно; но лишь 18% ездят на работу в Ростов. В Америке критерием для присоединения административного района к агломерации служит рубеж в 25% — чтобы не меньше четверти местной рабочей силы ездило в центральное поселение, на базе которого образована агломерация. У нас, я думаю, 2-3 агломерации с таким критерием найдутся во всей стране. К тому же в нашей стране есть огромные препятствия

для агломерирования, связанные с гигантской территорией и ничтожным для такой территории количеством городов (чуть больше 1000). Если действительно делать упор на скупивание городов и акцент на территории, где города скуплены — это грозит огромным оскудением так называемого опорного каркаса расселения в других частях страны. Опасность такого рода существует. Я не к тому, что вообще нужно забросить эту идею; просто мне кажется, к ней надо относиться осторожнее.

К тому же, у нас есть страшный «зуд» налагать на подобные процессы административные рамки, организовывать немедленно единый город, расширяя рамки конкретного Иркутска и на Ангарск и прочее чуть не до Шелихова. Это тупиковый путь; на Западе

бывают такие случаи, когда город морфологически расплывается в виде такого блина; но если это «созвездие» удаленных друг от друга городов, функционально связанных с большими сельскими территориями в середине (а это и есть это классическая агломерация), то объединять ее под эгиду единого административного органа совершенно не за чем. Столбовая дорога, мне кажется — это «федеративный», союз муниципалитетов для решения общих проблем: среда, транспорт, охрана порядка и землепользование — вот 4 главных вещи, по которым надо координировать усилия. Агломерации — это образования другого порядка, нежели отдельные города. Переключать на ее уровень те же задачи и формы управления, что типичны для города, было бы ошибкой. Нам бы стоило научиться

уширять наши управленческие возможности для того, чтобы организовывать союзы муниципалитетов, а не идти по простецкому пути расширения границ городов.

— Слово Валерию Гаевскому — заместителю Министра регионального развития, которое и должно определять политику в сфере регулирования агломераций. Какие проблемы, приоритеты в сфере их развития видит Минрегион?

— Гаевский В.В.: Что касается дефиниции из Wikipedia — она не cool, как говорит молодежь, но, по сути, верна; оставлю поиск определений экспертному сообществу, теоретикам и ученым. Исходя из логики государственного управления, мы сосредотачиваемся на практических шагах, которые должны предпринять. В посткризисное время актуальность развития агломерации в России усилилась. Это связано с обновлением нашей экономики, с новыми вызовами. Важное значение агломерация приобретает в приграничных территориях. Наша страна — это сплошная граница, агломерации являются ключевыми точками геополитического влияния. Мы должны внимательно смотреть на мировой опыт, который пройден до нас, и учиться на чужих ошибках. Еще одна вводная: никто не спорит, что мировая экономическая система становится более неустойчивой, поэтому усиливается интерес к пространственным закономерностям экономики, к новым механизмам управления территорией. По мнению ООН, к 2050-му году число горожан в мире удвоится. Уже к 2015-му году в мире будет порядка 900 агломераций с численностью свыше миллиона. Такое уплотнение, несомненно, скажется на экономических процессах. Это не менее актуально для российских городов, тем паче что перед стоит амбициозная задача удержания большой территории России относительно небольшим количеством населения. Минэкономразвития нацелено на поддержку агломераций как центров управления пространством, концентрации экономического потенциала территорий. Особенно это касается городов, где существует монопрофильная структура городского хозяйства и критичны риски социально-экономических потрясений. Все мы знаем, что интеллектуальные, производственные, социальные импульсы развития шли из мест наивысшей концентрации людских ресурсов. Анализ мировой практики урбанизации показывает, что такие центры формируются там, где плотность населения составляет 300-400 человек на километр. К сожалению, наши малолюдные российские пространства не могут продуцировать такие импульсы и являться рынками сбыта для отечественных товаров и услуг. Раз-

витый рынок может существовать только на высокоурбанизированных территориях, которые составляют каркас системы расселения в любом государстве.

Сейчас население России расселено весьма неравномерно и нерационально. Плотность в европейской части — 26 человек на кв. км; в азиатской чуть более 2 человек. В России насчитывается порядка двух десятков формирующихся агломераций, хотя вернее будет назвать их протоагломерациями с населением миллион и выше; и несколько пороговых. За последние 20 лет лишь в пяти городах (ядрах этих агломераций) увеличилось население: Москва, Красноярск, Краснодар, Казань и Ростов. Остальные города-центры снизили численность, что свидетельствует не столько об убыли населения в стране, в том числе городского, сколько о том, что процессы урбанизации замедлились и стихийное формирование новых агломерационных центров в настоящее время маловероятно. Плюс ко всему происходит переток квалифицированных трудовых ресурсов с периферии, и даже из городов-ядер агломераций, в Москву. Статистика, которой мы обладаем, не отражает реального дневного населения этих городов-центров, и над этим вопросом предстоит работать.

Как представляется, будет происходить перераспределение населения в сторону городов с численностью населения свыше полумиллиона (как минимум) человек и мы видим свою задачу в содействии этому процессу, чтобы его оседлать и направить на заселение Востока нашей страны и Юга Сибири. Вместе с тем, мы не можем не учитывать риски формирования агломерации, снижение уровня бюджетной обеспеченности в городах-центрах, усложнение социальных, бытовых проблем в периферийных городах и снижение, а то и утрату статуса локальных элит, что становится одним из главных препятствий на пути этого процесса. У меня есть собственный опыт создания агломерации Кавказских Минеральных вод, когда противодействие элит городов Кавминвод не позволило запустить этот процесс в полную силу. Понятно, что сегодня города конкурируют между собой за привлечение бизнеса, предоставляя более благоприятные условия; но вместе с тем они ощущают избыточное давление на городскую инфраструктуру. Города задыхаются в пробках, обостряются проблемы подключения к коммунальным коммуникациям и ресурсам, мы с трудом управляемся с миграционной волной. Существенным ограничителем становится недоразвитость и даже истощенность периферии. Стихийное неконтролируемое высасывание ресурсов из нее, на наш взгляд,

Сейчас население России расселено весьма неравномерно и нерационально. Плотность в европейской части — 26 человек на кв. км; в азиатской чуть более 2 человек. В России насчитывается порядка двух десятков формирующихся агломераций, хотя вернее будет назвать их протоагломерациями с населением миллион и выше; и несколько пороговых. За последние 20 лет лишь в пяти городах (ядрах этих агломераций) увеличилось население: Москва, Красноярск, Краснодар, Казань и Ростов. Остальные города-центры снизили численность, что свидетельствует не столько об убыли населения в стране, в том числе городского, сколько о том, что процессы урбанизации замедлились и стихийное формирование новых агломерационных центров в настоящее время маловероятно.

должно уступить место целенаправленному и цивилизованному возвращению возможностей развития. Поэтому мы видим миссию городов по восстановлению и развитию периферии. Она должна приобретать форму портфеля из разнообразных проектов, которые инициируются элитами крупных городов и районов совместно с бизнесом.

Несколько слов о законодательстве. Развитие агломерации – это проблема территориального управления. Современные агломерации (вернее, протоагломерации) выходят за рамки существующих административных образований, тем самым, что называется, обесмысливая имеющуюся сетку административно-территориального деления. У нас, к сожалению, отсутствует правовое регулирование этой области, законодательство ничего не запрещает, но и не содействует. Это заставляет изобретать обходные пути — к примеру, коллективные соглашения. Кроме того, есть проблемы с финансированием проектов, выходящих за пределы города: оно согласно законодательству квалифицируется как нецелевое со всеми вытекающими. У нас по-прежнему нет институциональных условий, эффективной структуры формирования агломераций на федеральном и региональном уровнях, нет согласованной системы документов долгосрочного развития, которая совмещает для конкретной агломерации пространственное, социально-экономическое и бюджетное планирование. И вершина всего – даже нет самого понятия агломерации, с чего мы и начали. При том, что агломерационная практика в России, именно практика, значительно опережает теорию. Вопрос правового оформления агломерации в настоящее время можно решать без внесения в нормативку, путем заключения соглашения, путем решения проблем в документах территориального планирования.

Если говорить о ведении на государственном уровне перспективных агломераций, речь идет о тех приоритетах, которые запланированы в стратегии развития федеральных округов. Мы утвердили эти стратегии, назвав перспективные агломерации. Мы ставим вопрос не столько о развитии определенного числа агломераций (10, 20 на территории России), но и о поддержке многообразия агломерационных процессов как таковых.

Резюмируя, повторю: мы считаем развитие агломераций архиактуальным, делаем определенные шаги, в частности поправки в Градкодекс по совместной разработке документов территориального планирования двух и более территорий. Эту тематику будем развивать, чтобы появился адекватный

инструментарий по документам территориального планирования. В конце прошлого года организовали межведомственную рабочую группу по социально-экономическому развитию городских агломераций. Процесс этот капиталоемкий, и без федерального финансирования здесь никак, но первопричина – инициатива субъектов, которую мы будем поддерживать. Тем более что диалог со стейкхолдерами должен идти именно на субъектном уровне. Мы видим свою задачу в том, чтобы институционально и методологические обеспечивать этот процесс. Сейчас формируем план работ по законодательному и организационному сопровождению, подходы, критерии выбора пилотных проектов, и внесем дефиницию в Градкодекс.

— *Слово Михаилу Груднину – руководителю одного из ведущих центров в сфере территориального развития. Какие модели решения проблем, о которых мы сейчас говорили, вам видятся эффективными в условиях нашей действительности?*

— В «Генеральной схеме расселения», принятой почти 20 лет назад, «агломерация» упоминается десятки раз, то есть дефиниция была введена в правовой оборот еще тогда. Пробежусь по ряду принципов, которые, на мой взгляд, весьма уместны для аудитории. Из истории известно, что все крупные очаги мысли всегда находятся в математической точке наивысшей концентрации людского материала. Анализ мировой практики урбанизации показывает, что центры высоких технологий, территориальных очагов научных прорывов и так далее, формируются при средней плотности населения 300-350 человек на квадратный километр. Сейчас эта планка поднимается за 500, потому что генсхеме уже 20 лет. Но, тем не менее, идеология понятна: увеличение числа ареалов концентрации... Однако мы самая большая страна в мире; подходить к ней со стандартной меркой европейской или общемировой – не совсем правильно и не совсем корректно. Некий элемент опорного каркаса системы расселения — если рассматривать его, опорный каркас состоит из 160 центров. Я выделил крупные ареалы, особенно в Сибири. Вот у нас южно-сибирская система расселения, байкальская, дальневосточная. Между Читой и Благовещенском помещается Европа — 1900 километров. В этой позиции агломерации, на мой взгляд — это современный тренд именно российской урбанизации. Наша специфика в том, что Россия в 1950 году составляла – 4% мирового населения; 2000 год – 2% населения, 2050 год – 1% населения, 2100 год – 0,5% населения. Мы в два раза уменьшаем свою численность за каждые 50

лет по отношению к общемировой численности... оставаясь при этом самой большой страной в мире. В этой позиции агломерации – это экономическое сжатие территории.

Специфика российской агломерации еще и в том, что у нас 2/3 российских домохозяйств имеют два жилья – городское и пригородное. Все проходили советский феномен дачи, он за 20 лет не растворился, и с ним жить еще десятилетия. Агломерация в первую очередь — связи, но ни один крупный город не может похвастаться их развитием. Мы находимся в Красноярске; а аэропорт в Емельяново, он никогда не будет в Красноярске, если только не идти по московскому пути. У меня принципиальная позиция, агломерации – это ни в коем случае не расширение границ. Полигоны твердых бытовых отходов, очистные сооружения, и кладбища, где всем мы окажемся — это вне пределов городской черты.

Агломерации – это не только образования вокруг крупных городов-миллионников. Кстати, незачем любой ценой натягивать численность до миллиона, как в советское время боролись за бюджет, чтобы построить метро. Посмотрим на агломерации крупного масштаба в зарубежной практике. Крупнейшая – это конгломерация городов Бостон — Вашингтон в Америке, где 3% территорий живет 15% населения и делается 25% собственного ВВП... который в несколько раз больше ВВП России.

В Сибири, на мой взгляд, агломерация – это еще более размытое понятие... Мы рассмотрели такую несколько провокационную, может быть, ситуацию, как «сибирская конурбация» Омск — Томск — Новосибирск, она вытекает из генеральной схемы расселения. Я взял такую позицию, как зонирование территорий, по степени благоприятности проживания и хозяйственной деятельности. Последняя территория комфортного проживания — это полоса расселения, где живет 3/4 населения; она захватывает Омск, Томск; далее уже некомфортная ситуация. В этой позиции создание сибирской конурбации интересно в аспекте, связанности территории. Минэкономики планирует скоростную магистраль после 2030 года. Маршрут Новосибирск — Томск — Омск принципиален, этот каркас, который превращается в суперкаркас.

Рассмотрим малые агломерации: в Канаде насчитывается шесть агломераций по миллиону человек; 80 агломераций меньшего размера; в том числе последняя — Сен-Жан, 181 тыс. чел. Есть примеры сельских агломераций во Франции; небольшие города по 60 000 — 100 000 человек объединяют усилия. Самый

крупный город на 20 000 человек; маленький Круасен – 2000 человек; вся агломерация — стотысячная. Принцип простой – объединяются сельские поселения муниципального образования, делается одна хорошая конкурентоспособная школа. Не пять маленьких школ, где всем не хватает места, а один автобус объезжает. Делается один хороший спортивный объект, который обслуживает всех; один кирпичный завод и так далее. У нас на Кавказ приезжаешь в какой-нибудь международный аэропорт Магас — от него 40 минут до международного аэропорта Грозный, 50 минут до международного аэропорта Владикавказ; эта ситуация смешная. Агломерационное мышление — это взгляд сверху. Есть понятие в кибернетике «эмерджентность»; сумма домов не есть город, город – это общественное пространство и этнокультурный нарабатанный потенциал. Самолет: фюзеляж, двигатель, крыло по отдельности не полетят; только вместе они дают свойство, не свойственное ни одной из его частей.

Приведу пример. Мы готовили саммит АТЭС; полуостров Муравьев-Амурский и остров Русский — за пределами округа Владивосток. Базовым условием проведения саммита было наличие дороги-дублера; мало ли что случится, и не все на вертолетах с охраной могут прилететь. Если город делает дорогу-дублер, за пределы своей границы, в том числе с прокладкой тоннелей — то получает возможность освоения еще 450 га территории, которую можно застроить. Это ситуация, когда выходишь за пределы городского мышления: видно, что через полуостров Де-Фриз дорога дешевле, эффективнее и мы получаем новый планировочный район, по площади больше чем сегодняшний Владивосток. Более того, на него легко находится инвестор, потому что это одна из лучших территорий Дальнего Востока со времен Российской империи.

Эта позиция, когда находятся ответы на ряд вопросов вне контекста города, городской черты. Вот у нас СТП Российской Федерации, субъекта федерации, муниципальный район... Условно, генеральный план делается в десяти тысячном масштабе, есть эффект привязки к административным границам. Не может мэр заказать, условно говоря, агломерацию... Кстати говоря, агломерация — «губернаторский» уровень по определению, потому что у нас 14 статья Градкодекса дает право проектировать развитие территории на часть субъекта федерации, а межсубъектовых агломераций нет вообще. Нужно вводить эту ситуацию в оборот, но — в масштабе стотысячном (СТП Красноярского края, Красноярск вообще нет; то есть поиграть

с масштабами и посмотреть, как можно «посадить» например Универсиаду, развязки, транспорт — не представляется возможным. И таких эффектов еще множество: Барнаульская, Читинская, Новосибирская, Самарская, Тольяттинская, Кавминводы и так далее. Ни в одной агломерации мы ни одного квадратного метра к территории города не прирезали. Я люблю приводить в пример Париж, который сохраняет границы 1862 года. Агломерация не есть автоматическое увеличение всей территории до миллиона. При этом Париж растет и развивается; это интеграция, которая идет как стихийный процесс. Так и Махачкала с Каспийском срослась 100 лет назад. Если нельзя прекратить, надо возглавить. В Москве нарисовали кусок территории, потом обосновывали международным конкурсом, почему этот и как его развивать.

Президент ввел понятие агломерации в политический оборот, отметив, что освоение территорий России надо начинать с земель вокруг крупных экономических центров. Расширение агломерационного радиуса наших городов в полтора-два раза увеличит доступную территорию; на ней будет размещено 25 миллионов новых высокотехнологичных рабочих мест, которые дадут 75% прироста ВВП до 2020 года. Разработка и утверждение проектов агломераций — позиция принципиальная; последнюю (Барнаульскую) Минрегион утвердил в декабре. Состоялось создание межведомственной рабочей группы по социально-экономическому развитию городских агломераций; определены приоритетные региональные проекты. Никто за количеством не гонится; Минрегион развития поддерживает именно комплексный подход, инициативу снизу — от сельской агломерации до конурбации.

— *Пример с французскими деревнями говорит, что ценность агломераций заключается в объединении ресурсов, координации управления и создании инфраструктуры для эффективного развития территорий. Красноярск является одним из центров притяжения капиталов и людей в сибирском регионе. Вопрос к Анатолию Цикалову – Министру экономики и регионального развития Красноярского края. С кем и как вы планируете координировать усилия и как вы видите вообще дальнейшее развитие Красноярская, которая, в общем, так же, как я и говорил, основа сформирована в советский период со всеми плюсами и минусами?*

— Цикалов А.Г.: Красноярский край был выбран Минрегионом в качестве пилотной площадки для двух больших работ. Это, прежде всего, территориальный обзор Красно-

Президент ввел понятие агломерации в политический оборот, отметив, что освоение территорий России надо начинать с земель вокруг крупных экономических центров. Расширение агломерационного радиуса наших городов в полтора-два раза увеличит доступную территорию; на ней будет размещено 25 миллионов новых высокотехнологичных рабочих мест, которые дадут 75% прироста ВВП до 2020 года. Разработка и утверждение проектов агломераций — позиция принципиальная; последнюю (Барнаульскую) Минрегион утвердил в декабре. Состоялось создание межведомственной рабочей группы по социально-экономическому развитию городских агломераций; определены приоритетные региональные проекты.

ярской агломерации. Также территория выделена в качестве пилотной территории для продвижения работы по присоединения к ОЭСР. Край является одним из крупнейших регионов (второй по площади в России), один из богатейших по природным ресурсам, по промышленному потенциалу. Наш валовый региональный продукт уже несколько лет как превысил триллион рублей, мы динамично развиваемся и лидируем в Сибирском федеральном округе. Мы плотно работаем с иностранными компаниями, которые закупают продукцию, производимую на территории Красноярского края; взаимодействуем с инвесторами, которые вкладывают средства в край. Материалы и методики в официальной статистике по ряду параметров не стыкуются с международными методиками. Благодаря ученым Сибирского федерального университета, специалистам Финансового университета при Правительстве РФ, и Красноярск-крайстату мы косвенно смогли получить показатели, которые необходимы для того, чтобы эксперты ОЭСР могли воспринять эти данные. Мы являемся передовым регионом по используемым методикам на территории РФ, в дальнейшем этот опыт работы будет полезен и в других регионах.

— Я бы хотел предоставить слово для комментария Уильяму Томпсону – стар-

шему советнику департамента государственного управления и территориального развития ОЭСР. Каково место Красноярска в глобальной экономической системе, какие вызовы и возможности есть перед Красноярском? И какие управленческие модели вы рекомендовали бы для развития Красноярска в будущем?

— Уильям Томпсон: Во-первых, хотел бы подтвердить, что материалы Красноярска, действительно по качеству значительно лучше того, что обычно получаем даже от стран-членов ОЭСР, не говоря уж о конкретных городах, районах, регионах. Валерий Гаевский определил в формировании городской агломерации в российских условиях 4 ключевых момента (транспорт, экологические параметры, расселение и инфраструктура); я бы добавил еще кое-какие. Принято думать, что высокая плотность населения — преимущество экономики агломерации; наоборот, супер-важна внутренняя связь. Мы сделали большой обзор Чикаго; огромный город, мировой центр по логистике и транспорту — но внутренняя связанность очень плоха, из-за этого очень большие цифры по безработице в одних местах, одновременно нехватка рабочей силы в других; хотя они недалеко друг от друга: проблемы — в отсутствии транспортной связи территорий.

Помимо этого, я добавил бы связь рынка труда и развития человеческого капитала, и сделал бы акцент не на высшее образование. Люди с высокой квалификацией очень мобильны; если их «производят» здесь, а привлекательных рабочих мест нет — они уезжают. Но проблему нехватки рабочей силы на средних и низких сегментах спектра навыков надо решать на уровне агломерации, потому что никто не приедет, скажем, из Воронежа в Красноярск, чтобы работать машинистом. Поэтому общий подход не только к образованию, но и к управлению развитием рынка труда на уровне агломерации — очень важный момент.

Необходима общая стратегия. Географическое положение Красноярска не оптимально, как всем известно: суровые климатические условия, большие расстояния и так далее. Но важно, что город-миллионщик в Германии, и город-миллионщик в Восточной Сибири — это разные понятия с точки зрения экономических возможностей. Любая стратегия регионального развития должна начинаться с немобильных акторов; мобильные акторы перемещаются. Но если строить стратегию на быстром перемещении — нужно иметь в виду, что регионы конкурируют друг с другом не на основе относительного преимущества (потому что теория сравнительных преимуществ

Рикардо предполагает немобильность факторов), а на уровне абсолютного преимущества. Это не значит, что не нужно вкладывать в развитие человеческого капитала, это всегда стоит делать — но я вижу, что к 2020-му году «главным конкурентным преимуществом Красноярской агломерации должен стать человеческий капитал», и задаюсь вопросом, как и почему. То, что здесь находится и не перемещается — это природные ресурсы, это Железногорск. Это не значит, что регион должен остаться добытчиком ресурсов и экспортером. Мы видим вокруг Красноярска замечательные примеры развития полезности, добавленной стоимости. Но все-таки основной конкурентное преимущество остается таким же, и это неплохо; бороться с ним не стоит, это дорого и болезненно.

Что касается инноваций, есть важный момент. Идея очень мобильна, мы работаем со многими регионами, у которых замечательные показатели по инновациям, но они от этого не видят ни роста производительности, ни привлекают новые компании, потому что у них есть лаборатории, университеты и так далее, но крупные компании там делают НИ-ОКР, а промышленность развивается далеко за пределами региона, или даже за рубежом. В отличие от многих российских регионов, здесь научная база соответствует специфике экономике. В этом плане, инновационное развитие здесь перспективно, но лишь имея в виду региональную специфику.

И последнее, я говорил о внутренней связанности. Нужно думать о внешней связанности, потому что с точки зрения мировой экономики Красноярск находится далеко от всего и вся; но это до какой-то степени можно и нужно надо изменить. Это имеет большое влияние на издержки, на конкурентоспособность производителей. Что касается государственного управления, могу только приветствовать ваши замечания, а сделать всего одно лишнее замечание: будучи уже 10 лет жителем Парижа, могу вам сказать, что с точки зрения управления агломерациями это точно не пример, достойный подражания.

— **Логично поговорить о Москве, крупнейшем центре агломерационного развития в РФ, одном из крупнейших центров мирового значения. И уже сейчас проблемы, о которых мы говорим, являются просто каждодневными, актуальными для Москвы, и мы следим за тем, каким образом пытается Москва решить вопросы своего пространственного развития, транспортные проблемы, которые в одиночку мэрии Москвы, решить невозможно. И в связи с этим вопрос Андрею Шаронову: как вы решаете проблемы, когда элиты**

не заинтересованы в развитии единого центра, потому что есть свои интересы, в том числе административные?

— А.В. Шаронов: Я хотел бы, может быть в несколько провокационном ключе, остановиться на противоречиях, которые по умолчанию присутствуют в теме агломерации. Мы 2 недели назад встречались с Биллом в Париже, он его критиковал и нахваливал Красноярск, но 10 лет мучается в Париже. Стало общим местом, что агломерация является объективной реальностью. Можно спорить об определении, но она существует как явление, и все большее количество людских, экономических, духовных ресурсов концентрируются в них. Рост добавленной стоимости в агломерации распределяется не пропорционально, чем дальше, тем больше. Могу предположить, что даже Минрегион обсуждает вопрос депрессивных территорий и противопоставление больших городов-агломераций, которые высасывают ресурсы остальной страны. Надо быть честными, обсуждая агломерации — и искать ответ на вопросы, что происходит с остальной территорией страны, с остальными поселениями. Если у нас должны быть агломерационная политика, мы должны отвечать, каковы ее последствия для остальной части населения. Я знаю губернаторов (по крайней мере, которые работали до недавнего времени), которые с упорством, достойным лучшего применения, открывали школы в тех поселках, которые на бытовом уровне называют неперспективными; это выглядело как борьба за сохранение, и как плюрализм в одной голове. Мы говорим об агломерациях — но тратим ресурсы на такой бесперспективный вид деятельности. Усугубляя, скажу, что в отношении Москвы существует определенное раздражение, и ряд заблуждений. Одно из них состоит в том, что если бы не Москва, то мы бы получили денег гораздо больше (такова позиция некоторых регионов); если бы не Москва, то соответствующее количество рабочих мест оказалось бы у нас; и иностранные инвестиции пришли бы в наш регион. Я считаю, что здесь гораздо больше заблуждений, чем истины. Мы должны правильно коммуницировать.

Назову несколько цифр и соображений, касающихся рабочих мест в Москве. Это 6,3 млн. рабочих мест, на 15 млн. «дневного» населения; кстати, это сейчас самый крупный мегаполис Европы, если брать узкие административные границы города. Из 6,3 миллионов человек москвичей только 4 миллиона, то есть более трети работающих в Москве — не москвичи, с разной формой миграции: из-за МКАД, из Московской области, из соседних регионов, из дальних регионов и из

зарубежья, ближнего и дальнего. Люди, которые работают в Москве, вывозят заработную плату примерно в размере 700 млрд. руб. в год из Москвы в свои регионы, за МКАД и дальше зарубежье. На мой взгляд, это надо рассматривать как плюс; и далеко не факт, что эти люди смогли бы заработать эти деньги, не поехав в Москву.

Опускаю известную информацию по поводу финансовых, образовательных, культурных, медицинских возможностей. Анализ еще нескольких мегаполисов (Мехико, Шанхай, Нью-Йорк, Лондон, Париж) показывает, что их доля в населении и валовом продукте страны отличается тоже примерно в два раза. Население в 2 раза меньше, а доля ВВП в два раза больше, что является тенденцией. Интересен опыт Нигерии, самой крупной страны Африки, 100 млн. населения: там всерьез озаботились этим противоречием и решили положить конец процветанию одного мегаполиса Лагос. Решили раздавать эти деньги по регионам страны. Вывод, который сделали международные эксперты: Лагос потеряли; теперь это очень плохой маргинализирующий город с четырнадцатимиллионным населением; но при этом нет и видимых, качественных скачков в развитии регионов. Международные чиновники, которые занимаются урбанистикой, демонстрируют это как пример борьбы с объективной тенденцией.

Сейчас мы работаем над стратегией, мастер-планом и генеральным планом Москвы. Стратегия жанр сложный, он дискредитирован и засижен; но мы попытались посмотреть на Москву с трех точек зрения: Москва для жителей, Москва для России и Москва для мира. И здесь мы пытаемся раскрыть миссию Москвы, предназначение для России и мира. Мы видим смысл и основание, чтобы в Москву приходили ресурсы в виде инвестиций, людей: это бы не негативно, а позитивно сказывалось на остальной России.

Как мы всем этим управляем. Естественно, московская агломерация — это, прежде всего, вопрос Москвы и Московской области, хотя эксперты говорят, что за 2025-м годом московская агломерация пересечет границы Подмосковья и охватит практически все города золотого кольца (Тверь, Рязань, Владимир, Тула, Ярославль)... Как только поезда начнут двигаться со средней скоростью 150 километров в час, из центра Твери до центра Москвы будет доехать быстрее, чем из Бутово до Красной площади. Это медицинский факт, который усилит агломерационный эффект, который мы сейчас имеем.

Что касается развития московской агломерации, на мой взгляд, сейчас гораздо больше взаимопонимания между Москвой и Москов-

Москве ситуация проще, но все решения в области транспортной, инженерной инфраструктуры и строительства крупных объектов согласованы. То есть мы не строим нечто, что убирается в бутылочное горлышко в Московской области, и наоборот – Московская область не делает того, что не приходит в логичное развитие на территории Москвы. Это банальность, нужно договариваться при посредничестве федералов. Скажем, по транспорту у нас есть тройственная комиссия, возглавляемая Минтрансом РФ, где мы согласовываем приоритеты с областью. Что приоритет для нас, то и приоритет для Московской области и для федералов. Решаем «за ближайшие 2 года сделаем дорогу» — и не распыляем, не омертвляем деньги.

ской областью. Остаются интересы каждого региона, которые противоречат общей логике развития агломерации; это связано с транспортным строительством, с твердыми бытовыми отходами. Но мне кажется, что по большому счету это выяснение противоречий, которое долгое время вообще замалчивались и не замечались. Это не путь – пытаться время от времени замерять виртуальную границу агломерации и быстро «накрывать» ее административным решением; это тупиковый путь, который не комментирую. Наше преимущество в том, что это 2 субъекта, хотя концентрация власти в Московской области меньше по объективным причинам, там 1000 поселений, 300 муниципалитетов и районных образований со своими полномочиями в градостроительной политике, в градпланировании, что как минимум усложняет им работу. В Москве ситуация проще, но все решения в области транспортной, инженерной инфраструктуры и строительства крупных объектов согласованы. То есть мы не строим нечто, что убирается в бутылочное горлышко в Московской области, и наоборот – Московская область не делает того, что не приходит в логичное развитие на территории Москвы. Это банальность, нужно договариваться при посредничестве федералов. Скажем, по транспорту у нас есть тройственная комиссия, возглавляемая Минтрансом РФ, где мы согласовываем приоритеты с областью. Что приоритет для нас, то и приоритет для Московской области и для федералов. Решаем «за ближайшие 2 года сделаем дорогу» — и не распыляем, не омертвляем деньги. Ничего нового — надо только уметь договариваться.

— *Какие инструменты сейчас есть в банковской сфере вообще и у «Банка Москвы» в частности для решения вопросов, которые актуальны для развития агломераций — прежде всего, для единой инфраструктуры?*

— Кузавлев М.В.: С моей точки зрения, Сибирь должна прирастать своими городами — поэтому в первую очередь необходимо развитие инфраструктуры городов, жилищно-коммунального хозяйства, больниц, садилов, чтобы можно было и учиться и лечиться. В чем функции банков? Эти задачи требуют огромных ресурсов, объем которых можно сравнить с размером нашего валового внутреннего продукта. И хотя в последние годы государство тратит огромные деньги на финансирование именно развития инфраструктуры, а бюджеты городов выделяют средства для городского заказа, «много денег не бывает» — в том числе на цели развития агломераций... Многие задачи должны были решаться

уже давно. Мы часто, развивая агломерации, должны решать кризисные ситуации, которые ранее были упущены. Банк — простая организация, которая умеет выдавать и собирать деньги. По-хорошему, на этом наша функция заканчивается.

Роль банков в развитии агломерации — это в первую очередь кредитование исполнителей городского заказа, и участие в софинансировании городских проектов — например, ГЧП. Банк может финансировать участников, частных инвесторов, которые частично дают свой капитал плюс «плечо» банка. На этом вырастает другая функция банков: проекты поддерживаются только когда понятно, как развивается агломерация. Это возможно, только когда мы находимся в постоянном контакте с администрацией, изучаем и принимаем участие в формировании социально-экономических программ развития.

Важная роль банка — это инвестиционное консультирование администраций и инвесторов. Это актуально для крупных банков, которые обладают сетью за рубежом, в том числе и для группы ВТБ — иностранные партнеры могут прийти и рассказать о международном опыте, примерах других регионов. У нас в группе «Банк Москвы» отвечает за компетенцию работы с городским хозяйством — это города, области, республики, края, то есть субъекты федерации.

Наиболее характерен пример Москвы — как много банки могут дать администрациям для финансирования их программ. Приведу несколько цифр. Наш портфель кредитов для Москвы, выданных либо исполнителям городского заказа, либо в инвестиционные проекты, в начале года был 80 миллиардов, в конце 150 млрд. руб.; на следующий год наш план — 250 млрд. Понятно, что обычно отношения с исполнителями городского заказа начинаются с малого — например, гарантий. На начало года у нас было выдано таких гарантий 10 миллиардов, сейчас 127 млрд. руб., на следующий год мы видим цифру 200 млрд. Чтобы людям было комфортно, банки поддерживают и трудовые ресурсы путем ипотеки, потребкредитования, кредитных карт. Когда мы говорим о поддержке трудовых ресурсов, например, «Банка Москвы», его программа социальных карт москвича или сегодняшнее участие в проекте универсальной электронной карты, — социальный большой проект. Пршное руководство города считало его чисто социальным; из 4,5 миллионов карта достаточно небольшое количество пользовались ими только чтобы пройти в метро, и лишь малая часть — чтобы вести расчеты. Если банк специализируется на работе с городским хозяйством, удобен городу, то

на такого рода карты делаются разные приложения, удобные горожанам. Например, недавно мы выпустили транспортную карту. Москва нуждается в предоплаченных картах, сейчас департамент Лискутова выпускает своей проект такого рода. Хотим мы или не хотим, но необходимо включить в потребительскую корзину в том числе расходы на IT услуги; рано или поздно мы будем получать на электронную карту медицинский рецепт; это уже в планах наших продаж. Поэтому банки заинтересованы быть ближе к городским администрациям. И когда мы говорим о каналах продаж, никогда не бывает односторонней дороги.

У нас «единая электронная торговая площадка» — это инструмент проведения городских торгов. Подобные примеры есть в других регионах, например РТС в Татарстане, где любое предприятие может получить доступ к госзаказу. В Москве на сайтах представлены все площадки; городское правительство определяет коэффициент экономии и перераспределяет заказы на более удобных площадках. В свою очередь банки, работая с городом, выдвигаются непосредственно в администрацию и предлагают разместить заказы на своих площадках, за более дешевые ставки по комиссиям, гарантиям по выполнению, по кредитам... Поэтому для банков это канал продаж, а для города способ контроля. Рано или поздно будет принят документ о федеральной контрактной системе; когда мы смотрим на электронную площадку, то видим ряд угроз, например, что часть сегодняшних электронных торгов может перейти в бумажную форму. У нас есть продукт «Центр контроля». Мы его по запросу отдаем администрации, которая получает возможность видеть все денежные потоки, хотя получить доступ к счету субподрядчика без внесения изменений в антимонопольное законодательство пока нельзя. Наша рекомендация — в части контроля за финансированием городских проектов внести соответствующие изменения в ФКС.

Беда всех агломераций — это управляющие компании, которые при расщеплении платежей за жилищно-коммунальные услуги не всегда данные средства отправляют поставщикам. В Москве проблема решена административным ресурсом, тоже и в ТатарстанеФедер. Есть у нас ряд предложений к изменению в законодательство, тоже можем представить. С нашей точки зрения три функции, которые банки исполняют для развития агломераций. Они увеличивают финансовые возможности городских властей, они создают им среду для комфортных расчетов и дают инструменты контроля.

— *Хотел бы предоставить слово Алексею Праздничных (Strategy Partners). Ваша компания подготовила исследования для Москвы и вопрос, какое место Москвы в глобальной конкурентоспособности городов и агломераций, какие сильные и слабые стороны (очень коротко, буквально 2-3 минуты). И что вы рекомендуете Андрею Владимировичу в связи с этим.*

— А. Праздничных: Хотел бы обсудить один вопрос, связанный с развитием агломерации. Если вы опросите семьи в Москве и других крупных городах, планируют ли они уехать из России, обнаружите интересную закономерность. Количество семей, которые планируют уехать из России, в Москве в несколько раз выше, чем в других российских городах. Из этого мы не делаем вывод, что качество жизни в Москве хуже, чем в других городах или агломерациях. Эти данные говорят, что московская агломерация или Москва находится в условиях международной конкуренции за ресурсы развития и конкурирует за предпринимателей, таланты и инвестиции. А если вы опросите мобильных профессионалов, людей, которые работают в отраслях и могут без проблем уехать в другую страну, доля готовых уехать из Москвы будет еще выше. Поэтому, когда мы говорим о Москве как об агломерации, в отличие от многих других, столица сталкивается с серьезной международной конкуренцией. Для Москвы очень важная компонента — понять, как позиционироваться в международном пространстве. В рамках одного из исследовательских проектов мы попытались оценить конкурентоспособность Москвы как глобального города. Для этого мы собрали статистические данные из различных источников, которые оценивают различные аспекты конкурентоспособности глобальных городов, от качества школьного образования до качества инфраструктуры и структуры экономики. Пока мы смогли собрать данные о 30 городах, которые находятся в развитых и развивающихся странах; интегральный индекс показывает достаточно скромные позиции Москвы по сравнению с другими глобальными городами. То есть в настоящее время Москва с точки зрения конкурентоспособности по определенным факторам проигрывает многим другим городам.

Я хотел бы суммировать некоторые конкурентные преимущества и недостатки Москвы, как глобального города. По-моему, одно из фундаментальных конкурентных преимуществ Москвы как глобального города — что она является столицей России. Если посмотреть на факты развития глобальных городов, огромная доля экономического роста определяется не тем, насколько конкурентоспособен сам город, а насколько быстро развивается экономика страны. Поэтому одно из ключевых конкурентных преимуществ Москвы по сравнению со многими другими городами, и что будет поддерживать экономический рост — это факт, что Москва является экономическим центром России, экономика которой растет.

Следующий момент связан вот с чем. В США большая часть инноваций в области здравоохранения, новых лекарственных препаратов и так далее изобретена в трех крупнейших американских городах. Если посмотреть на карту мира, такие крупные города, как Москва, являются источником инноваций, которые потом оказывают огромное влияние на развитие других регионов и городов. С точки зрения сильных, слабых сторон, они, пожалуй, все понятны и логичны. Я бы в заключение хотел обозначить один аспект, который не является выбором для Москвы, но так или иначе будет активно обсуждаться и в перспективе станет ключевым для других крупных городов. Что такое промышленная политика и промышленность в крупных городах? Мы говорили о новых рабочих местах, но ситуация противоречивая: если посмотреть на структуру экономики в крупных городах, вы увидите, что лишь малая доля населения получает огромные зарплаты, и их производительность очень высока, но зато огромная доля населения — это низкооплачиваемая и низкоквалифицированная рабочая сила. Поэтому многие города от Нью-Йорка до Брюсселя сталкиваются с огромной диспропорцией в структуре экономики. Ключевой вопрос, в какой мере агломерация Москва может стать источником новых рабочих мест, на самом деле очень дискуссионный. Москва имеет одну из самых высоких в мире долю промышленного производства в структуре экономики. С другой стороны, уровень производительности этих отраслей аналогично отстает от всех крупнейших городов. Один из ключевых вопросов промышленных политики — что делать с теми рабочими местами в промышленности, которых достаточно много, но уровень производительности очень низкий. Разные города подходят к этому вопросу по-разному. Сингапур, казалось бы, прообраз постиндустриального города, где промышленность ключевой приоритет, поэтому Сингапур поддерживает одну из самых высоких долей промышленного производства в структуре экономики. Другие города к этому подходят по-разному, но тенденция однозначна. Если вы посмотрите на стратегии программы развития многих городов, вы увидите, что практически все за последние 5 лет сделали приоритетом развитие про-

мышленности. Каждый город имеет свою промышленную стратегию, даже Нью-Йорк и Цюрих. Но ключевой вопрос, каково будущее промышленности в крупных городах. Этот вопрос открыт не только для Москвы, но и для многих крупнейших городов; какая промышленность должна быть в центре крупных агломераций.

Что касается рекомендаций, я бы сформулировал такую. Не хочу лоббировать дополнительную поддержку Москвы с точки зрения федерального центра, но страна, однозначно выиграет, если в России будет несколько конкурентоспособных в международном масштабе агломераций. Москва в настоящее время является лидером; важно понять, помимо развития агломерации, разного размера, разной плотности, что должна сделать федеральная политика, чтобы в стране появилось несколько международных глобальных городов, которые будут магнитом притягивать таланты, предпринимателей, новые идеи. Однозначно, что ресурсов одной Москвы на это не хватит, и поддержка федерального центра может быть очень важна и необходима.

— *Мы послушали выступления ключевых экспертов, принимающих решения, но бизнес наиболее заинтересован в развитии агломераций, получает наибольшие выгоды от этого экономического образования. Это сокращение издержек, это повышение предложений на рынке труда и при этом нужно понять, какова роль бизнес-ассоциаций, бизнеса в диалоге по формированию агломераций. Слово Павлу Сигалу, вице-президенту объединения «Опора России».*

— Сигал П.А.: Я с большим интересом выслушал мнения специалистов в области проблем агломерации. Для нас, для бизнеса и общества эта проблема как системная достаточно нова. Но обратите внимание, что говорилось о чем угодно, о трендах, населении, инфраструктуре, и только Алексей Праздничных немножко сказал про экономику и бизнес, людей, которые создают добавочную стоимость. Сам я живу в Казани и Москве, то есть в двух крупнейших центрах, но по роду деятельности, как председатель совета региона, езжу по регионам и городам. Вы рассуждаете оптимистично и собственно говорите так: это процесс неизбежный, он все равно будет, от него никуда не деться. Мы же по нашим исследованиям видим несколько иную картину. Идет стремительная деградация малого и среднего бизнеса, начиная от малых населенных пунктов к большим, то есть бизнес микро-, малый, средний, из маленьких городов и деревень вымывается в райцентры, из райцентров в областные центры, из об-

ластных в Москву, а из Москвы по большому счету за пределы России. И процесс этот идет стремительно и неуправляемо. Причем многие законодательные акты даже последнего времени, и нормативные акты способствуют тому, что этот процесс ускоряется. Например, если принимается закон о запрете торговать табачными и алкогольными изделиями в павильонах нестационарной торговли, то для большого города или для областного это как-то проходит, а для райцентра значит, что все магазины там становятся неконкурентоспособными и закрываются. У нас исчезают целые слои бизнеса. Поэтому с точки зрения малого и среднего бизнеса, тот процесс, про который мы говорим, в большинстве своем является не благом, а большой проблемой.

Я уж не говорю про типичные ситуации и перекосы, которые есть у нас в РФ. Одна логистика... Вы много говорили про Москву, однако логистика построена так, чтобы мне, чтобы из Казани приехать в Красноярск, мне нужно поехать в Москву, и потом я уже перелететь сюда. Я возглавляю крупнейшую микрофинансовую организацию (есть филиалы в 300 городах), и специалисты едут сначала в Москву, а потом в какой-то другой город.

Помимо этого, выступал коллега из «Банка Москвы», он замечательно рассказывал как крупные банки будут помогать областным и региональным программам, однако не сказал, что в России практически не остается региональных банков, которые могли бы финансировать малый и средний бизнес в рамках региона. У нас есть регионы, где остался один региональный банк, остальное – филиалы московских. И главная задача

этих филиалов в регионе – собирать ликвидность и направлять опять же в основной финансовый центр, Москву. Поэтому когда мы говорим, что процессы агломерации и концентрации человеческих, профессиональных, финансовых и других ресурсов неизбежны, мы должны понимать, что на нашей огромной территории, если так будет дальше идти, останется десяток агломераций, больше ничего. И России просто не останется. Уважаемый коллега Андрей Шаронов говорил, что сейчас в агломерацию Москвы войдут и Тверь, и Ярославль. Но не хотелось бы, чтобы основные интеллектуальные силы этих городов могли свободно переместиться в Москву и осесть, а в этих городах никто не останется — если не будет инфраструктуры, будет специальных программ, политики развития бизнеса и закрепления его на территориях...

Мы понимаем, что говоря об агломерациях, смотрим на западный пример, когда все территории развиваются равномерно. Я не специалист, но по моим ощущениям агломе-

рация понимается так: центр развивается, а остальное деградирует. Если мы новые подходы построим так, что города агломераций будут развиваться равномерно, если бизнес будет закрепляться, а условия жизни и средняя зарплата будут не хуже, чем в основном городе, тогда процесс будет управляемый. Но на сегодняшнем обсуждении я не услышал ни одного подхода, идеи, как сделать так, чтобы развивая Москву как мировой финансовый и экономический центр, при этом создать условия для Твери или в каком-то райцентре Ярославской области.

— *Слово Леониду Смирнягину для комментариев.*

— Смирнягин Л.В. Приятно обнаружить, что в нашем сообществе некого уже убеждать, что бессмысленно бегать с административным сачком и накрывать пульсирующие агломерации. Никого не нужно убеждать в том, что это обоюдоострый меч и за концентрацией в агломерации может следовать запустение окружающих территорий. Но я бы хотел подчеркнуть, что не прозвучало. Все-таки агломерации дают прежде всего социально-культурный, а не экономический эффект; экономический тоже, но, прежде социокультурный, потому что решают как минимум 2 задачи. Вы можете сохранять преимущество жизни в городе среднего размера без ужасов крупного города (отравленная среда, пробки и тому подобное) и пользоваться инфраструктурой, типичной для крупного города: посещать оперный театр и так далее. Если действительно группируются города среднего размера, образуя единый рынок труда и единое поле трудовых и культурных поездок, эта совокупность, оставаясь средними городами, сможет содержать всю гамму услуг для людей. И вторая вещь страшной важности: такое крупное поле расселения способно обладать тысячами социальных ролей. Если вы родились в городке, где есть шетинная фабрика и машинотракторная станция, у вас перспективы стать великим трактористом или великим щетиноводом. А в агломерации спектр колоссальный; не меняя места жительства, вы можете выбирать из тысяч социальных ролей, и это резко расширяет возможности раскрытия человеческого потенциала. Конечно, важно и то, что само по себе производство обладает огромным разнообразным рынком труда. Я хотел бы все-таки восстать против высказывания Корбюзье, что только крупное, резкое урбанизирование территории порождает инновации. Это абсолютно не так. Тысячекратно это опровергнуто статистически местами рождения инноваций (они далеко не обязательно вспыхивают в таких плотно застроенных местах); города не обя-

зательно являются местами рождения самих креаторов, которые создают инновации. Они, как та же Москва, типичная площадка для реализации потенциала людей, родившихся Бог знает где, в Моршанске. Конечно, если «Пушкин наше всё», то всё родилось в Москве. Но, за исключением Пушкина и ещё нескольких товарищей, все-таки Москва жива была тем, кто приехал туда себя реализовать.

Я хотел бы подчеркнуть еще одну вещь, которая прозвучала здесь неоднократно. Страна гигантская. Падает наша доля в мировом населении. Невероятно разреженное пространство внутри страны препятствует образованию агломераций. Городов слишком мало. Есть у Жванецкого хорошая фраза, которая могла бы стать девизом Красноярского края: «Красноярск покрывает Францию, как бык овцу». Процессы агломерации во Франции и здесь у нас будут совершенно иные. У нас тоже может быть процесс, но будет и труба пониже и дым поуже. Надо с этим мириться. К сожалению, мы втягиваемся в постиндустриальную эру, как называет ее Владислав Иноземцев. Мы все еще торчим в индустриальной стадии развития, поэтому примат чисто экономических задач у нас совершенно очевиден. Высказывались справедливые мнения, что у нас есть созвездия мощных городов: Томск, Омск, Новосибирск; прибавить еще Барнаул и Кемерово, получается очень типичное поле для того, что происходит сейчас в развитых странах. В США 80 % ВВП производится в восьми мега-регионах, пятнах, радиусом 300-400 километров, внутри которых чудовищно насыщена инфраструктурная и транспортная сеть. Поэтому транспортные расходы для сообщения со своими сообщниками по производству внутри практически равны нулю. В рамках этих пятен замыкается 90 % того, что производят эти пятна на этой территории. Они самодостаточны. Это очень интересный процесс. И такого сорта пятна, типа того, что я назвал в Сибири — это уже не агломерации, а гораздо более мощные и обширные образования; даже уже не «конурбации», расстояния слишком большие. Я с трудом представляю себе, чтобы можно было обмениваться из Барнаула в Новосибирск в ежедневном плане, так как между Тверью и Москвой, но тем не менее у нас вызревает весь спектр территориальных образований, которые существуют в развитых странах. Другое дело, что они почти единичны, но уже это хорошо. Мы европейская страна, заземленная своими тягостными трудностями, но имеет смысл обращать внимание на то, что происходит на Западе. И судя по этому, с поправкой на нашу огромность, я думаю, все у нас будет хорошо.

— *Я недавно разговаривал со швейцарцами, они говорят очень скромно: «Знаете, у нас территория меньше, чем ваша в четыреста раз, но экономика у нас всего в два раза меньше». Когда самолет посадили не в Женеве, а в Цюрихе, расстояние между которыми 400 километров, мне сказали: «Можно на поезде поехать». Я говорю: «Когда поезд? Мне нужно на конференцию, я могу не успеть». Они удивились и говорят: «Каждые полчаса». Вот этот вопрос, куда нам надо стремиться.*

— Ю. Кузнецов: Тяжело десятиминутный доклад утолкать одну минуту. Я скажу о двух вещах. Мы рассматривали агломерацию с географических позиций, в экономическом аспекте. Но есть еще один аспект. Я, в недавнем прошлом руководитель среднего муниципалитета, понимаю, что главам трудно договариваться. Вот если бы, как во Франции, эти механизмы были отработаны, законом прописано как заключать договор, как передавать туда бюджетные деньги, тратить совместно, создавать управленческую структуру. Недалеко от Нижнего Тагила особая экономическая зона «Титановая долина», где много дополнительных рабочих мест, все согласны, что надо договариваться. Но дальше чая не идет. Во-первых, потому что у нас мэры все самостоятельные и не любят скидываться деньгами, а во-вторых, нет механизмов, которые могли бы цементировать, удерживать. Мы на некоторых площадках проведем эксперименты, хватит года, чтобы мы почувствовали, где сегодня мешают законодательство, где оно нас сжимает. В конце концов, и сто тридцать первый Закон о местном самоуправлении изменить в этой части. Восьмая статья ничего про агломерации не пишет. Нужно отработать агломерационную управленческую структуру, чтобы не идти через объединение муниципалитетов. Конечно, нужно смотреть на опыт стран, которые в этом давно участвуют. Недавно делегация Союза российских городов была во Франции, там все работает, потому что есть самостоятельное законодательство. У нас, например, сто тридцать первый закон напрямую запрещает передавать муниципальные полномочия на какие-либо уровни. Бюджетный кодекс напрямую запрещает передавать бюджетные деньги. Я рассчитываю, что Минрегион возглавит эту работу, и допустим, к концу 2013 года или хотя бы в 2014-м мы внятно вот сформулировали законодательные изменения. В управленческом смысле скрепляющим моментом могло бы быть активное участие субъекта Федерации (Правительство края, Правительство области и так далее), пока законодательство не отрегулировано. Нивелировать расплывчатость,

Мы рассматривали агломерацию с географических позиций, в экономическом аспекте. Но есть еще один аспект. Я, в недавнем прошлом руководитель среднего муниципалитета, понимаю, что главам трудно договариваться. Если бы эти механизмы были отработаны, законом прописано как заключать договор, как передавать туда бюджетные деньги, тратить совместно, создавать управленческую структуру.

аморфность сегодняшнего состояния законодательства конкретными организационными возможностями. Например, участие в этой управленческой структуре не только мэров, которые могут так и не договориться на равных, а скрепляющим звеном Правительства субъектов.

— *Восемьдесят три субъекта и субъект субъекту рознь, но предложение хорошее. Рафаэль Валиахметович, пожалуйста.*

— Рафаэль Валиахметович: Остановлюсь на четырех моментах. Андрей Владимирович говорил, что Москва самая крупная агломерация Европе. Москва занимает шестнадцатое место по количеству жителей, и, как вы видите, ни одной европейской агломерации перед нами нет. Второй момент, на что я хотел бы обратить внимание, почему имеет смысл поддерживать Москву. Если мы посмотрим на развитие наших агломераций, — здесь представлены четыре этапа развития, самые современные — на этапе постиндустриальных агломераций у нас только Москва. Как уже приводили пример с Лагосом, если мы будем образом отнимать у Москвы и всем раздавать, из этого ничего хорошего не будет. Наверное, имеет смысл Москву с этой позицией поддер-

живать. Все виды агломерации уже в России сложились. Моноцентрическая — это пример Москвы. Фактически она занимает Московскую область. Полицентрическая агломерация — Камская, где представлены пять городов. Современные кластеры организуют новую Уфимскую агломерацию: Стерлитамак, Салават, Ишимбай. Ростовская агломерация, в которую на самом деле фактически входит часть Украины — Донбасс, это уже некая международная агломерация. Хочу обратить внимание на расположения агломераций по транспортным коридорам; все крупные предприятия могут располагаться фактически в диаметре 200 км вокруг крупных городов. Прошел конкурс, 25 пилотных кластеров выбрали по России. Обратите внимание, они все расположились по агломерациям и крупнейшим городам. Это еще раз говорит, что агломерация — центр кластеров, и что кластеры формируют агломерацию. Последнее, на что я хотел бы обратить ваше внимание, мы сотрудничали с ОСЭР, которая провела двадцать один обзор по крупным городским агломерациям мира. Мы основательно изучили монреальские агломерации, там те же самые проблемы, которые были в России, с муниципалитетами, которые не хотели входить в агломерацию. Сейчас монреальская агломерация получила все признания: и муниципалитеты, и жители довольны. Я надеюсь, что в Красноярской агломерации будет использован опыт Монреаля, и для наших и других агломераций, и мы получим положительные результаты.

— *Сейчас многократно в разных формах поминали Францию; маленький комментарий господина Томпсона.*

— Во-первых, что касается малого бизнеса: если малый бизнес боится агломерации, это больше всего говорит о деловом климате в России. По всему миру, как правило, средний размер предприятий в большом городе, значительно меньше среднего размера предприятия в небольших городах, по той причине, что большие агломерации представляют богатые экологические среды для развития малого бизнеса. Быть там предпринимателем легче. Второй момент касается индустриальной политики; Алексей правильно сказал, что, скорее всего, мэр Блумберг не понимает абсолютное преимущество своего города. Мы видим почти по всем городам и странам ОСЭР в течение 30-40 лет закономерность, что самые большие города все больше специализированы на определенных функциях. Особенно менеджмент, высококачественные деловые услуги. А менее крупные города — по отраслям. Это отчасти отражает глобализацию и разделение менеджмента и произ-

водства. В Нью-Йорке, конечно, в основном сосредоточены определенные функции. Именно из-за этого в таких городах спектр навыков куда шире и неравенство больше.

Момент, что касается тренда: тренду будет конец, и мы этот конец уже видим. Я скептически отношусь ко всем долгосрочным прогнозам о будущем, но если мы принимаем всерьез расчеты ООН, что к концу века население мира будет более-менее стабильно на уровне десяти миллиардов людей, и городского населения будет 85 % процентов, это означает, что мы видим конец процесса, который начался десять тысяч лет назад — видим конец урбанизации, и в ближайшие девяносто лет будет примерно пять миллиардов новых жителей городов. У нас сейчас три с половиной. Почему это важно? Во-первых, потому что такие решения трудно изменить задним числом. Мы живем в Европе, в городах, основанных римлянами. Римские дороги до сих пор у нас. Это означает, что в ближайшие десятилетия мы принимаем решения, которые будут определять условия жизни человечества надолго. А почему это важно? У нас новые возможности. Либо мы удвоим или утроим наши крупные города, либо создадим порядка шестисот новых Нью-Йорков. С точки зрения тех, кто занимается развитием «умной инфраструктуры», энергосберегающих технологий и так далее — это огромная возможность. Даже если урбанизация произойдет в основном не в России, а за рубежом, здесь огромные технологические вопросы и возможности, поэтому все, кто занимаются урбанистикой, должны об этом думать.

— *У нас есть время задать вопросы и озвучить какие-то комментарии по поводу услышанного.*

— Козьмин Алексей: Советник мэра города Северска, Томская область. Во-первых, на самом деле механизмы развития агломераций в законодательстве есть; возможно сделать отдельную схему территориального планирования для территории. Есть возможность создавать межмуниципальные предприятия, делать муниципальные целевые программы и областную целевую программу комплексного развития территорий, которая включает муниципальные программы. Но здесь вопрос политической воли и согласования интересов всех игроков, которые входят в агломерацию. Причем не только политических, властных игроков, мэров, губернатора и их заместителей, но и бизнес-игроков, которые контролируют рынок строительства, рынок земли. Это очень важный вопрос. Его, как правило, опускают. Но именно из-за этого иркутская агломерация в свое время и не получилась, из-за игроков строительного рынка.

— Владимир Климан, РАНХиГС. В качестве

предложения хотел бы сказать, что агломерация не может быть в одном варианте; высок риск, что мы выработаем одну модель, ее законодательно закрепим и все иные случаи будут страдать. Мировой опыт показывает, что агломерации, складывающиеся естественным образом, имеют разные модели управления. Это либо союз муниципалитетов, либо создание надмуниципального образования вместе с сохранением предыдущих муниципалитетов. Иногда это единый план развития, который подписывается на равных муниципалами и регионом, как например в Барселоне. Иногда это прямое управление со стороны регионом. К сожалению, есть риск того, что мы загубим идею некой одномодельной формализацией процесса.

— Бухарова Е.Б.: Процессы идут, мы вешаем разные бренды, исследуем эти процессы, но есть несколько ограничений. У нас создание агломерации (не беру московскую), идет в условиях, когда очень высока асимметрия экономического развития районов, которые входят в агломерацию. И 131-ФЗ, который дальше закрепляется межбюджетными отношениями, любой агломерационный процесс ведет к тому, что все муниципальные образования, ниже по уровню, начинают терять доходы; какое тогда может быть согласие? И пока у нас муниципальное законодательство идет сверху вниз, а не снизу вверх, никто не договорится. Прекрасные примеры договоров — это договоры, основанные на других законах. Пример Северска — закрытый город; понятны взаимоотношения с Томском.

Есть еще угроза не только Красноярску и муниципальным образованиям России, а городу Москве. Общий тренд в том, что смещаются и уже смещены центры финансовой ответственности. Это значит, что доходы муниципальных образований теряются за счет центров финансовой ответственности. Пока это Москва, но если центры финансовой ответственности двинутся дальше в мировые центры, то Москва начнет тоже терять доходы. А чтобы развивать агломерацию, муниципалитет (любой орган власти) должен иметь инструменты. И если их не будет, то нас будут предложения типа «давайте сделаем федеральную программу». Тогда вопрос обсуждения, как создавать агломерацию, как форму договоренности, согласованное решение, уходит на задний план. Поэтому мне кажется, мы вынуждены будем прийти к тому, что должны менять принципы законодательства (по меньшей мере администрирования); межбюджетные отношения, и вносить в документы не сверху, а снизу предложения, как должно формироваться межмуниципальное взаимодействие.

